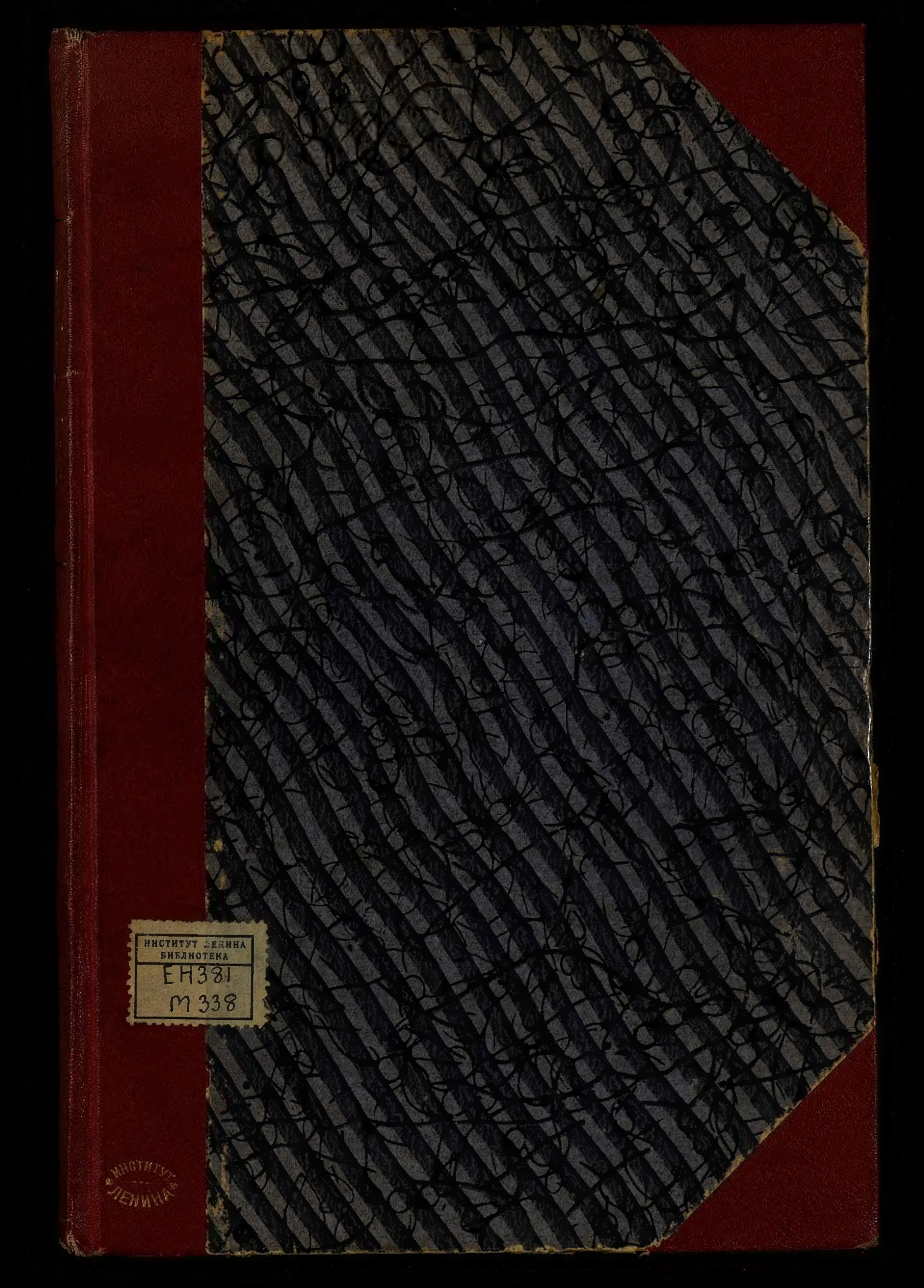
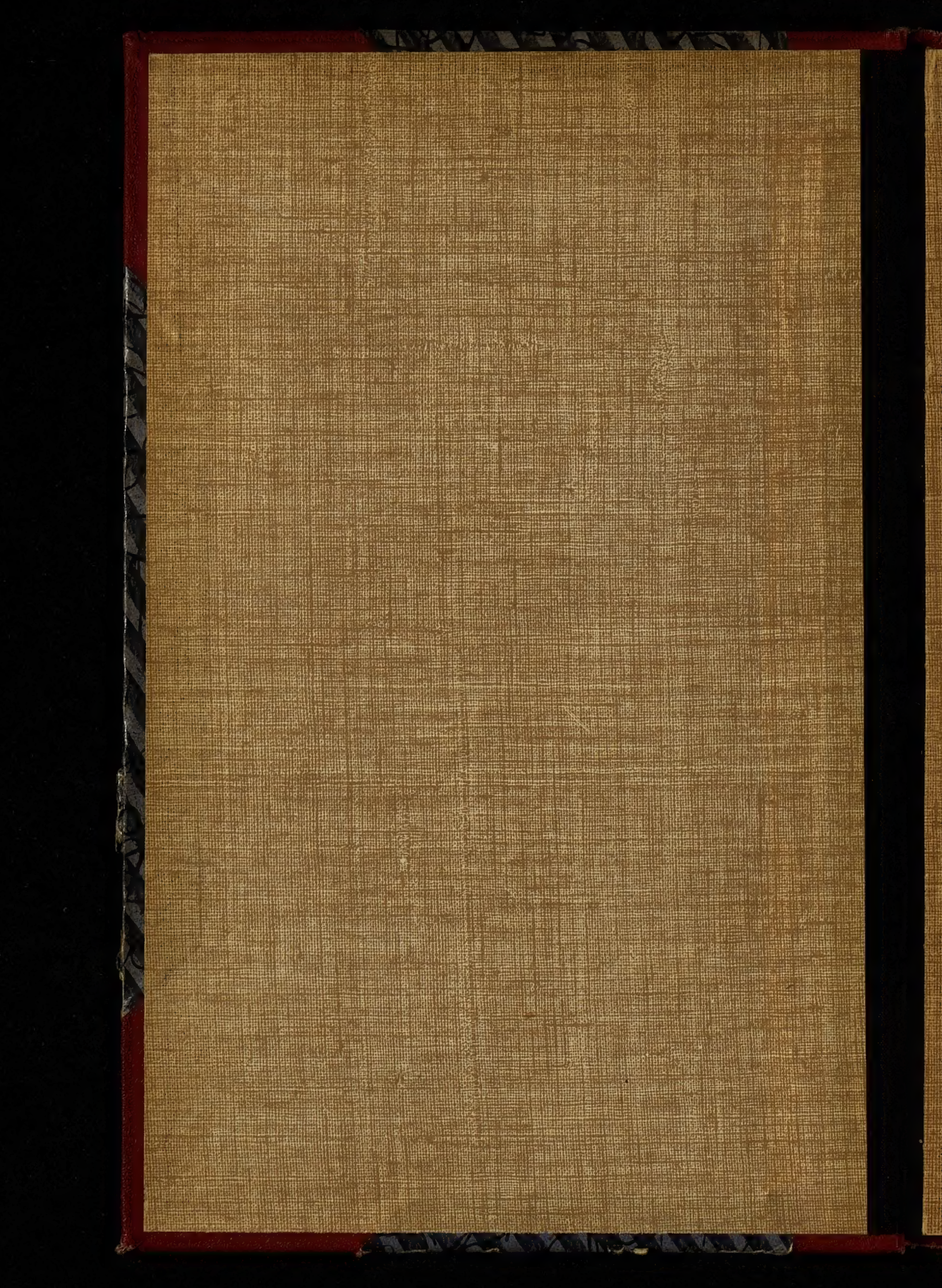
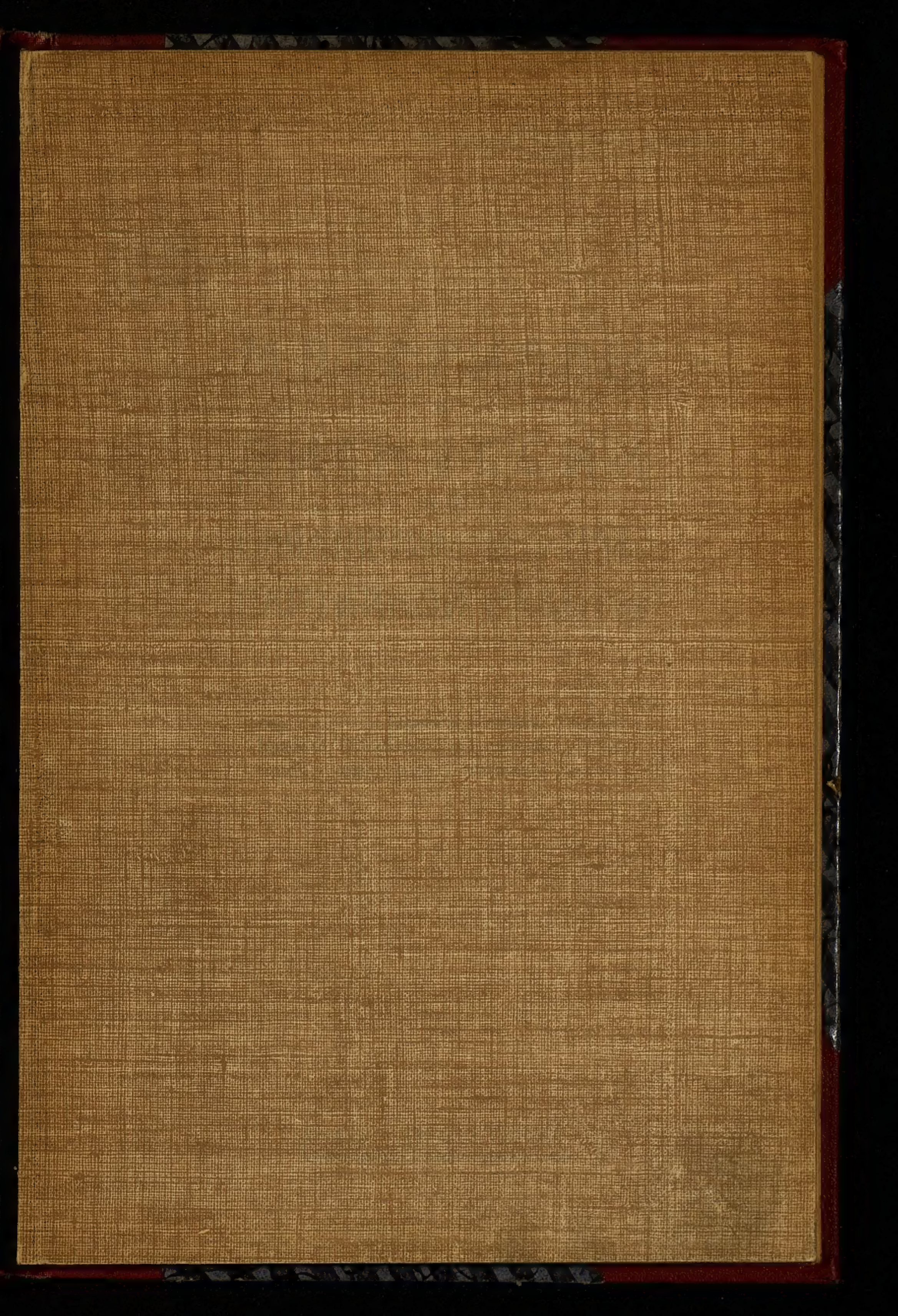
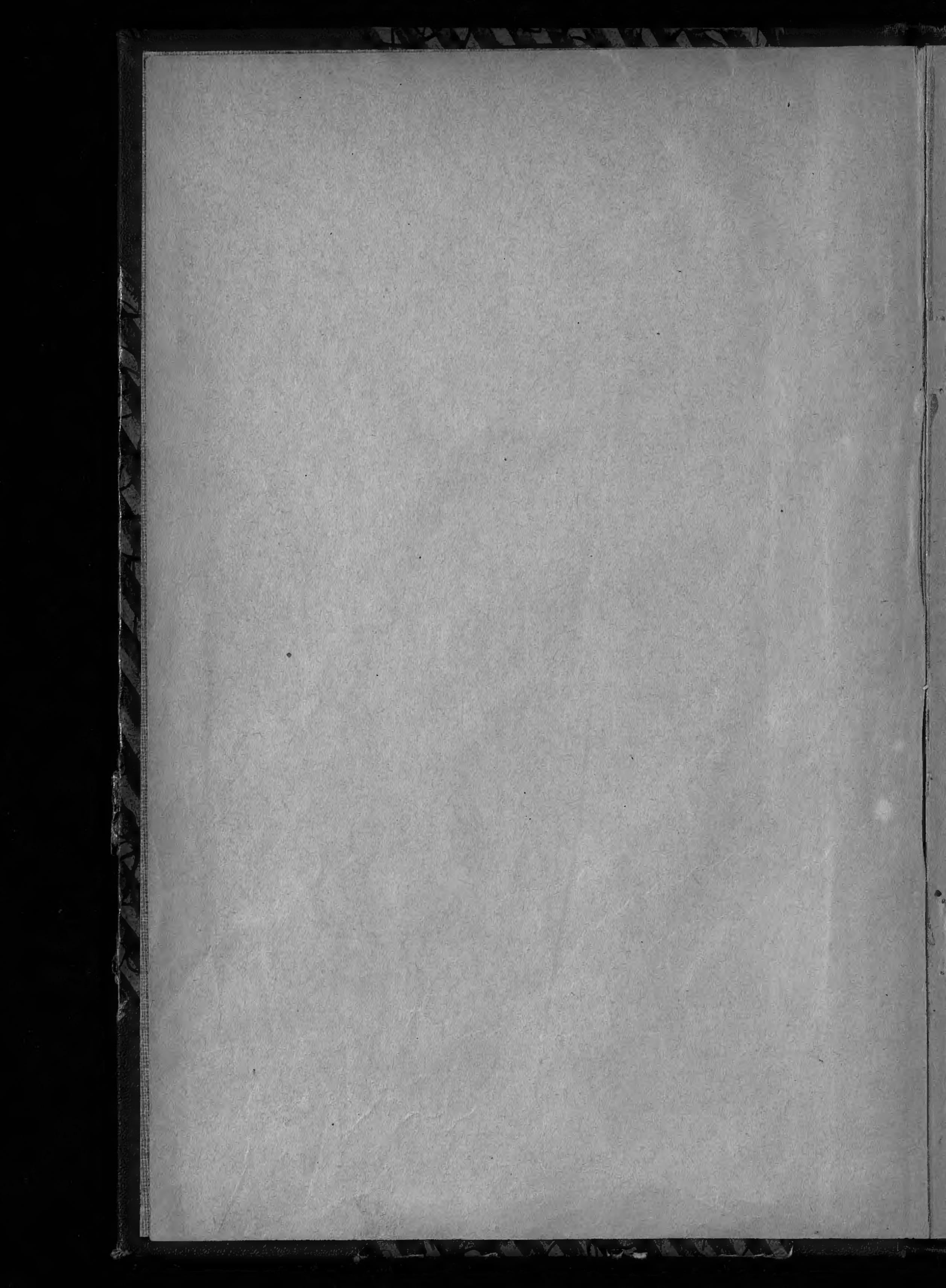

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН381
М338
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА





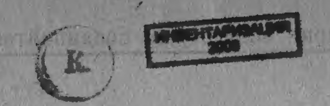


Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАТЕРИАЛЫ К ДИСКУССИИ ОБ ОЖИВЛЕНИИ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ РАБОТЫ

Речи и статьи т.т. ЗИНОВЬЕВА, ТРОЦКОГО, СТАЛИНА, КАМЕНЕВА, ПРЕОБРАЖЕНСКОГО, КВИРИНГА, САПРОНОВА, РАДЕКА и ЗЕЛЕНСКОГО.

Изд-во „ПРОЛЕТАРИЙ"


К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

Вместо предисловия.

Центральный Комитет нашей партии вместе с ЦКК на-днях вынес уже определенное решение по поводу происходящей в нашей партии дискуссии.

Харьковский Губком считает необходимым ознакомить всех партийцев со всеми наиболее интересными и важными статьями, речами и резолюциями, опубликованными в разное время в „ПРАВДЕ“.

Вся партия должна принять участие в дискуссии, каждый товарищ должен ознакомиться с материалами и на основании своего опыта и данных, приведенных в статьях и резолюциях, выковать свое мнение по сему весьма важному вопросу.

Самый факт дискуссии свидетельствует о силе и мощности партии.

Все помещенные в этом сборнике статьи, разрешающие вопрос об оживлении внутрипартийной работы с разных точек зрения, привывают к единству партии.

Зарубежная белогвардейщина использовывает нашу дискуссию во вою, во всей эсер-меньшевистской печати началась свистопляска.

Враг правильно учитывает, что никто не может погубить нас, если мы сами себя не погубим.

Враг надеется, что начавшейся дискуссией мы сами разрушим свое единство.

Тщетные надежды!

Партийное единство выше всего.

Наши задачи партии.

В каком положении застает шестая годовщина революции рабочий класс нашей страны—тот класс, который составляет фундамент Октября?

Дело пошло во многих отношениях к *улучшению.* Процес деклассирования и распыления рабочего класса, несомненно, прекратился. Качественный состав пролетариата улучшился. Состав рабочих становится менее текучим, более постоянным. В главные наши промышленные центры возвращаются тысячи и десятки тысяч рабочих, которые разбрелись в первые годы революции по деревням и кто куда мог, чтобы только как-нибудь пережить наиболее трудное время. На наших фабриках и заводах вновь появляется старый „мастеровой", коренной рабочий, „потомственный" пролетарий. Основное ядро наших промышленных рабочих вновь собирается под крышу наших советских фабрик и заводов. В этом заключается одна из важнейших предпосылок для дальнейшего улучшения нашего хозяйства. И это же явление открывает нам новые широкие политические возможности.

Всякому, умеющему наблюдать молекулярные процессы, происходящие внутри нашего рабочего класса, бросается далее в глаза и следующее обстоятельство. *Культурный уровень середняка, беспартийного рабочего, вырос за эти годы в очень значительной степени.* Иной раз кажется, что шесть лет, истекших с октябрьской революции, промелькнули, как миг. На самом деле в течение этих шести лет уже успело сформироваться целое новое поколение рабочей молодежи и успел вырасти на целую голову рабочий-середняк.

Было время (1919—20—21 годы), когда на наших фабриках и заводах оставались преимущественно более пожилые рабочие и работницы. Весь цвет пролетариата был на фронтах или, вообще, был рассеян по всем углам России. Возвращающиеся теперь на фебрики и заводы рабочие приходят к нам же такими, какими ушли. Каждый пережил в течение этих шести лет столько, сколько иной раз не переживалось в течение целого поколения. Разбросанные по всем углам России— в армии, в деревне, в продовольственном отряде—рабочие учились понимать происходящее. Революция не имела достаточно материальных ресурсов, чтобы сразу улучшить положение всей многомиллионной рабочей массы. Но *в культурном отношении* она все же подняла рабочую массу на небывалую еще высоту.

Все внимательные наблюдатели рабочей жизни отмечают, например, следующие факты. На беспартийных рабочих конференциях ныне, в отличие от того, что бывало в прежние годы, по каждому вопросу выступают по несколько десятков ораторов. На губернских с'ездах профсоюзов, на уездных с'ездах советов и т. п. господствует совершенно

другое настроение, чем это было в предыдущие годы: гораздо больше активности и сознательности, гораздо большее количество беспартийных ораторов и т. п. При этом говорят уже не о своей собственной нужде, как это в большинстве случаев бывало раньше, а об общих вопросах. И говорят толково, со знанием дела.

Культурный уровень рабочих масс вырос. Из этого следует исходить, как из аксиомы. Новые задачи партии будут поставлены правильно лишь в том случае, если мы будем исходить из этого основного факта.

Численный состав наших рабочих ячеек в последние месяцы, несомненно, увеличивается. В Петрограде и в Москве рабочие ячейки за последнее время удвоились в своем составе. Если еще недавно в наши ячейки на фабриках и заводах вступали, главным образом, хуже оплачиваемые рабочие, то за самое последнее время замечается приток также и наиболее квалифицированных рабочих. Нижеследующая табличка дает некоторое представление о количественном соотношении наших ячеек с числом рабочих на некоторых из крупнейших предприятий республики.

Название предприятий	Рабоч.	Колич. членов и канд.
1. Гужон } Москва	2590	78
2. Б. Сытин } Москва	6200	105
3. Серпух. прядильно-ткацк. ф-ка	5400	40
4. Балтийск. судостр. зав. } Петрогр.	3250	174
5. Обуховский завод } Петрогр.	3600	129
6. Красный Путиловец } Петрогр.	5200	198
7. Невская текст. ф-ка	1800	64
8. Окуловская ф-ка, Новгород	2500	32
9. Лысьвенский завод, Пермский	3000	140
10. Златоустинский зав., Челябинск.	4250	66
11. Алмазовский рудник, Донбасс	2000	150
12. Платин. прииски, Екатеринб.	3312	26
13. Республикан. м-ра, Сев.-Двинск.	2000	27
14. Донгостабфабрика, Ростов	2500	80
15. Красавинская м-ра, Сев.-Двинск.	2080	27
16. „Эмибастус“, Семипалатинск	1500	25
17. Гартманский завод, Луганск	3300	148
18. Им. Марти и Бадина, Николаев (судостроительн.)	2800	93
19. Ф-ка „Абельман“, Владимир (Ковров)	2761	137
20. Сахарный зав., Киевской губ.	5000	50
21. Цех. яч. гильз. м-ских, Тула (Патр. завод)	1479	14

Конечно, наши ячейки недостаточно сильны еще и в количественном отношении. Но это было бы еще с полбеды. Самая важная задача заключается в том, чтобы улучшить их в *качественном* отношении.

Нередки случаи, когда на данном заводе найдется вдвое большее количество беспартийных рабочих, которые по своему культурному уровню стоять не ниже, а иногда и выше, нежели члены нашей ячейки на этом заводе. Даже относительно петроградских заводов в ряде случаев это можно считать совершенно доказанным. Если взять, например, Путиловский завод, то на пять слишком тысяч рабочих мы имеем сейчас ячейку в 200 человек. Но на Путиловском заводе, по наблюдениям всех непосредственно работающих там товарищей, найдется не меньше, чем 400 человек беспартийных рабочих, которые в смысле культурного уровня не ниже, а иногда выше рядового члена нашей ячейки. Год—два тому назад это было не так, ибо на заводе оставались, главным образом, старики и женщины, меж тем как цвет старых путиловских рабочих был разбросан по всей стране. А теперь это так.

Разумеется, во многих отношениях рядовые члены нашей ком'ячейки *всегда выше беспартийной массы* уже просто потому, что члены нашей ячейки в отличие от беспартейных действуют организованно. В области *чисто политической* члены нашей ячейки почти всегда стоят выше беспартийной массы. Но когда дело заходит о хозяйственных, бытовых, культурных, житейских вопросах, тогда нередко приходится наблюдать и обратное. Один из выдающихся хозяйственных работников говорил нам недавно:

„Когда я отправляюсь делать доклад о своей хозяйственной работе на собрании членов наших партячеек, я иду без особой подготовки. Когда же мне приходится такой же доклад делать на делегатском собрании той или другой фабрики или завода, или на беспартийной районной конференции и т. п., я готовлюсь очень усиленно. Ибо я знаю, что мне будет поставлен целый ряд вопросов, что каждую свою цифру я должен буду суметь защитить, что критика будет серьезная и т. д.“.

Поднявшийся культурный уровень широких кругов беспартийных рабочих может стать источником величайшей силы для нашей партии и для Советской власти, но лишь в том случае, если мы во-время учтем это, в высшей степени важное явление и сумеем сделать из него организационные выводы. В ином случае этот факт может стать источником многочисленных недоразумений между нами и беспартийными рабочими и может даже, как это ни странно на первый взгляд, создать величайшие трудности для нас.

Культурно выросший рядовой рабочий хочет—*и с полным правом*—принимать теперь большее участие в хозяйственной жизни своего завода, оказывать большее влияние на свой профсоюз и не на словах, а на деле использовать свои права в Совете Рабочих Депутатов. *Главная задача нашей партии в нынешнюю эпоху в том и заключается, чтобы стать во главе этого движения беспартийных рабочих, суметь вместе с ними найти серьезные, деловые пути для удовлетворения этих законных желаний рабочих, выросших на целую голову.*

На *крупнейших* наших предприятиях фабрично-заводские комитеты состоят на 85—90 проц. из коммунистов. Это хорошо. Однако, средний

процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах по *всем профсоюзам* еще не достаточно высок. Даже в таком центре, как Петроград, средний процент коммунистов в фабзавкомах *всех* профсоюзов был на 1-е февраля 1923 г. 18,5, на 1-е сентября 1923 г.—22,8. И даже если выделить 9 индустриальных союзов, то оказывается, что в них процент коммунистов в фабрично-заводских комитетах равняется лишь 32,5 В других рабочих центрах соотношение, вероятно, менее благоприятное для нашей партии.

Порядок постепенности, в котором проходят коммунисты при выборах на фабриках и заводах, примерно таков: 1) в Советы Рабочих Депутатов коммунистов выбирают легко, 2) в фабзавкомы—уже потрудней, 3) в профуполномоченные еще трудней, 4) а в расценочно-конфликтную комиссию коммунистам совсем трудно пройти. О чем говорит это обстоятельство? О том, что общеполитическое руководство рабочие массы доверяют коммунистам довольно охотно. Но когда дело идет об организациях, от которых зависят непосредственно зарплата и вся повседневная жизнь рабочих, массы выбирают коммунистов уже не так охотно. В этой области коммунисты на заводах *не* имеют еще достаточно доверия.

И тут для наших ячеек на фабриках и заводах открывается непочатый край работы. Наши партийные ячейки на фабриках и заводах должны отвыкать решать все хозяйственные вопросы завода только на партячейке. Наша ячейка на заводе должна начать рассматривать себя как *коммунистическую фракцию* всего завода. Это же относится к коммунистам, являющимся членами фабзавкомов, делегатских собраний и т. п. организаций. Основная задача партячейки — *политическая* работа в пользу партии. Разумеется, экономику нельзя отделить механически от политики. Наша партячейка, как политическая организация, несомненно, имеет свои партийные интересы и в области „экономики". Но защищать эти интересы надо умеючи. Прежде всего нельзя забывать, что мы только *часть* завода. Пора научиться *бороться за влияние среди всей рабочей массы систематической творческой работой во всех областях фабрично-заводской жизни.* Пора почувствовать себя как политическую фракцию *всего рабочего населения* данного предприятия. Пора понять, что беспартийные рабочие выросли, и постараться расти в уровень с ними. „Самодержавие" партколлективов на местах стало уже теперь исключением из правила. Нужно добиться, чтобы такие явления исчезли вовсе.

Из всего этого вытекает, что вопрос о соответственном поднятии культурного уровня рядового члена нашей партячейки стал вопросом жизни и смерти нашей партии. Ибо, если наша партячейка не стоит выше, чем остальная масса, она никогда не сможет руководить этой массой, а стало быть, не сможет и выполнить своего основного назначения. В деле учебы партия достигла значительных успехов за истекшие годы. Но все это еще только начало, капля в море. *Политически воспитать всю массу членов партии, поднять ее на высоту, соответствующую выросшему культурному уровню всей рабочей массы,—вот центральная задача.*

Выросшие беспартийные рабочие хотят более активно участвовать в производственной, профессиональной и советской жизни. Это есть основной факт, из которого надо исходить. Назад на заводы явились квалифицированные, политически здоровые, очень развитые рабочие. У беспартийных есть отдельные очень крупные фигуры, с которыми сравниться могут только наиболее крупные работники из коммунистов. Нужно найти форму втягивания сначала этих наиболее крупных фигур беспартийных рабочих, а затем и более широких кругов рабочих в производственную, профессиональную, советскую, а затем и партийную жизнь.

Как всегда, когда выдвигается какой-либо крупный вопрос, связанный с настроениями в широких кругах рабочего класса, немедленно же всплывает вновь и вновь вопрос о *роли наших профсоюзов.* Естественнее всего было бы, конечно, чтобы, прежде всего, наши профсоюзы открыли гостеприимно двери указанным группам беспартийных рабочих. Естественнее всего, чтобы через наши профсоюзы шло вливание новых пролетарских сил в наши хозяйственные, советские и иные аппараты. Эта задача должна быть поставлена перед нашими профсоюзами на практическую ногу. *Нужно еще раз внимательно пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между фабзавкомами и партячейками, с одной стороны, межоу фабзавкомами и профсоюзами—с другой.* Профсоюзы принимают слишком мало участия в работе наших хозяйственных органов. Не будем искать виноватого, не будем останавливаться на прошлом. Но для ближайшего будущего профсоюзы должны подойти к производству несомненно ближе, чем это было до сих пор. *Мы можем и должны найти подходящую форму контроля профсоюзов и над трестами.* Этот контроль ничего не стоил бы, если бы он принял форму обычного бюрократического контроля. Но ему не будет цены, если этот контроль будет основан на привлечении к работе тех выросших и культурно поднявшихся беспартийных рабочих, о которых мы говорили выше.

В нашей собственной внутрипартийной жизни за последнее время, несомненно, наблюдался чрезмерный штиль, местами даже прямо застой. Чтобы сколько-нибудь удовлетворительно разрешить намеченные выше задачи, чтобы оказаться на уровне тех международных событий, которые поглощают теперь все наше внимание, *нужно, чтобы внутрипартийная жизнь стала гораздо более интенсивной. Нужно, чтобы внутрипартийная рабочая демократия, о которой мы так много говорили, стала в большей степени облекаться плотью и кровью.*

Главная наша беда состоит часто в том, что почти все важнейшие вопросы идут у нас сверху вниз *предрешенными.* Это суживает творчество всей массы членов партии, это уменьшает самодеятельность „низовых“ партячеек. Разумеется, в значительной степени это пока неизбежно. Партия наша построена на принципе демократического *централизма.* Управляющая такой страной, как наша, Российская Коммунистическая Партия не может не быть строго централизованной

организацией. Но в очень значительной степени этот факт об'ясняется и тем, что культурно-политический уровень всей массы членов партии слишком сильно отстал от уровня руководящих слоев ее. Многие лучшие наши работники, по постановлению партии, целиком заняты хозяйственной или административной работой, не имея или почти не имея возможности окунуться в массовую партийную работу среди широких слоев рабочих. Часть товарищей, поставленных исключительно на партийную работу, не всегда оказывается на высоте тех новых громадных требований, которые пред'являют выросшие потребности масс. Партия должна уделить все внимание этим задачам, которые получают сейчас доминирующее значение.

Наши выводы, примерно, таковы:

1) Необходимо еще больше усилить работу партийного воспитания рядовых членов партии. Ибо основной предпосылкой завоевания на нашу сторону широких масс культурно выросших рабочих является более высокий уровень рядовых членов нашей партии.

2) Необходимо пойти навстречу законному желанию поднявшихся на высшую ступень беспартийных рабочих принять активное участие в производственной жизни своего предприятия, в работе профсоюзов и советов.

3) Необходимо, чтобы профсоюзы подошли ближе к производству, от которого они, вопреки резолюциям партс'ездов, отрываются. Необходимо обдумать подходящую организационную форму для участия профсоюзов в контроле над трестами.

4) Необходимо заново поставить и разрешить на основе нынешнего состояния рабочего движения вопрос о взаимоотношении фабрично-заводских комитетов с партячейками, с одной стороны, и фабрично-заводских комитетов с профсоюзами—с другой.

5) Необходима систематическая суровая борьба против злоупотреблений отдельных трестовиков и хозяйственников вообще, как и против всех так называемых „излишеств".

6) Необходимо начать систематическую работу по вовлечению в ряды нашей партии тех беспартийных рабочих, которые рвутся к активному участию в общественной жизни и которые, в сущности говоря, очень близки нам по духу.

7) Без излишне громких слов о святости принципов рабочей демократии, необходимо внутрипартийную рабочую демократию применять на деле—усилить свободную дискуссию в партии по общеполитическим, хозяйственным и другим вопросам. В особенности привлечь внимание рядовых членов нашей партии к жгучим вопросам производственной жизни.

Пишущий эти строки вполне отдает себе отчет, что настоящей статьей вопросы эти только поставлены, но не разрешены. Действительное разрешение эти вопросы получат лишь в результате обмена мнений внутри нашей партии. Подытожив коллективный опыт нашей партии, мы найдем те практические мероприятия, которые приведут нас к цели. А найдя их, мы лучше всего преодолеем те искривления, которые представляет собою идеология „рабочей группы" или „Рабочей Правды". Об этих последних—в другой раз.

Г. Зиновьев.

„Правда", 7 ноября, № 253.

Что нужно для партработы *).

Партия всегда требует систематического изучения, внимания и заботы. Состав партии, содержание партработы, методы ее, внутрипартийные отношения необходимо время от времени пересматривать, перестраивать сообразно с изменившейся политической обстановкой, с изменениями в отношениях между классами и внутри пролетариата.

Сейчас своевременно будет заняться таким пересмотром. Причины этому:

Первая причина.

а) Развитие нэпа, восстановление нашей промышленности, шедшие в общем под знаком первоначального и довольно быстрого накопления, внесли изменения в экономические, а тем самым и в классовые отношения рабочего класса и крестьянства. Эти изменения, не получившие пока политического оформления, требуют к себе внимательнейшего отношения и служат источником недовольства среди крестьянства, некоторой части рабочего класса, наиболее близко связанной с ним. Это недовольство в свою очередь не может не отразиться и в рядах нашей партии—партии массовой и связанной особенно крепко с рабочим классом. Необходимость *разрешения экономического вопроса* сознается членами партии и создает в партии обстановку „искания выхода".

б) Сентябрьское совещание и ежедневная пресса создали убеждение в партии в неизбежной близости победоносной пролетарской революции в Германии. Партийные массы устремили все внимание на события и работу, связанную с этим обстоятельством. Партия начала психологически мобилизоваться.

Необходимость пересмотреть сроки в развитии германской революции трудно совмещается с одновременной поддержкой мобилизационного настроения. Скорее этот пересмотр вызовет некоторую реакцию, когда взоры партийных масс будут обращены на внутренние дела. В первую очередь привлекут внимание к болям и язвам нашей партии.

в) Нэп продолжает разобщать ряды нашей партии, разрезая ее на различные специальные слои. Извращениям нэпа и излишествам наряду с существующей безработицей и тяжелым материальным положением не уделено достаточного внимания.

Отрицательное влияние нэпа на членов партии в главнейшем заключается в следующем:

1) утрата общих перспектив революции и задач партии; 2) разложение, вызываемое отрицательными сторонами нэпа (высокие ставки, житейские соблазны, отрыв от низов); 3) втягивание части коммунистов в нэповский обиход и смычка с нэповскими элементами; 4) ослабле-

---

*) Настоящая работа возникла в результате обмена мнений активных работников МК и ряда товарищей, работающих непосредственно у станка на предприятиях.

ние сознания революционного долга и необходимости жертв и лишений для членов партии (шкурничество, подхвалимство, прислуживание, боязнь высказать свое собственное мнение) и, с *другой* стороны,—под видом ложно понимаемых или ложно истолковываемых общих интересов—преследование всяких шкурнических целей.

Вторая причина

коренится в состоянии личного состава нашей партии и в том числе и в личном составе нашей организации. В ней до сих пор еще сильны мелко-буржуазные элементы, рабочее ядро слабо и в значительной части состоит из руководителей и организаторов производства, рядовиков-массовиков сравнительно мало. Невысокий культурный уровень часто заслоняет у коммунистов общие задачи движения, борьбу за коммунизм и не дает им возможности связывать у себя в сознании и в своей работе в массах каждый шаг Советской власти и партии с этим основным вопросом нашей работы.

Несомненно и другое: при слабости этого уровня членов партии, в особенности в ячейках, сокращается инициатива и возможность приложения сил для развития и укрепления партработы.

В партии сейчас три слоя, у которых на методы, навыки и понимание партработы исторически наложен свой отпечаток:

1) вступившие до Октябрьской революции, 2) вступившие после Октября и прошедшую гражданскую войну и 3) вступившие после гражданской войны, когда перед партией стоят вопросы преимущественно хозяйственного строительства, усовершенствования советкого аппарата, установления служебной чиновнической дисциплины и иерархии.

Годы политической борьбы, годы управления страною подняли весь рабочий класс, подняли и значительный слой наших партийных товарищей.

Подрос новый слой работников, переросших свою работу и ищущих применения сил на новой, более широкой основе. Сейчас эта масса находится в состоянии скрытой энергии. Накопление этой энергии, если она не будет направлена и использована надлежащим путем, неизбежно должно привести к росту оппозиционности, склочности и внутренней борьбе. В этом слое в таких условиях неизбежно будет пользоваться успехом всякая оппозиционная идеология и группировка.

Третья причина.

Внутрипартийные отношения, методы работы и содержание работы.

Партийные массы разрознены, связь руководящих органов с массой идет через аппарат преимущественно. Аппарат способен фальшивить и фальшивит иногда.

1) Между массами и руководящей группой товарищей нет промежуточного слоя, который, не выполняя служебных функций партаппарата, должен связывать центральные органы с партийною периферией и быть проводником влияния этих учреждений в массах.

Партийные массы разбиты на отдельные группки, в большинстве всецело поглощенные интересами порученного им дела и слабо откликающиеся на остальные вопросы, стоящие перед партией. Хозяйственники заняты вопросами производства, торговли; профессоналисты—тарифами, колдоговорами и проч.; партпрофессионалы—вопросами преимущественно партийной техники, и все довольно сильно заняты вопросами назначений и перемещений. Спайка между этой частью партии и работниками, работающими в низах, в рабочих массах, недостаточна, особенно с хозяйственниками. Между тем, положение этого слоя партработников наиболее трудное и серьезное.

Только этот слой, работающий в гуще рабочей массы, должен интересоваться всем и знать все: он находится под постоянным обстрелом, он, как представитель правящей партии, отвечает за все ее действия и должен на все дать ответ: и о германской революции, и о дровах, и о ножницах, и об учебниках в школе, и об автомобилях и извращениях нэпа, и о причинах низкой заработной платы. Но этот массовик до всего должен доходить своим умом. Хозяйственники—у себя и отвечают за свое, профессионалисты—у себя и отвечают за свое, партийные профессионалисты—почти так же. Он один за всех, но партия ему помогает слабо.

2) Необходимо создать и вокруг ЦК и вокруг МК постоянный значительный слой партийных товарищей, могущих, не неся служебных функций партаппарата, связывать эти органы с более широкими слоями партии.

Слабая информация, а иногда и полное отсутствие ее ведет либо к извращенному пониманию партийных задач, либо к механическому выполнению предписаний свыше. Это же ведет на-ряду с другими причинами и к ослаблению активности партийных масс в общепартийных вопросах.

Вопросы внутрипартийной демократии обсуждались не раз у нас на с'ездах. Вполне правильно ставится этот вопрос в зависимости от политической обстановки и классового состава партии. Наиболее пролетарский состав, более или менее мирная обстановка неизбежно должны привести к расширению демократии внутри партии. Суть не в ее отсутствии, особенно отсутствии каких-либо формальных постановлений. Всем товарищам, и говорящим, и думающим о демократии, полезно было бы учесть и задуматься над опытом МК по организации совещаний всех коммунистов, работающих в предприятиях того или иного треста. Возможность влиять на хозяйственную деятельность, обсуждать вопрос о ходе производства, о заработной плате и быте рабочих, о том, что крепко входит в обиход коммуниста производственной ячейки,—вот что действительно нужно. Таких совещаний, проведенных МК в течение сентября, было 34. Они охватили большинство производственных ячеек и подтвердили полностью, что там, где тема касалась близких, жизненных вопросов и была достаточно знакома членам партии, там были горячий обмен мнений и критика. Инертность в обсуждении на некото-

рых ячейках кроется также не в недостатке формального демократизма, а в незнакомстве с вопросами, либо из боязни некоторых рядовых работников сесть в лужу и подвергнуться жестокому осмеянию.

Содержание работы.

Партийная организация и в особенности ее первичные ячейки не чувствуют связи с общими задачами партии, утрачивают перспективу, утрачивают сознание связи текущей работы с борьбой за коммунизм, зачастую смутно представляют конечные цели классовой борьбы пролетариата. Подавляющую часть сил и времени берут мелочи и советского порядка пустяки. Необходимость бесконечного „согласования", преодоления затруднений, которые ставятся ячейке в советском и хозяйственном аппарате, лишают ячейку возможности ставить серьезно вопрос о постановке партработы. В то же время серьезно должен быть поставлен вопрос о работе наших советских ячеек. Если производственные ячейки еще в какой-либо мере принимают участие в обсуждении и проведении хозяйственных вопросов, то советские ячейки в вопросы улучшения госаппарата совершенно не втянуты, и партия не ставила перед собой задачи использовать опыт коммунистов в этом направлении. В разрешение основных важнейших вопросов партии: вопросов производства, улучшения советского аппарата, улучшения положения рабочей массы—вся масса членов партии слабо втянута. Разрешение этих вопросов ведется в верхах партии, часто исключительно ведомственным или комиссионным порядком.

Методы работы.

В методах партработы надо отметить большую перегрузку руководящего кадра парторганизаторов разрешением или участием в разрешении конфликтных случаев и вопросов, касающихся хозяйственной или советской работы. Не менее половины рабочего времени, а иногда и $^2/_3$ его уходят на приемы, разговоры, советы, помощь и разбор конфликтов такого порядка. Вопросам работы в массах и работы партии над собой и над своим составом оставляется мало силы.

В постановке организационной работы ячеек наметилось преобладание интересов к формам работы, почему в ячейках и силен шаблон, слаба творческая работа. Сильна вера в аппарат. При неудовлетворительной постановке дела учета и распределения работников и слабом пополнении аппарата свежими силами—партаппарату же угрожает опасность превратиться в замкнутый, окостенелый слой, рассчитывающий в работе на свои силы и не доверяющий силам тех, кто в аппарат не втянут.

В частности, для московской организации сказывается и огромный размер районов, превышающих по числу членов два средней величины губкома. В таких районах руководство работой ячеек невольно превращается в дачу общих директив, практическое же руководство повседневной работой ячеек невольно сосредоточивается в главнейших ячейках.

Ячейка в своей работе в массах очень часто идет по линии наименьшего сопротивления, центр тяжести работы обращает на работу среди молодежи и женщин. Рабочие-производственники, наиболее самостоятельные, наиболее сложившиеся и наиболее консервативные, пожалуй, подвергаются слабому воздействию и партийной обработке. Здесь наиболее трудна работа и здесь она слабее всего ведется, особенно на текстильных и железнодорожных предприятиях. Нужно найти подход к этим слоям. На некоторых предприятиях уже создался шаблон: для проведения каких-либо кампаний организуются силы ячейки, молодежи и женщин-делегаток,—наиболее квалифицированные рабочие либо стоят в стороне, либо иногда выступают против.

Что нужно предпринять.

1) В гораздо более настойчивой и доступной для масс форме выдвигать общие задачи РКП и Коммунистического Интернационала. Давать общую перспективу развития русской и мировой революции.

2) Усилить борьбу с отрицательным влиянием нэпа. В частности показать массам. что эта борьба ведется не на бумаге, а на деле. Вести борьбу не только силами ЦКК—втянуть рядовых членов партии в эту борьбу. Изменить функции МКК, превратить ее в орган борьбы партии с извращениями нэпа, волокитой, бесхозяйственностью и бюрократизмом. Состав МКК должен быть таков, чтобы в каждом районе был член МКК и в каждом крупнейшем уезде также, в задачу которого входила бы эта борьба. Ячейки должны быть связаны в своей практической работе с этим членом МКК.

3) Втянуть ячейки в работу по поднятию производства и хозяйства не теоретически и „вообще", а поставить перед каждой ячейкой задачу развития производства, производительности труда и качественного улучшения продукции на своем предприятии. На этой работе создать смычку с наиболее преданными нам беспартийными рабочими передовиками, производственниками и частным спецом. Организовать для начала в наиболее крупных предприятиях „производственные совещания". В задачу этих совещаний должны входить обсуждение и разработка вопросов, связанных с производственной жизнью данного предприятия. Втянуть в эту работу на-ряду с членами ячейки и наиболее квалифицированных рабочих и технический персонал.

Опыты „производственных совещаний" там, где они имели место, дают положительные результаты. МК необходимо в ближайшие дни познакомить организацию с этим опытом.

4) Создать вокруг МК плотный слой партработников, связывающих МК с массами. Этот слой должен своими корнями уходить глубоко в массы и в то же время плотно облегать МК. Первым шагом к созданию такого слоя должны явиться следующие меры:

а) Правильная, широкая и систематическая постановка информации.

б) Систематические, раз в месяц, собрания активных работников для заслушивания и обсуждения кратких деловых докладов о работе бюро МК, президиумов Моссовета и МГСПС.

в) Постоянные совещания при МК и его отделах по вопросам проведения очередных вопросов политработы, партработы из передовиков рабочих, работающих на производстве (совещания по клубной работе, совещания о задачах организационной работы, об оживлении ячейки, о постановке пропаганды, о проведении какой-либо кампании).

г) Созыв собраний коммунистов по производствам и профсоюзам.

5) Втянуть в работу членов партии, установить более определенно термин „активный партработник". Не всякий активный советский работник или активный хозяйственный работник является активным партработником. Пересмотреть прикрепленных. Оставить в ячейках не более одного—двух прикрепленных. Вопрос о пребывании прикрепленного в ячейке после 2—3 мес. работы должен решаться ячейкой. Ячейка должна обсуждать работу прикрепленного и плохо работающего от себя откреплять. На-ряду с прочими партобязанностями и поручениями, ячейка должна втягивать членов партии и в вопросы улучшения советского аппарата, ставить задачу поднятия технической и производственной квалификации своих работников. Точнее определить форму работы в массах и больше, чем до сих пор, уделять внимания в инструктировании по вопросу о содержании работы в массах.

6) Среди рядовых членов партии в производственных ячейках есть некоторое недоверие, в отдельных случаях довольно сильное, к хозяйственникам, которых всегда отождествляют с „верхами". Причина здесь не только в материальном неравенстве. Питает это настроение близорукая, неправильная политика некоторых трестов и хозяйственных об'единений.

В очень сильной степени способствует этому также то обстоятельство, что борьба с накладными расходами в сколько-нибудь заметной для рабочего норме обращается не на управленческие аппараты трестов, торгов и т. п., а на сокращение учреждений, обслуживающих быт рабочих (ясли, сады, клубы и проч.); в то же время рабочий не видит сколько-нибудь заметного сокращения расходов на управленческие аппараты. Число служащих и в управлениях, и в предприятиях еще очень велико, много лишних людей и ненужных расходов. Партийные директивы в этой области выполняются плоховато, а между тем, на этом месте может вырасти стена недоверия между руководителями хозяйственниками и рядовыми коммунистами.

Необходимо сближение хозяйственников и так называемых „верхов" с рядовыми работниками и беспартийными массами. Путей для такого сближения много. Два главнейших надо напомнить.

а) Коммунист-хозяйственник должен думать и заботиться о быте рабочих предприятий, которыми он руководит. Урон для партии, для производства и позор для хозяйственников-коммунистов, если рабочие руководимых ими предприятий живут в октябре в помещениях с разбитыми стеклами, или если там воды по колено.

Надо создать и в ячейках, и у рабочих уверенность, что коммунист, руководящий хозяйством, думает не о том, чтобы „выколотить копейку" какими бы то ни было средствами, а о поднятии хозяйства страны, и

что не последнюю роль в этом деле играют благосостояние и быт рабочего. Хозяйственные успехи должны измеряться не только производственными успехами, но и положением рабочих, работающих в этом производстве. Коммунист-хозяйственник должен знать жизнь и быт рабочих тех предприятий, управлять которыми поручила ему партия.

б) Коммунисты и производство— это тот стержень, на который должен опираться руководитель-хозяйственник. Наше руководство производством должно, между прочим, отличаться от буржуазного тем, что для нас рабочий—не только рабочая сила, единица в счете, а сознательный участник в производстве. Втянуть рабочую массу в производственный интерес, воодушевить ее в этой работе может может только ячейка—коммунисты-организаторы производства и коммунисты-рабочие от станка. Поэтому первостепенное значение имеет участие коммунистов в обсуждении вопросов, связанных с производством: отчеты хозяйственников в ячейках и на общих собраниях рабочих, общие собрания коммунистов по хозяйственным об'единениям (второй цикл таких собраний МК намечает на вторую половину декабря), производственные конференции, информация и обсуждение производственной программы, изменение условий труда и зарплаты и пр.

7) Рядового работника-коммуниста надо выдвигать и в текущей его работе ему помогать. Первым практическим шагом к помощи рядовику должно явится создание справочного бюро при МК, где член партии может получить справку от авторитетного товарища по всем вопросам, в которых он чувствует потребность раз'яснения и выяснения. Назначить для работы в этом бюро дежурства ответственных работников Моссовета, МК и МГСПС.

Методы нашей агитации и пропаганды и постановка организационной работы очень редко рассчитаны на то, что члены партии малограмотны, не имеют иногда самых элементарных сведений. Надо перестроиться так, чтобы пища, предлагаемая членам партии, была усвояема и приноравливалась бы к мозгам рядовика.

8) Необходимы выдвижения рядовых работников и некоторое освежение партаппарата. В этой работе главнейшим услоием—преодолеть недоверие к новому человеку. С этой точки зрения необходимо производить подбор группоргов и секретарей. Принцип подбора организаторов должен сохраниться, как первейшее условие поднятия и развития планомерной постановки работы.

9) Необходимо более тщательное и систематическое руководство работой ячеек, группоргов и секретарей. Собрания секретарей ячеек по районам созывать для общеполитических директив и кампаний. Для более тщательного руководства и проработки методов работы необходимо созывать совещания секретарей ячеек по типам ячеек: рабочих, транспортных, железнодорожных, советских, учебных и воинских. Информация секретарей и группоргов должна быть такова, чтобы члены ячейки, приходя к секретарю „сортировать свою голову", получили действительную ориентировку в интересующих их вопросах.

10) Отношения между ячейками и административно-техническим персоналом в ряде предприятий ненормальны. Ячейки не стремятся войти в связь с ним, втянуть его в сферу своего влияния. В частности, замечается кое-где спецоедство. Надо заметить, что почва для такого „спецоедства“ создается в первую очередь неправильной линией некоторой части наших хозяйственников. Мастерами или техническими руководителями приглашаются кое-где на предприятия лица, вывезенные с предприятий на тачках в 17-м году и ненавидимые рабочей массой. Этого нельзя допускать. Под видом спецов проходят ловкие проходимцы, гипнотизирующие наших хозяйственников своим стажем у прежних предпринимателей. В отношении к спецам у нас наиболее распространено либо преклонение перед авторитетом спеца, либо глубокое недоверие. Совершенно недостаточно успокоиться на том, что мы „купили“ спеца, или честного спеца, задача сейчас усложняется и углубляется,—надо вокруг спецов, интересующихся производством и работающих для поднятия его, создать обстановку общественного доверия и поддержки, и в первую очередь со стороны ячейки. Точно также мы должны перестать рассматривать спецов, как самостоятельную, замкнутую корпорацию, хотя у самих спецов эта тенденция очень сильна.

11) Необходимо в работе обратить внимание на значительный слой рабочих-производственников: на многих предприятиях ячейки не ведут среди них работы. Надо выработать к ним особый подход, и в первую очередь об'единить и втянуть их в вопросы производства.

12) *Газета.* В рабочей массе ощущается нужда в газете, которая и воспитывала бы, и помогала бы в повседневной жизни. Газета должна играть самую крупную роль в поднятии культурного и политического уровня членов нашей партии. Этого, к сожалению, нет. Нужно добиться, чтобы члены партии читали наши газеты, но надо добиться, чтобы и газеты стали удобочитаемы. Они должны стать ближе к жизни и к быту рабочих, помогая им разбираться в вопросах повседневной жизни.

Эти строки были написаны до того, как в „Правде“ появилась статья Зиновьева. Я не предполагал их печатать в таком виде, рассчитывая обработать их для доклада пленуму МК. Раз «Правда» открыла дискуссию, считаю возможным и полезным поместить эти строки в печати.

Пара замечаний по поводу статьи тов. Зиновьева.

1) На 100 проц. прав т. Зиновьев, ставя в первую очередь необходимость партвоспитания рядовых членов партии. Ряд резолюций партс'ездов неоднократно подтверждал то же самое. Суть вопроса сейчас заключается в том, как усилить это воспитание. Способы, средства, методы—вот над чем бьются сейчас местные организации.

2) В массе своей рядовой коммунист выше рядового рабочего беспартийного по культурному и политическому уровню. Мы ослабляем культурную и политическую силу ячейки тем, что всякого мало-мальски выдвинувшегося рабочего члена партии посылаем учиться в рабфак,

совпартшколу, либо на сов-и профработу. В одной Москве учится в московских совпартшколах около 1.000 чел. рабочих.

Послано на одни только утренние рабфаки только в одну осень 23 года 651 чел. рабочих-коммунистов.

Вряд ли мы можем отказаться от этого.

3) Порядок постепенности, в котором проходят коммунисты при выборах. Думаю, что кто-то „надул в уши" т. Зиновьеву не вполне соответствующее действительности.

Чтобы не затягивать своей заметки, я остановлюсь только на одном 4-м пункте. „В расценочно-конфликтную комиссию коммунистам совсем трудно пройти". Расценочно-конфликтные комиссии, как известно, составляются на паритетных началах. Представителями от рабочих в них на крупнейших заводах Москвы входят члены РКП, а представителями администрации, действительно, беспартийные, чаще всего спецы или конторский персонал.

То же и в ДНБ (дор. норм. бюро), назначаемом на жел. дор. администрацией, имеющем колоссальное значение и могущем своими действиями вызвать неудовольствия и конфликты, действительно не коммунисты, но они назначаются администрацией.

4) Я должен выразить сожаление по поводу неправильных цифр, представленных т. Зиновьеву и им приводимых в статье, и их исправить. Правильны следующие цифры:

Зав. «Серп и Молот» (б. Гужон)—раб. ячейка 116 чел.

Типография Сытина—рабочих не 6.200 чел., а 2.090 чел. и ячейка 103 чел.

5) Несомненно, что статья тов. Зиновьева ставит своевременно вопросы, и вся организация должна заняться обсуждением их вплотную.

И. Зеленский.

„Правда", 22 ноября, № 265.

О нашем внутрипартийном положении.

Начатое на страницах „Правды“, в связи со статей т. Зиновьева („Новые задачи партии“, „Правда“, № 253), обсуждение нашего внутрипартийного положения, несомненно, будет занимать нашу печать до самого партийного с‘езда. Чтобы это обсуждение было максимально плодотворным, надо с самого начала добиться правильной постановки самого вопроса и не отвлекаться частностями и мелочами. Эти частности тоже будут полезны и займут надлежащее место в обсуждении, если стержень вопроса будет с самого начала намечен правильно. С этой точки зрения постановка вопроса в статье тов. Зиновьева мне кажется неудовлетворительной: он сосредоточил внимание на некоторых отдельных (правда, важных) проблемах, но не самой проблеме. А вся суть в том, чтобы правильно осознать и поставить именно эту проблему в целом.

Вопрос, который партия должна перед собой поставить и который она в сущности уже нащупывает, выдвигая пока лишь его отдельные стороны, заключается в следующем: правильна ли была до сих пор *основная линия партии во внутрипартийном строительстве и внутрипартийной политике за период нэпа, или нет?* Подходить к проблеме (фактически к отдельным проблемам) так, как делает это тов. Зиновьев, можно лишь в том случае, если уже имеешь на поставленный мною вопрос, положительный ответ. Я же лично считаю необходимым, чтобы партия подвергла обсуждению, прежде всего, именно этот вопрос, потому что до ответа на него невозможно удовлетворительно решить и все частные вопросы.

Сам я отвечаю на поставленный вопрос отрицательно. По моему мнению, *партия вот уже два года ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике.* Эта политика оказалась в резком противоречии с теми задачами, которые выдвигает перед нами нэп. Ошибка партии делается теперь с каждым днем все очевиднее, и задача заключается в том, чтобы не упрямствовать в деле ее признания, а признать ее поскорей и с возможным единодушием наметить вехи нового партийного курса.

Где же факты, где об‘ективные доказательства того, что наша внутрипартийная линия в последние два года нэп‘а была неверна?

Фактов накопилось, к сожалению, более чем довольно.

Нэповская обстановка характеризуется чрезвычайной сложностью в области социальных отношений, пестротой, путаницей, быстрыми изменениями в социально-экономическом базисе, новообразованиями, ростом социальных противоречий и, вместе с тем, самыми различными видами покушений со стороны социальной стихии на единство тела и духа партии. Чтобы правильно ориентироваться в этой крайне запутанной обстановке, которая много сложней, чем отношения не только военного

коммунизма, но и обстановка внутри любой чисто-капиталистической страны (сложней с точки зрения рабочего),—для этого нужно было создать иную жизнь внутри наших организаций, чем это было в период фронтовой борьбы. Нужно было ликвидировать милитарные методы внутри партии, восстановить партийную жизнь отчасти по типу 1917—1918 годов, развязать активность и самодеятельность организации и отдельных членов в деле постановки и обсуждения всех основных вопросов партийной жизни; нужно было дать возможность каждому члену партии принять более активное и сознательное участие в решении всех основных партийных и политических вопросов, нужно было дать возможность каждому члену ячейки поставить на обсуждение любой волнующий его вопрос,—а таковых нэп возбуждает сотни,—без того, чтобы на тебя махали досадливо рукой в бюро ячейки и не назвали демагогом, меньшевиствующим, шатающимся, „уклонистом" и т. д. Нужно было дать каждому члену партии возможность выложить перед товарищами все свои сомнения, внутренние колебания, недовольство и получить товарищеский вразумительный ответ, который убеждает, а не раздражает и не отбивает охоты ставить вопросы, как это получается, когда на все эти сомнения и вопросы сыплется барабанная дробь избитых фраз, заученных ответов, упрощенных формул, которые совсем не отвечают сложности положения.

На практике этого не было. Характерно, что когда мы имели кругом фронты, партийная жизнь била гораздо более живым ключом и самодеятельность организаций была больше. Когда же не только появилась *об'ективная возможность* оживить внутрипартийную жизнь и приспособить ее к новым задачам, но и создалась *настоятельная необходимость в этом* для партии, мы не только не сделали шага вперед в сравнении с периодом военного коммунизма, а, наоборот, усилили бюрократизм, казенщину, количество предрешенных сверху вопросов, усилили наметившееся в военный период деление партии на принимающих решения и несущих ответственность и на массу исполнителей, не участвующих в выработке этих партийных решений. Вместо курса на коллективную самодеятельность организаций и поднятия уровня всех членов партии в процессе живого участия во всех внутрипартийных решениях, на почве сознания ответственности каждого за каждое из этих решений, *был взят курс на хороший аппарат и на хорошего партийного чиновника.* Аппарат мы улучшили, это бесспорно, но достигли этого плюса ценой гораздо более об'емистого минуса, ценой угасания внутрипартийной жизни и отрыва немногочисленной активной части организации о партийно-пассивного или полупассивного большинства.

Эта основная наша ошибка во внутрипартийной политике повлекла за собой ряд следствий, на которых теперь и останавливается партийная мысль. Перечислим вкратце эти следствия.

Замирание внутрипартийной жизни. Усиление чисто стихийного заговора молчания в партии. Ярким примером такого молчания может служить совещание секретарей губкомов, созванное осенью ЦК. Многие разучились самостоятельно мыслить и говорить вслух перед пар-

тией о том, что каждый думает про себя. Многие разучились самостоятельно ориентироваться в положении и ждут указания сверху. Прекратилась дискуссия в партии по коренным вопросам партийной жизни. Характерно, что и начинается теперь эта дискуссия также по инициативе сверху.

То же происходит и в низовых организациях. В большинстве ячеек сложилось, на основании установившейся тактики, убеждение, что обсуждать важнейшие общепартийные и хозяйственные вопросы—это не их уж дело. В результате партия не в состоянии развить всех имеющихся у нее идейных возможностей для борьбы с вреднейшими антипартийными течениями. Эти течения иногда захватывают очень хороших рядовых коммунистов-рабочих только по тому, что ячейки не помогают их путем свободного коллективного обсуждения рассеять свои сомнения „на людях", в товарищеской среде. Многие из этих поколебавшихся и озлобленных никогда бы не решились конспирировать против партии, если бы им была дана возможность отстаивать открыто свои мнения на партийных собраниях. Если бы их не убедили, если бы провалили их предложения,—зато оставили бы их в убеждении, что партия их выслушивает, а не отмахивается досадливо от их вопросов. Это не приводило бы их фактически к моральному исключению из партии, за которым до формального выхода из партииили создания озлобленных тайных группировок только один шаг.

Такое же моральное исключение из партии является теперь уделом и многих старых ответственных работников, которым, как выразился недавно в разговоре со мною один старый рабочий-партиец, теперь хозяйственник, „некуда теперь ткнуться со своими вопросами и предложениями". Огромный кадр таких старых большевиков, сидящих на советской и хозяйственной работе, совершенно отрезан от фактического влияния на партийную жизнь, их опыт не попадает в коллективную партийную переработку, в то время как непосредственно партийную работу в организации несут часто товарищи, гораздо менее знающие партию и менее партийно-ответственные, чем эти формальные члены РКП, по фактически из нее устраненные.

Курс на назначенного секретаря, курс на кадровый состав аппарата партии приводит к тому, что этот аппарат действует, думает (поскольку думает) и несет ответственность за всю партию, а в масштабе каждой организации—за весь коллектив организации. Это совершенно неизбежно ведет к тому, что за счет роста влияния и власти этого слоя в партии уменьшается роль и значение в организациях рабочей части партии как тех, которые потонули на советской и хозяйственной работе, так и тех, которые работают у станка. Последние могут принимать участие в жизни партии лишь через ячейку, а при теперешнем характере работы ячеек, лишь принимающих к сведению и исполнению предрешенные сверху вопросы, это участие почти равно нулю. Несомненно, именно на этой почве мы имеем усиление махаевских настроений в некоторых слоях нашей партии*).

*) Тов. Зиновьев в своей статье привел данные о количестве членов партии на крупнейших заводах страны. Он хотел доказать, что это количество растет, хотя не привел цифр, с какими надо сравнивать приведенные им. Но приведенные им цифры являются прямо убийственными, так они ничтожно малы.

Теперь дальше. Насколько существующий курс партийной политики способствовал подготовке новых кадров ответственных партработников?

Я думаю, что и здесь итог в общем довольно отрицательный. В области теоретического воспитания своих членов через марксистские кружки, совпартшколы, курсы и т. д. партия сделала за эти два года огромные успехи. По этот теоретический рост сопровождался при усвоенном партией курсе не усилением, а ослаблением участия членов партии в практической партийной жизни. Чем больше росла теоретическая подготовка членов партии, и особенно молодежи, тем меньше она вовлекалась в настоящую партийную жизнь, тем меньше несла ответственность за работу партии, учась на своих ошибках, тем больше ей преподносили предрешенных вопросов, тем больше росла в эти годы роль аппаратных кадров партии. А между тем теоретическая подготовка без использования теории на практической работе означает рост академической, а не подлинно-марксистской подготовки, означает не рост, а замедление „ленинского" использования теории для революционных целей. Диспропорциональность между теоретическим ростом молодых членов партии и их фактическим бесправием в решении партийных дел не уменьшалась, а наростала и нарастает. Продолжение старого партийного курса может и с этой стороны грозить нам очень опасными осложнениями, в частности, усилением недовольства (целиком по нашей вине) кадром старых большевиков.

Тов. Зиновьев указал на то, что наши партячейки по своему уровню часто ниже уровня передовых беспартийных работников. Я не берусь судить, насколько это утверждение правильно в целом. Но если оно правильно, то оно целиком говорит против теперешнего курса внутрипартийной политики. Если беспартийные рабочие оказываются по своему уровню выше тех коммунистов, которыо находятся с ними на заводе в одинаковых условиях (о затасканных на общественной и, в частности, партработе и не имеющих досуга заниматься я не говорю), то это, прежде всего, зависит, надо думать, от того, что беспартийные имеют возможность самостоятельно продумывать все вопросы, волнующие рабочую массу и страну, и самостоятельно напрягать мозги, тогда как партийные разучиваются сами думать, боятся что-либо „ляпнуть" до указания сверху, ждут готовых решений и даже готовых мотивировок к этим решениям.

Предрешенные сверху вопросы—это прямой продукт теперешнего партийного курса. Но также и продукт теперешней политики в области экономического руководства. Разумеется, многие из решений, которые падают и падали готовыми сверху вниз, могли бы быть переданы предварительно на обсуждение парторганизации, и многие наспех средактированные декреты не пришлось бы потом исправлять и дополнять, если бы опыт мест учитывался при их составлении, а не после. Но, с другой стороны, при слабости планового начала во всей нашей экономической политике и при решении экономических проблем от случая к случаю, наши руководящие центры часто сами не знают сегодня, что

им, в порядке спешности и пожарности, придется решать завтра. А раз так, то они при всем желании не могут поставить на обсуждение партии вопросы, которые для них самих всплывают неожиданно. Бесплановая политика всегда приводит к таким неожиданностям. Таким образом, реформа в области партийной политики оказывается связанной с необходимостью реформы в области экономической политики, о чем, впрочем, следует поднять вопрос перед партийным с'ездом по другим, более важным мотивам.

Следующее следствие—это зияющая дыра в области внутрипартийной информации, ослабляющая позиции партии при проведении в жизнь ее решений, ослабляющая ее связь с беспартийными массами и ставящая местные организации, особенно же рядовых работников, в самое тяжелое, часто прямо дурацкое положение перед рабочими. Сегодня они усиленно агитируют за одно мероприятие, скажем, что рабочие должны брать в счет заработной платы облигации золотого займа. А завтра в центре уже назревает обратное решение, которое падает на них с неба, и нашим коммунистам приходится говорить перед массами уже обратное тому, за что они распинались только вчера.

Это подрывает авторитет партийных организаций перед рабочими, которые либо просто высмеивают членов ячеек в таких случаях, либо сами возмущаются их бесправием и неосведомленностью в решениях и планах Советской власти. Удельный вес этого возмущения мы поймем, если вспомним, какое деятельное участие приняли в свое время беспартийные в чистке партии и как они интересуются жизнью своей правящей партии.

Отрыв профсоюзных органов от рабочих масс, с одной стороны, усиление бюрократизма в советском аппарате—с другой, также находятся в значительной мере в связи с существующим внутрипартийным курсом, который усилил бюрократизм в самой партии, т.-е., в сущности, ослабил самую нашу важную и решающую позицию в борьбе с бюрократизмом вообще. Не надо много логики, чтобы понять, в какой степени знаменитые статьи тов. Ленина о рабкрине и против бюрократизма советского аппарата целиком поворачиваются всей их аргументацией против теперешнего партийного курса, раз будет доказано (а это доказано опытом истекших двух лет), что этот курс не ослаблял, а стихийно усиливал бюрократизм советского и профсоюзного аппарата.

Я не буду уже перечислять других, более второстепенных следствий теперешнего курса, как рост карьеризма и прислужничества в партии, казенного отношения к делу, рост безответственности аппаратов по отношению к партийной периферии, рост не оправдываемых делом самоуверенности и самодовольстве лиц, назначаемых на партийные должности, которые раньше были выборными, и т. д. Все это более обстоятельно вскроет начавшаяся дискуссия. Ограничусь сказанным, ибо сказанного уже, кажется, достаточно для доказательства положения, выставленного мною в начале статьи, насчет того, что в области внутрипартийной мы ведем неправильную политику и имеем здесь отрицательный баланс. Это доказательство облегчается также первыми результатами дискуссии,

поскольку из всех до сих пор напечатанных на эту тему статей, заметок и резолюций *ни одна* не признает существующего в партии положения удовлетворительным.

По иронии судьбы наша партия, принявшая на X с‘езде решение о переходе от милитарных методов к методам внутрипартийной демократии, на практике начала проводить диаметрально-противоположную политику, правда, тогда вызванную кронштадтскими потрясениями и на период перехода к нэпу, быть может, об‘ективно-неизбежную. Но с тех пор, как переход совершился и притом совершился с редким единодушием и вполне организованно, наступило положение, когда проведение в жизнь резолюций X с‘езда стало не только политически возможно, но и необходимо. Этого перехода не было во-время сделано. В партийной политике возобладал автоматизм раз взятого курса, он был оформлен и узаконен по стечению ряда причин как раз тогда, когда следовало поставить вопрос об его изменении. Мы явно запоздали с этим делом. Тем скорей и с тем большим единодушием нужно осуществить необходимый поворот сейчас.

В заключение одно замечание. В нашей партии есть товарищи, не исключая самых ответственных, которые не прочь похихикать насчет внутрипартийной демократии в духе решений X с‘езда. Все это, по их мнению, продукт влияния мелкобуржуазных уравнительных тенденций, все это противоречит в конце концов пролетарской дисциплине и тенденциям высоко развитой техники. Не говоря о том, что эти товарищи психологически находятся под влиянием не высокой техники, а импрессионистски отражают в своей голове влияние высокой бюрократической колокольни государственного аппарата, в постройке которого на советской базе они участвовали,—пусть они докажут практически, как они конкретно предлагают решить на основе теперешнего партийного курса и без „демократии“ в партии проблему подготовки новых кадров партии, а также вопрос о расширении этих кадров применительно к задачам подлинно социалистического строительства.

Е. Преображенский.

„Правда“, 28 ноября, № 270.

Тов. Сталин о задачах партии.

Доклад о партийном строительстве на расширенном собрании Красно-Пресненского районного комитета с групповыми организаторами, членами дискуссионного клуба и бюро ячеек 2 декабря 1923 г.

—Товарищи! Я должен, прежде всего, сказать, что выступаю здесь в качестве докладчика от своего лица, а не от имени ЦК партии. Если угодно собранию выслушать такой доклад,—я к услугам. (Голоса: просим). Это не значит, что у меня есть какие-либо расхождения с ЦК по этому вопросу,—отнюдь нет. Я выступаю от своего лица только потому, что комиссия ЦК по выработке мер улучшения внутрипартийного положения на-днях должна результаты своих работ представить ЦК; результаты эти еще не представлены, и потому я не имею пока формального права от имени ЦК выступать, хотя я уверен, что то, о чем я доложу вам сейчас, в основном будет выражением позиции ЦК по этим вопросам.

Дискуссия—признак силы партии.

Первый вопрос, который я хотел бы поставить здесь,—это вопрос о смысле происходящей дискуссии в печати и в ячейках. О чем говорит эта дискуссия и что она знаменует? Не есть ли это буря, ворвавшаяся в спокойную жизнь партии, не есть ли эта дискуссия признак, как говорят одни, разложения партии, ее распада, или, как говорят другие,—признак перерождения партии. Я думаю, товарищи, что налицо нет ни того, ни другого: ни перерождения, ни разложения. Дело в том, что партия выросла за последний период, она достаточно очистилась от ненужного баласта, она стала более пролетарской. Вы знаете, что у нас два года тому назад было не менее 700.000 членов партии, вы знаете, что из партии выбыло или было вышиблено несколько сот бывших членов партии. Далее, партия в своем составе улучшилась и качественно поднялась за это время, в виду улучшения материального положения рабочего класса, в связи с под‘емом промышленности, в виду возвращения из деревень старых квалифицированных рабочих, в виду новой волны культурного под‘ема среди промышленных рабочих. Словом, в виду всех этих условий партия выросла, стала качественно выше, потребности ее возросли, она стала требовательнее, она хочет знать больше, чем она знала до сих пор, и она желает решать больше, чем она решала до сих пор.

Открывшаяся дискуссия представляет из себя признак не слабости партии, тем более не ее разложения или перерождения, а признак силы, признак крепости, признак улучшения качественного состава партии, признак под‘ема ее активности.

Причины дискуссии.

Второй вопрос, который встает перед нами,—это вопрос о том, почему именно в данный период, именно осенью этого года вопрос о внутрипартийной политике принял острый характер? Чем это об'яснить? Где причины? Я полагаю, товарищи, что мы имеем здесь дело с двумя причинами. Первая причина—это волна брожения и забастовок в связи с заработной платой, прокатившаяся по некоторым районам республик в августе этого года. Дело в том, что эта волна забастовок вскрыла недочеты наших организаций, оторванность некоторых наших организаций —и партийных и союзных—от событий в предприятиях, что в связи с этой волной забастовок вскрылось наличие некоторых нелегальных, антикоммунистических по существу, организаций внутри нашей партии, старающихся разложить партию. И вот все эти недочеты, вскрывшиеся в связи с забастовочной волной, ударили таким блеском, таким отрезвляющим лучем на партию, что она почувствовала необходимость внутрипартийных перемен. Вторая причина, обострившая вопрос о внутрипартийной политике именно в этот момент, это те массовые отпуска, которые наши партийные товарищи допустили. Отпуска эти, конечно, вполне понятны, но в виду своего массового характера они привели к тому, что темп партийной жизни оказался значительно ослабленным именно в момент брожения на заводах, что в высокой степени облегчило вскрытие накопившихся недочетов именно в этот период, осенью этого года.

Недочеты внутрипартийной жизни.

Я говорил о недочетах нашей партийной жизни, вскрывшихся осенью этого года и поставивших вопрос о внутрипартийной жизни. В чем же состоят эти недочеты внутрипартийной жизни? В том ли, что линия партии была неправильна, как думают некоторые товарищи, или в том, что линия партии была правильна, но она на практике отклонялась от правильного пути, искажалась в виду известных суб'ективных и об'ективных условий?

Я думаю, что основной недочет нашей внутрипартийной жизни именно в том и состоит, что при правильной линии партии, нашедшей свое выражение в постановлениях наших с'ездов, практика на местах (не везде конечно, но в некоторых районах) была неправильна. При правильной пролетарско-демократической линии нашей партии практика на местах дала факты и опыты бюрократического извращения этой линии.

В этом основной недочет. Наличие противоречий между основной партийной линией, намеченной с'ездами (X, XI, XII), и между практикой наших организаций на местах при проведении этой линии,—в этом основа всех недочетов внутрипартийной жизни.

Партийная линия говорит, что важнейшие вопросы нашей партийной практики, за исключением, конечно, тех, которые не ждут, или которые представляют военную дипломатическую тайну, должны обяза-

тельно обсуждаться на партийных собраниях. Так говорила партийная линия. А партийная практика на местах, хотя не везде, конечно, считала, что собственно говоря, нет большой необходимости, чтобы ряд вопросов внутрипартийной практики обсуждался на партийных собраниях, ибо ЦК и прочие руководящие организации сами разрешат эти вопросы.

Партийная линия говорит, что должностные лица нашей партии должны обязательно выбираться, поскольку нет наличия непреодолимых препятствий, вроде партийного стажа и пр. Вы знаете, что по уставу партии для секретаря губкома нужен стаж до-октябрьский, секретаря укома—трехгодичный, секретаря ячейки—годичный. Но партийная практика нередко считала, что ежели нужен стаж, то не нужно, значит, действительных выборов.

Партийная линия считает, что ежели нужен стаж, то не нужно, значит, действительных выборов.

Партийная линия считает, что необходимо партийную массу держать в курсе работ хозяйственных органов, предприятий и трестов, ибо наши партийные ячейки, естественно, несут моральную ответственность перед беспартийными массами за недочеты в предприятиях. Тем не менее, партийная практика считала, что раз имеется ЦК, который дает директивы хозяйственным органам, и раз хозяйственные органы связаны этими директивами, то директивы будут проведены и без контроля со стороны партийных мас снизу.

Партийная линия считает, что ответственные работники различных отраслей работы, будь они партийцы, хозяйственники, профессионалисты, военные работники, при всей той специализации, которую они получают на своей собственной работе, все-таки связаны между собой, представляют неразрывные части целого, ибо они все работают на одном деле пролетариата, которое нельзя разорвать на части. Партийная же практика считает, что раз есть специализация работы, разделение труда на собственно партийный, хозяйственный, военный и пр., то партийцы не отвечают за хозяйственников, хозяйственники не отвечают за партийцев, и вообще ослабление и даже утеря связи между ними неизбежны.

Таковы, товарищи, в общем те противоречия между партийной линией, которая зафиксирована в целом ряде решений наших с'ездов, начиная с X-го с'езда и кончая XII-м с'ездом, и между партийной практикой.

Я далек от того, чтобы обвинять местные организации за это искажение партийной линии, ибо, если разобраться, тут есть не столько вина, сколько беда наших дрганизаций на местах. В чем состоит эта беда и как могло так повернуться дело, я скажу ниже, но я хотел констатировать этот факт для того, чтобы об'яснить это противоречие и потом попытаться предложить меры улучшения. Я также далек от того, чтобы считать наш ЦК безгрешным. И у него есть грешки, как у всякого другого учреждения и организации,—и тут есть доля вины и доля беды, доля вины хотя бы в том, что ЦК по тем или иным

причинам не вскрыл своевременно этих недочетов и не принял мер к их преодолению.

Но вопрос теперь не в этом. Дело теперь в том, чтобы уяснить себе причины этих недочетов, о которых я только-что говорил. В самом деле, откуда недочеты взялись и как их устранить?

Причины недочетов.

Первая причина состоит в том, что наши партийные организации не изжили еще или все еще не изжили некоторых пережитков военного периода, периода прошедшего, но периода, оставившего в головах наших работников пережитки военщины в партии. Я думаю, что выражением этих пережитков является тот взгляд на партию, в силу которого партия представляет не самодеятельный организм, не самодеятельную боевую организацию пролетариата, а нечто вроде системы учреждений, нечто в роде комплекса целого ряда учреждений, где имеются служащие низшие и служащие высшие. Это, товарищи, глубоко ошибочный взгляд, не имеющий ничего общего с марксизмом, взгляд, который передался нам, как пережиток, с того периода, когда мы милитаризировали партию во время военного периода, когда вопрос о самодеятельности партийных масс поневоле был отодвинут на задний план и когда боевые приказы имели решающее значение. Я не помню, чтобы этот взгляд был когда-либо законченно высказан, но этот взгляд или элементы этого взгляда все еще тяготеют над нашей работой. Товарищи, с этими взглядами мы должны бороться всеми силами, ибо они являются одной из самых реальных опасностей, создающих благоприятные условия для того, чтобы по существу правильная линия нашей партии искажалась на практике.

Вторая причина состоит в наличии некоторого давления нашего государственного аппарата, по существу бюрократического, на партию и партийных работников. В 1917 году, кода мы шли в гору, к Октябрю, мы представляли дело так, что у нас будет коммуна, что это будет ассоциация трудящихся, что с бюрократизмом в учреждениях покончим и что государство если не в ближайший период, то через два-три непродолжительных периода, удастся превратить в ассоциацию трудящихся. Практика, однако, показала, что это есть идеал, до которого нам еще далеко, что для того, чтобы избавить государство от элементов бюрократизма, для того, чтобы превратить советское общество в ассоциацию трудящихся, необходима высокая культурность населения, нужна совершенно обеспеченная мирная обстановка кругом, для того чтобы не было необходимости в наличии больших кадров войск, требующих больших средств, и громоздких своим ведомств, своим существованием накладывающих отпечаток на все другие государственные учреждения. Наш государственный аппарат бюрократичен и он долго еще будет бюрократичен. В этом аппарате работают наши партийные товарищи, и тут обстановка, атмосфера, я бы сказал, этого бюрократического аппарата такова, что она облегчает дело бюрократизации наших партийных работников, наших партийных организаций.

Третья причина недочетов состоит, товарищи, в недостаточной активности некоторых наших ячеек, отсталость и иногда даже сплошная неграмотность, особенно на окраинах. Ячейки в этих районах мало активны, политически и культурно отсталые. Это обстоятельство, несомненно, тоже создает благоприятную почву для извращения партийной линии.

Четвертая причина—это отсутствие достаточного количества партийно-подготовленных товарищей на местах. Недавно я слышал доклад представителя одной из украинских организаций в ЦК. Докладывал товарищ в высшей степени способный, подающий большие надежды. Он говорил, что из 130 ячеек 80 ячеек имеют секретарей, назначенных губкомом. На замечание о том, что эта организация поступает в данном случае неправильно, этот товарищ стал ссылаться на то, что людей грамотных нет в ячейках, стажа партийного у них нет, что ячейки сами просят дать им секретарей и проч. Я могу допустить, что этот товарищ на 50 процентов переборщил, что тут, собственно, музыка не только в том, что в ячейках нет людей подготовленных, но и в том, что губком перестарался по старой традиции. Но если губком прав на 50 процентов, то разве не ясно, что если такие ячейки имеются на Украине, то тем более они должны быть на окраинах, где организации молоды, где партийных кадров меньше и грамотности меньше, чем на Украине? Это тоже одна из причин, создающих благоприятные условия для того, чтобы наша, по существу правильная, партийная линия искажалась на практике.

Наконец, пятая причина—слабость информации. Плохо мы информируем,—ЦК прежде всего, может быть потому, что он слишком перегружен работой; плохо нас информируют с мест. С этим надо покончить. Это также одна из серьезных причин того, что у нас внутри партии накопились недочеты.

Как устранить недочеты внутрипартийной жизни?

Каковы же должны быть меры, необходимые для устранения этих недочетов?

Первое дело—всячески и не уставая бороться против пережитков и навыков военного периода в нашей партии, против неправильного взгляда на то, что партия наша является, якобы, системой учреждений, а не боевой организацией пролетариата, активно мыслящей, самодеятельной, живущей живой жизнью, разрушающей старое и творящей новое.

Во-вторых, необходимо поднять активность партийных масс, ставя перед ними на обсуждение все интересующие их вопросы, насколько эти вопросы могут подвергаться открытому обсуждению, обеспечивая возможность свободной критики всех и всяких предположений партийных инстанций. Ибо только таким путем можно будет превратить партийную дисциплину в действительно сознательную, действительно железную дисциплину, ибо только таким путем можно будет поднять политический, хозяйственный и культурный опыт партийных масс, ибо только таким

образом можно будет подготовить условия, необходимые для того, чтобы партийные массы выдвигали шаг за шагом новых активных работников, новых руководителей из низов.

В-третьих, необходимо провести на деле выборность всех партийных организаций и должностных лиц, поскольку нет в наличии непреодолимых условий, вроде отсутствия партийного стажа и пр. Нужно изгнать из практики игнорирование воли большинства организаций при выдвижении товарищей на ответственные партийные должности, нужно добиться того, чтобы выборное начало проводилось на деле.

В-четвертых, необходимо, чтобы при ЦК, при губкомах и областных комитетах существовали постоянно действующие совещания ответственных работников всех отраслей работы, хозяйственников, партийцев, профессионалистов, военных; чтобы совещания устраивались регулярно, чтобы на совещании ставились вопросы, какие оно найдет необходимым поставить, чтобы связь между работниками всех родов оружия не прерывалась, чтобы все эти работники чувствовали себя членами одной партийной семьи, работающими для одного общего для всех дела, дела пролетариата, которое неразрывно, чтобы вокруг ЦК, как и вокруг местных организаций, существовала обстановка, дающая партии возможность получать и проверять опыт работы наших ответственных работников во всех областях работы.

В-пятых, необходимо вовлечь наши производственные ячейки в круг вопросов, связанных с ходом дел в предприятиях и трестах. Необходимо поставить дело так, чтобы ячейки были в курсе работы управляющих органов наших предприятий и об'единений, чтобы они могли иметь влияние на эту работу. Вы знаете, как представители ячеек, до чего велика моральная ответственность наших производственных ячеек перед беспартийными массами за ход дел в предприятии. Чтобы ячейка могла руководить и вести за собой беспартийную массу на заводе, чтобы она могла нести ответственность за ход дел в предприятии,—а она моральную ответственность за прорехи предприятия безусловно несет перед беспартийными массами,—она должна быть в курсе этих дел, она должна иметь возможность так или иначе влиять на эти дела. Необходимо поэтому, чтобы ячейки вовлекались в обсуждение хозяйственных вопросов, связанных с предприятием, чтобы время от времени собирались хозяйственные конференции представителей ячеек предприятий, входящих в состав треста, для обсуждения вопросов, связанных с делами в тресте. Это один из верных путей, необходимых как для обогащения хозяйственного опыта партийных масс, так и для организации контроля снизу.

В-шестых, необходимо поднять качественный состав наших партийных ячеек. В статье тов. Зиновьева говорилось уже о том, что кое-где наши партийные ячейки в качественном отношении отстали от окружающей беспартийной массы. Это утверждение, конечно, нельзя обобщать и распространять на все ячейки. Точнее было бы сказать, примерно, так: наши партийные ячейки стояли бы в культурном отношении гораздо выше, чем стоят теперь, и пользовались бы гораздо большим автори-

тетом среди беспартийных, если бы мы этих ячеек не опустошали, если бы мы из этих ячеек не брали людей, которых вынуждены ставить на хозяйственную, административную, профессиональную и всякую другую работу. Если бы все наши товарищи рабочие, если бы кадры, взятые за эти шесть лет из ячеек, вернулись к своим ячейкам, то разве нужно доказывать, что эти ячейки стояли бы на три головы выше всяких беспартийных рабочих, хотя бы и очень развитых? Именно потому, что у партии нет других кадров для улучшения государственного аппарата, именно потому, что партия вынуждена и впредь пользоваться этим источником,—именно поэтому наши ячейки будут и впредь несколько хромать в смысле своего культурного уровня, если не примем срочных мер по улучшению их качественного состава. Нужно, прежде всего, максимально усилить партийно-воспитательную работу в ячейках. Необходимо, кроме того, отрешиться от того излишнего формализма, который проявляют иногда наши организации на местах при приеме в члены партии товарищей из рабочих. Я думаю, что увлекаться формализмом не следует; партия может и должна смягчить условия приема в партию новых членов из рядов рабочего класса. Дело это уже начато местными организациями. Партия должна взять это дело в свои руки и открыть организованную кампанию для того, чтобы облегчить доступ в партию новых членов из рабочих от станка.

В-седьмых, необходимо усилить работу среди беспартийных рабочих. Это также одно из средств, могущих улучшить внутрипартийное положение, могущих поднять активность партийных масс. Я должен сказать, что наши организации все еще мало внимания обращают на дело привлечения беспартийных рабочих в наши советские органы. Взять хотя бы происходящие теперь выборы в Московский Совет. Я считаю, что один из больших недочетов этих выборов состоит в том, что беспартийных проходит слишком мало. Говорят, что имеется решение организации, в силу коего должно быть проведено по крайней мере такое-то количество беспартийных, такой-то процент и проч. Но я вижу, что на деле проходит их гораздо меньше. Говорят, что массы рвутся и хотят будто бы выбирать исключительно коммунистов. Я в этом очень сомневаюсь, товарищи. Я думаю, что если мы не окажем некоторого минимального доверия беспартийным, то мы в ответ можем получить большое недоверие к нашим организациям со стороны беспартийных. Это доверие к беспартийным абсолютно необходимо, товарищи. Необходимо заставить коммунистов снимать свои кандидатуры, не нужно говорить речей о том, чтобы выбирали только коммунистов, нужно поощрять беспартийных, нужно втягивать их в государственную работу. Мы за это получим плюсы и получим за это ответное доверие беспартийных к нашим организациям. Выборы в Москве—один из образчиков того, насколько наши организации начинают замыкаться в свою партийную скорлупу, вместо того, чтобы расширять поле своего действия, шаг за шагом сплачивая вокруг себя беспартийных.

В-восьмых, необходимо усилить работу среди крестьян. Я не знаю, почему нельзя было бы нашим сельским ячейкам, которые местами

хиреют, откуда иногда люди бегут, которые не пользуются большим доверием среди крестьян (это нужно признать),— почему нельзя было бы этим ячейкам поставить, напр., две практические задачи: во-первых, быть истолкователями и распространителями советских законов, связанных с крестьянским бытом, и, во-вторых, быть агитаторами и распространителями элементарных агрономических знаний хотя бы о том, что нужно во-время вспахивать поля, нужно очищать семена и пр. Знаете ли вы, товарищи, что если каждый крестьянин решится положить ничтожный труд на очистку семян, то можно без всяких мелиораций и без новых машин добиться увеличения урожайности пудов на 10 на десятину? А что значит прирост урожая на 10 пудов с десятины? Это значит прирост на миллиард пудов в год в общей валовой добыче. И всего этого можно было бы добиться играя. Почему нельзя было бы заняться этими делами нашим сельским ячейкам? Разве это менее важно, чем разговоры о политике Керзона? Мужик тогда понял бы, что коммунисты перестали заниматься пустословием, что они занялись делом, и тогда наши сельские ячейки пользовались бы величайшим доверием среди крестьян.

Я уже не касаюсь того, насколько необходимо для улучшения и оживления партийной жизни усиление партийно-воспитательной и политпросветительной работы среди молодежи, дающей новые кадры, в Красной армии, среди женщин-делегаток и вообще среди всяких беспартийных.

Не распространяюсь также о том, насколько необходимо для нас усиление информации сверху вниз и снизу вверх.

Таковы, товарищи, те меры улучшения, тот курс на внатрипартийную демократию, который наметил ЦК еще в сентябре этого года и который необходимо провести в жизнь снизу доверху.

Теперь я хотел бы остановиться на двух крайностях, на двух увлечениях по вопросам о рабочей демократии, наметившихся в некоторых дискуссионных статейках в „Правде“.

Первая крайность касается выборности. Состоит она в том, что некоторые товарищи добиваются выборности „до конца“. Раз выборность, так выбирай во-всю! Партийный стаж?! Зачем его? Выбирай, кого душа желает. Этот взгляд, товарищи, ошибочен. Его не примет партия. Конечно, у нас теперь нет войны, мы переживаем период мирного развития. Но у нас есть нэп. Этого не забывайте, товарищи. Не во время войны, а после войны партия предприняла чистку. Почему?— Потому, что во время войны страх поражения стягивал партию в одно целое, и некоторые раз'едающие элементы внутри партии вынуждены были гнуть общую линию в партии, стоявшей перед вопросом о жизни и смерти. Теперь этих обручей нет у нас, ибо нет войны, теперь у нас нэп, мы допустили капитализм, возрождается буржуазия. Правда, все это ведет к очищению партии ее укреплению но с другой стороны, нас обволакивает новая атмосфера зарождающейся и растущей буржуазии, которая еще не так сильна, но которая уже сумела побить некоторые наши кооперативы и и торговые органы в деле внутренней торговли. Именно после нэпа партия предприняла чистку, доведя численность партии до ее половин-

ного состава; именно после нэп'а партия решила, что для ограждения наших организаций от веяний нэпа необходимо, например, затруднить доступ в партию непролетарским элементам, необходимо поставить партийный стаж для должностных лиц в партии и т. д. Правильно ли поступила партия, создав эти предупредительные меры, ограничивающие „развернутую" демократию? Я думаю, что правильно поступила. Вот почему я полагаю, что демократия нужна, выборность необходима, но и ограничительные меры, принятые XI и XII с'ездами, по крайней мере основные из них, должны остаться еще в силе.

Вторая крайность касается вопроса о границах дискуссии. Состоит она в том, что некоторые товарищи добиваются неограниченной дискуссии, усматривая начало и конец партийной работы в обсуждении вопросов и забывая о другой стороне партийной работы, а именно—о действенной ее стороне, требующей проведения в жизнь решений партии. По крайней мере, такое именно впечатление произвела на меня статейка тов. Радзина, старающегося обосновать принцип неограниченной дискуссии ссылкой на т. Троцкого, который, якобы, сказал, что „партия—это добровольный союз единомышленников". Я искал в трудах тов. Троцкого эту фразу, но не мог ее найти. Да едва ли тов. Троцкий мог это сказать, как законченную формулу определения партии, а если он сказал, то едва ли он поставил здесь точку. Партия не есть только союз единомышленников, она есть, кроме того, союз единодействующих, боевой союз единодействующих, борющихся на основе общей идейной базы (программа, тактика). Я считаю ссылку на тов. Троцкого неправильной, ибо я знаю тов. Троцкого, как одного из тех членов ЦК, которые более всего подчеркивают действенную сторону партийной работы. Я думаю поэтому, что определение тов. Радзина нужно оставить за его ответственностью. Но к чему оно ведет, это определение? К одной из двух возможностей: либо партия вырождается в секту, в философскую школу, ибо только в таких узких организациях возможно полное единомыслие, либо она превращается в непрерывный дискуссионный клуб, вечно обсуждающий и вечно рассуждающий, вплоть до образования фракций, вплоть до раскола партии. Ни одна из этих возможностей не может быть принята нашей партией. Вот почему я полагаю, что обсуждение вопросов необходимо, дискуссия нужна, но нужны и пределы дискуссии, предохраняющие партию, этот боевой отряд пролетариата от вырождения в дискуссионный клуб.

Заканчивая свой доклад, я должен предостеречь вас, товарищи, от этих двух крайностей. Я думаю, что если мы отклоним обе эти крайности и возьмемся честно и решительно проводить в жизнь тот курс на внутрипартийную демократию, который наметил ЦК еще в сентябре этого года, мы наверняка добьемся улучшения в нашей партийной работе.

„Правда", 6 декабря, № 277.

В чем заключается очередная задача партии?

Статья тов. Зиновьева в день годовщины Октябрьской революции вызвала исключительно живой отклик. Свыше трех десятков авторов уже высказалось на страництх „Правды". Около двухсот статей, как говорят, ждут очереди. В отличие от прежних дискуссий подавляющее большинство авторов не принадлежит ни к партийным верхам, ни к профессиональным литераторам. Начинается обсуждение в ячейках, опять-таки в отличие от прежнего, весьма оживленное. Дискуссия захватила низы и развертывается.

О чем идет спор? Тов. Зиновьев поставил, как новую задачу, реальное проведение в жизнь рабочей демократии. Рабочей же демократии требуют и авторы статей. И, несмотря на это единодушие, общий тон выступающих товарищей, отнюдь не принадлежащих к „присяжным оппозиционерам", по отношнию к статье тов. Зиновьева—резко отрицательный. Чего-то тов. Зиновьев не договорил. Приходится обратиться к истории.

„Очередные потребности момента требуют новой организованной оболочки. Такой формой является форма рабочей демократии. Курс на рабочую демократию должен быть взят с такой же решительностью и так же энергично проводиться в жизнь, как в прошлый период проводился курс на милитаризацию партии, поскольку это не встречает препятствий в потребностях непосредственной борьбы с силами контрреволюции".

„Под рабочей внутрипартийной демократией подразумевается такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии участие в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое назначенство, как систему, и находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. д."

„Методами работы являются, прежде всего, методы широких обсуждений всех важнейших вопросов, дискуссий по ним, с полной свободой внутрипартийной критики. Методы коллективной выработки общепартийных решений, пока по этим вопросам не принято общеобязательных решений".

Эти строки написаны не сейчас, они появились в 1921 году в резолюциях X с'езда партии, в тот момент, когда не только перед партией, а перед всем рабочим классом встали новые задачи мирного строительства. Изменение внутрипартийного режима встало тогда, как одно из средств для проведения в жизнь нового направления политики пролетариата. И все-таки достаточно было двух, казалось бы, само собой разумеющихся оговорок—„поскольку это не встречает препятствий в потребностях непосредственной борьбы с контр-революцией" и что назначенство исключается только „как система", чтобы рабочая демократия, выборность, свобода дискуссий и т. д. в течение около трех лет (да неизвестно, какая демократия будет впереди) остались на бумаге с'ездовского отчета. Что же удивительного, что весьма скромные (очевидно, из боязни громких) слова тов. Зиновьева о необходимости

„усиления (только усиления?—только усиления, да еще не осуществленной) свободной дискуссии о партии и о привлечении вниманя рядовых членов нашей партии к жгучим вопросам производственной жизни“ вызывают в партии не энтузиазм, а чувство глубокого недоверия.

Ведь трудно же забыть, что постановление X с‘езда о запрещении группировок внутри партии и было использовано во-всю для того, чтобы свести на нет постановление того же с‘езда о партийной демократии. У всех в памяти решения партийной конференции 1922 года, когда она, в порядке обсуждения устава партии, через полтора года после об‘явления нового курса внутрипартийной политики, требовавшего коллективной выработки партийных решений, удлинила сроки созыва общероссийской конференции до одного года, а губернских и уездных —до шести месяцев вместо прежних трех. Как той же конференцией было установлено утверждение секретарей губкомов и укомов вышестоящей инстанцией, очевидно в развитие постановлений с‘езда о ликвидации назначенства как системы, и как услужливая практика партийного аппарата тотчас развила это решение дальше—в смысле предварительного согласования с высшими органами списков намеченных кандидатов в райкомы и укомы и в систему „рекомендаций“.

Постановления X с‘езда не были проведены в жизнь. Может быть, они оказались не жизненными и отпали сами собой?

В напечатанных в „Правде“ статьях нет ни одного противника рабочей демократии. В Петроградской „Правде“ есть и иная постановка вопроса, при этом не снабженная примечанием редакции о ее дискуссионном характере—в статье тов. Саркиса: „К вопросу о новых задачах партии“. „Вопрос о рабочей демократии в данный момент вовсе не является основной задачей партии. На вопрос о том, нуждается ли внутрипартийный режим или существующая (!) внутри партии рабочая демократия в изменениях, дополнениях и расширении сверху, через соответствующие партийные постановления, *мы отвечаем: „нет, не нуждается*“ (подчеркнуто автором). Констатировав, таким образом, ненужность самой постановки вопроса и приведя, в виде доказательства, обычные примеры прекрасного положения дел внутри партии (даже „летнего штиля“, по его мнению, не было), автор в конце статьи дает и положительную постановку: „*Система подбора работников* (курсив автора) и связанное с ней так называемое назначенство для данных условий партийно-политической, хозяйственной и профессиональной работы является единственным исторически-необходимым и партийно-полезным методом осуществления принципов внутрипартийной и рабочей демократии“.

Тов. Саркис об‘являет себя „старовером“. Повидимому, о сопротивлении таких староверов и разбились резолюции X с‘езда. Немало их и сейчас. Совершенно не случайным является то обстоятельство, что как только дискуссия в Москве начала переходить в ячейки, так сейчас же посыпались как по шаблону „изготовленные рекомендации“ райкомов о снятии вопроса, так как „не готовы материалы“. Очевидно, и в Москве немало единомышленников тов. Саркиса, отличающихся от

него только тем, что они не пишут статей, а ограничиваются „фактическими справками“.

Каковы же результаты этой староверческой политики, которая, говоря словами тов. Саркиса, считает, что „кардинальными задачами партии сегодня, завтра и еще на долгий период остаются: задача партийного, политического, практического и культурного воспитания рядовых членов РКП“?..

Пока т.т. староверы занимались школьным обучением рядовых членов партии путем информационных докладов, постановкой на голосование резолюций о правильности политики учителей и т. п., вдруг оказалось, как констатирует т. Зиновьев, что рост сознательности партии за эти годы отстал от роста сознательности рабочего класса, и это отставание достигло таких размеров, что под'ем культурного уровня рабочих масс „может стать источником многочисленных недоразумений между нами и беспартийными рабочими и может даже, как это ни странно на первый взгляд, создать величайшие трудности для нас“.

Тут-то и вскрывается глубочайшее заблуждение т.т. староверов. Если партия и школа для всех своих членов (не только рядовых), то эта школа отнюдь не похожа на институт благородных девиц, изучавших науки и получавших воспитание в четырех стенах. Каждый член ее, прежде всего, является учителем и руководителем беспартийных рабочих масс, и только на этой работе он и учится. Смотреть на рядовых членов партии, как на несмышленых ребят, за которыми надо, прежде всего, следить, чтобы они не наделали глупостей, это значит, гарантируя полное формальное единомыслие в партии, оторвать партию от рабочего класса: ведь без массы рядовых членов партии в соприкосновение с рабочей массой никак не придешь.

Открывшаяся дискуссия полностью подтверждает это: слишком силен школьный дух в партии, в результате которого рядовые работники, являясь очень послушными, хотя и не очень внимательными („партийные собрания скучны и митинговы“, „обедня“,—говорят некоторые товарищи,—см. ст. тов. Ксенофонтова) учениками, в то же время не умеют подойти к рабочим массам. „Нередки случаи,—говорит тов. Лавлер,—когда ячейка замыкается в свою скорлупу, забывая про беспартийных... Необходимо признать, что работы среди квалифицированной части рабочих ячейка не ведет. Чаще бывает так, *что более культурные, развитые рабочие, выступая с критикой, зачисляются ячейкой в оппозицию, особенно в тех случаях, когда руководители ячейки слабы* (курсив мой. *Т. С.*). При таком положении дел ячейка еще более отталкивает от себя рабочих“.

Характеристика убийственная. Напрасно только тов. Лавлер обращает свои упреки как будто в сторону ячеек (совершенно откровенную позицию занимает здесь тов. Саркис, который два раза в своей статье подчеркивает: „неумение и культурное бессилие широких рабочих масс участвовать в деле использования свобод рабочей демократии“). В тех приемах, которые, по словам тов. Лавлера, применяются работниками ячеек к рабочим, мы без труда узнаем те методы, которые партийный

аппарат применяет к партийной массе, зорко следя, прежде всего, за тем, чтобы не было «уклонов» (даже словечко специальное придумано). Ученики усваивают приемы учителей, и только тогда учителя спохватываются, но, забывая о себе, начинают ворчать на учеников. Плохи не ученики. Находясь у станка рядом с рабочей массой, они очень болезненно чувствуют всякую оторванность и отчужденность от нее. Плохо, что учителя на своей работе с партийной массой не дают ей примеров живого подхода к рабочей массе. И невольно возникает вопрос, не наличием ли «опозиционного» настроения „более культурных и развитых рабочих" об'ясняется некоторый успех так называемой „рабочей группы"?

Нужно раз навсегда запомнить, что никакое единодушие внутри партии не искупает даже маленького отрыва партии от пролетариата. Вопрос о партии и беспартийных рабочих—в этом тов. Лавлер совершенно прав—является основным вопросом. Но только при внутрипартийной демократии „вовлечение беспартийных рабочих и их неквалифицированного ядра в активную общественную жизнь" пойдет под флагом коммунистической партии. Недаром этот вопрос и был выдвинут X с'ездом в тот момент, когда вопросы производства, а следовательно и организации рабочего класса выдвинулись на первый план, и нужно раз навсегда откинуть философию партийных педантов, полагающих, что кардинальной задачей партии является воспитание членов партии вне их активной работы среди пролетариата. Прямо как классные дамы!

Вот об этих-то классных дамах тов. Зиновьев и не сказал в своей статье ни громкого, ни тихого слова. *А между тем здесь-то и лежит та задача, правда, не новая, которую надо разрешить, или, вернее, то препятствие, о которое мы уже раз споткнулись и которое нам необходимо во что бы то ни стало преодолеть на пути разрешения также не новых, но выполненных нами задач. Преодоление косности партийного аппарата, упорно цепляющегося на деле, несмотря на всякие резолюции, за старые, негодные методы,—этим надо нам заняться прежде всего.*

Приводя в порядок наши ряды по окончании гражданской войны, мы произвели чистку партии, выкинув из нее тех, которые были для нас случайными попутчиками и в новой обстановке нам только мешали бы. Теперь нам надо пересмотреть наш „офицерский" состав, с точки зрения соответствия его новым задачам, в первую голову начиная с самых низов, с того места, где начинается повседневное соприкосновение с рабочей массой. Эта работа по обновлению аппарата, без „назначения", без „рекомендации" и „согласования", а путем действительных выборов, должна быть начата немедленно. Вместо дискуссии на тему „о пользе дискуссий"—это надо считать делом решенным—партия должна, вплоть до низовых ячеек, заняться обсуждением важнейших вопросов нашей общей, а не только внутрипартийной политики, на основе этого обсуждения проверить качество партийного аппарата и обновить его еще до с'езда. Проведя, таким образом, демократию

с‘езда искренно, не на словах, а на деле,—пора перестать соловья кормить баснями. Только тогда на партийном с‘езде нам не нужно будет повторять зады о рабочей демократии, и мы сможем, закрепив ее, как совершившийся факт, заняться обсуждением тех задач, которые стоят перед партией, как вождем пролетарской революции. Эти мероприятия будут лучшим противоядием против антипартийных группировок и обеспечат полное действительное единство партии.

Т. Сапронов.

„Правда“, 8 декабря № 279.

Новый курс.

(Письмо к партийным совещаниям).

Дорогие товарищи!

Я твердо рассчитывал, что не сегодня -завтра смогу принять участие в обсуждении внутрипартийного положения и новых задач. Но заболевание пришло на этот раз более не во-время, чем когда бы то ни было, и оказалось более длительным, чем предполагали первоначально врачи. Мне не остается ничего другого, как высказать свои мысли в настоящем письме.

Резолюция Политбюро по вопросу о партийном строительстве имеет исключительное значение. Она знаменует, что партия подошла к серьезному повороту на своем историческом пути. На поворотах, как справедливо указывалось на многих собраниях, нужна осторожность, но на-ряду с осторожностью нужна твердость и решительность. Выжидательность, безформенность на поворотах были бы худшим видом неосторожности.

Некоторые консервативно настроенные товарищи, склонные переоценивать роль аппарата и не дооценивать самодеятельность партии, критически отзываются о резолюции Политбюро. Они говорят: Цека берет на себя невыполнимые обязательства; резолюция посеет-де только ложные иллюзии и приведет к отрицательным результатам. Ясно, что такой подход к вопросу пропитан насквозь бюрократическим недоверием к партии. Новый курс, превозглашенный в резолюции Цека, в том и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне, при новом курсе, должен быть передвинут в сторону активности, критической самодеятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет. Осуществить этот режим может сама партия. Кратко задачу можно формулировать так: *партия должна подчинить себе свой аппарат,* ни на минуту не переставая быть централизованной организацией.

В прениях и статьях очень часто указывалось за последнее время на то, что „чистая“, „развернутая“, „идеальная“ демократия неосуществима, и что демократия для нас вообще не самоцель. Это совершенно бесспорно. Но с таким же точно правом и основанием можно сказать, что чистый или абсолютный централизм не осуществим и не совместим с природой массовой партии и что ни централизм, ни партаппарат ни в коем случае не является самоцелью. Демократия и централизм представляют собою две стороны в строительстве партии. Задача состоит в том, чтобы эти две стороны были уравновешены наиболее

правильным, т. е. наиболее отвечающим обстановке путем. За последний период этого равновесия не было. Центр тяжести был неправильно передвинут на аппарат. Самодеятельность партии была сведена к минимуму. Это создавало навыки и приемы управления, в корне противоречащие духу революционной партии пролетариата. Чрезмерное усиление аппаратного централизма за счет партийной самодеятельности породило в партии ощущение *недомогания*. Оно нашло себе на крайнем фланге чрезвычайно болезненное выражение, вплоть до создания нелегальных группировок в партии под руководством явно враждебных коммунизму элементов. В то же время во всей партии повысилось критическое отношение к аппаратным методам решения вопросов. Понимание или, по крайней мере, ощущение того, что партийный бюрократизм грозит завести партию в тупик, стало почти всеобщим. Поднялись предостерегающие голоса. Первым оффициальным и в высшей степени важным выражением происшедшего в партии перелома является резолюция о новом курсе. Она осуществится в жизни в той мере, в какой партия, т. е. 400 тысяч членов ее, захочет и сумеет ее осуществить.

В ряде статей настойчиво проводится та мысль, что основным средством оживления партии является поднятие культурного уровня ее рядовых членов, после чего все остальное, т. е. рабочая демократия, приложится уж естественным путем. Что нам нужно поднимать идейный и культурный уровень нашей партии, в виду стоящих перед нею гигантских задач, это совершенно бесспорно; но именно потому такая чисто *педагогическая, наставническая* постановка вопроса совершенно недостаточна и следовательно неправильна, и если в ней упорствовать, то она может вызвать только обострение кризиса. Партия может поднимать свой уровень как партия, лишь выполняя полностью и целиком свои основные задачи путем коллективного, самодеятельного руководства рабочим классом и государством рабочего класса. Нужен *не педагогический, а политический* подход. Нельзя ставить вопрос так, будто применение партийной демократии должно быть поставлено (кем?) в зависимость от степени „подготовки“ к ней членов партии. Партия есть партия. Можно пред‘являть очень строгие требования к каждому, кто хочет вступить в нашу партию и оставаться в ней; но вступивший является уже тем самым активным участником всей работы партии.

Убивая самодеятельность, бюрократизм тем самым препятствует повышению общего уровня партии. И в этом его главная вина. Поскольку в партийный аппарат входят неизбежно более опытные и заслуженные товарищи, постольку бюрократизм аппарата тяжелее всего отзывается на идейно-политическом росте молодых поколений партии. Именно этим об‘ясняется тот факт, что молодежь,—вернейший барометр партии,—резче всего реагирует на партийный бюрократизм.

Было бы, однако, неправильным думать, будто чрезмерность аппаратных методов решения партийных вопросов проходит бесследно для старшего поколения, воплощающего в себе политический опыт партии и ее революционные традиции. Нет, опасность очень велика и на этом полюсе. Говорить об огромном,—не только в российском, но и в между-

народном масштабе,—значении старшего поколения в нашей партии не приходится: это общеизвестно и общепризнано. Но было бы грубой ошибкой оценивать это значение как *самодовлеющий* факт. *Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор.* Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение „старой гвардии" наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы, ведь, знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарт, Гед и другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди,—одни отчасти, другие целиком—переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим, особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития. И мы должны сказать,—именно мы, „старики",—что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе, однако, никакой *самодовлеющей* гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитанич и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми. Против этой несомненной опасности нет другого средства, как серьезная, глубокая, радикальная перемена курса в сторону партийной демократии, при все большем и большем вовлечении в партию пролетариев, остающихся у станка.

Я не буду здесь останавливаться на тех или других юридических (уставных) определениях партийной демократии и юридических ограничениях ее. Как ни важны эти вопросы, это все же вопросы второй очереди. Мы их обсудим на основании имеющегося опыта, и что нужно, изменим. Но прежде всего нужно изменить тот дух, который господствует в организациях. Нужно, чтобы партия, в лице всех своих ячеек и об'единений, вернула себе коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики—без опаски и без оглядки,—право организационного самоопределения. Необходимо освежить и обновить партийный аппарат, заставив его почувствовать, что он является исполнительным механизмом великого коллектива.

В партийной печати последнего времени приводилось немало примеров, характеризующих далеко зашедшее бюрократическое перерождение партийных правов и отношений. В ответ на голос критики—„покажите ваш партбилет!". До того, как было опубликовано постановление Цека о новом курсе, обюрократившиеся представители аппарата считали

самое упоминание о необходимости изменения внутри партийной политики ересью, фракционностью и расшаткой дисциплины. Сейчас они также формально готовы принять новый курс „к сведению“, т. е. *бюрократически свести его на-нет.* Обновление партийного аппарата,—разумеется, в отчетливых рамках устава,—должно быть производимо с целью замены оказенившихся и обюрократившихся свежими элементами, тесно связанными с жизнью коллектива или способными обеспечить такую связь. И прежде всего должны быть устранены с партийных постов те элементы, которые, при первом голосе критики, возражения, протеста, склонны требовать партбилет на предмет репрессий. Новый курс должен начаться с того, чтобы в аппарате все почувствовали, снизу до верху, что никто не смеет терроризировать партию.

Совершенно недостаточно, чтобы молодежь повторяла наши формулы. Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем, претворяла их в плоть и кровь, вырабатывала бы себе собственное мнение, собственное лицо и была бы способна бороться за собственное мнение с тем мужеством, которое дается искренней убежденностью и независимостью характера. Пассивное послушание, механическое равнение по начальству, безличность, прислужничество, карьеризм—из партии вон! Большевик есть не только человек дисциплины,—нет, это человек, который, глубоко сверля, вырабатывает себе в каждом данном случае твердое мнение, мужественно и независимо отстаивает его не только в бою против врагов, но и внутри собственной организации. Он сегодня окажется в своей организации в меньшинстве. Он подчиняется, потому что это его партия. Но это, разумеется, не всегда значит, что он не прав. Он, может быть, только ранее других увидел или понял новую задачу или необходимость поворота. Он настойчиво поднимает вопрос и второй раз, и третий, и десятый. Этим он оказывает услугу партии, помогая ей встретить во всеоружии новую задачу или совершить необходимый поворот без организационных потрясений и фракционных конвульсий.

Да, наша партия не могла бы выполнить своей исторической миссии, если бы она распалась на фракционные группировки. Этого не должно быть и этого не будет. Этому воспрепятствует партия в целом, как самодеятельный коллектив. Но партия с успехом может справиться с опасностями фракционности, только развив, укрепив и упрочив курс на рабочую демократию. Именно *аппаратный бюрократизм является одним из важнейших источников фракционности.* Он подавляет критику и загоняет недовольство в глубь. Он склонен накладывать ярлык фракции на каждый индивидуальный или коллективный голос критики или предостережения. Механический централизм дополняется неизбежно фракционностью, которая есть в одно и то же время злая карикатура на партийную демократию и грозная политическая опасность.

В ясном понимании всей обстановки партия совершит необходимый поворот со всей твердостью и решительностью, которые вызываются глубиной стоящих перед нами задач. Партия возведет тем самым на более высокую ступень свое революционное единство, как залог того, что

она справится с хозяйственными и международными задачами неизмеримого значения.

Я ни в каком смысле не исчерпал вопроса. Я сознательно отказался от рассмотрения многих его существенных сторон, из опасения отнять у вас слишком много времени. Но я надеюсь, что мне удастся вскоре справиться с малярией, которая—сужу по себе—находится в явной оппозиции к новому партийному курсу, и тогда я попытаюсь в более свободной устной речи дополнить и уточнить то, чего не досказал в этом письме.

С товарищеским приветом **Л. Троцкий.**

8 декабря 1923 года.

P. S. Пользуясь тем, что настоящее письмо появляется в „Правде" с запозданием на два дня, хочу сделать несколько дополнительных замечаний.

Мне сообщали, будто отдельные товарищи, при оглашении моего письма на районных собраниях, выражали опасение, как бы мои соображения относительно взаимоотношений „старой гвардии" и молодых поколений не были использованы для противопоставления (!) молодежи старикам. Можно за глаза поручиться, что такого рода мысль приходит в голову тем товарищам, которые еще два, три месяца тому назад в ужасе отшатывались от самой постановки вопроса о необходимост перемены курса. Во всяком случае, выдвигание на первый план опасений такого рода *в данной обстановке и в данный момент* может вызываться лишь неправильной оценкой действительных опасностей и их очередности. Нынешнее настроение молодежи, имеющее, как ясно всякому мыслящему члену партии, в высшей степени симптоматический характер, порождено теми самымы методами „штиля", осуждением которых является *едногогласно* прынятая резолюция Политбюро. Другими словами, именно „штиль" заключал в себе опасность возрастающей отчужденности между руководящим слоем партии и более молодыми ее членами, то-есть огромным ее большинством. Тенденция партийного аппарата думать и решать за партию ведет в своем развитии к стремлению укрепить авторитет руководящих кругов *только* на традиции. Уважение к партийной традиции есть, бесспорно, необходимейший составной элемент партийного воспитания и партийной спайки; но этот элемент может бить жизненным и стойким только в том случае, если он постоянно питается и укрепляется самостоятельной и активной проверкой партийной традиции, путем коллективной выработки партийной политики *сегодняшнего дня.* Без этой активности и самодеятельности уважение к традиции может выродиться в казенную романтику или прямо в голую казенщину, т.-е. *в форму без содержания.* Незачем и говорить, что такого рода связь поколений была бы совершенно недостаточна и неустойчива. Внешним образом она может казаться прочной за пять минут до того, как в ней вскрываются угрожающие цели. Именно здесь лежит опасность аппаратного курса, опирающегося на „штиль" в партии. И поскольку революционно сохранившиеся, не оказенившиеся представители старшего поколения, т.-е.—как мы твердо уверены,—

подавляющее его большинство, отдадут себе ясный отчет относительно охарактиризированной выше опасной перспективы и, став на почву резолюции Политбюро ЦК, приложат все усилия к тому, чтобы помочь партии претворить эту резолюцию в жизнь, постолько исчезнет главный источник возможного противопоставления разных поколений в партии. Те или другие „излишества" или увлечения молодежи по этой линии будет тогда сравнительно легко преодолеть. Но нужно, прежде всего, создать предпосылки для того, чтобы партийная традиция не в аппарате концентрировалась, а жила и обновлялась в живом опыте партии. Этим самым быдет избегнута и другая опасность: расщепления самого старшего поколения на „аппаратные", т.-е. пригодные к поддержанию „штиля", и не аппаратные элементы. Незачем говорить, что аппарат партии, т.-е. ее организационный костяк, выйдя из самодовлеющей замкнутости, не ослабнет, а окрепнет. О том же, что нам необходим мощный централизованный аппарат, в нашей партии не может быть двух мнений.

Можно еще, пожалуй, возразить, что приведенная в письме ссылка на аппаратное перерождение социал-демократии неправильна,—в виду глубокого различия эпох: тогдашней, застойно-реформистской, и нынешней, революционной. Разумеется, пример есть только пример, а никак не тождество. Однако же это огульное противопоставление эпох само по себе еще ничего не решает. Не даром же мы указываем на опасности нэпа, тесно связанные с *затяжным* характером международной революции. Повседневная государственно-практическая работа наша, все более детализированная и специализированная, таит в себе, как указано в резолюции ЦК, опасности сужения горизонта, т. е. оппортунистического перерождения. Совершенно очевидно, что эти опасности становятся тем более серьезными, чем более партийное руководство заменяется замкнутым „секретарским" командованием. Мы были бы плохими революционерами, если бы надеялись на то, что со всеми трудностями, и прежде всего со внутренними, нам поможет справиться „революционный характер эпохи". Надо, как следует быть, помочь „эпохе" правильным осуществлением нового партийного курса, *единогласно* провозглашенного Политбюро ЦК.

В заключение еще одно замечание. Месяца два—три тому назад, когда вопросы, составляющие предмет нынешней дискуссии, только вносились так сказать, в порядок дня партии, некоторые ответственные провинциальные товарищи склонны были снисходительно пожимать плечами: это, мол, все московские выдумки, в провинции все благополучно. И сейчас в кое-каких корреспонденциях из провинции слышится та же нота. Противопоставление зараженной или взбаламученной Москвы—спокойной и разумной провинции представляет собою не что иное, как яркое выражение того же бюрократизма, хотя бы и провинциального издания. На самом деле московская организация нашей партии является самой обширной, наиболее богатой силами и наиболее жизненной. Даже в самые глухие моменты так называемого „штиля" (словечко очень выразительное и не миновать ему войти в нашу партийную историю!)

в московской организации самостоятельная жизнь и активность все же были выше, чем где бы то ни было. Если Москва сейчас чем-нибудь отличается от других пунктов, так только тем, что она взяла на себя инициативу пересмотра партийного курса. Это не минус ее, а заслуга. Вся партия пройдет, вслед за Москвой, через необходимую стадию переоценки кое-каких ценностей истекшего периода. Чем меньше провинциальный партийный аппарат будет этому противиться, тем более планомерно провинциальные организации пройдут через неизбежную и прогрессивную стадию критики и самокритики. Партия пожнет результат в виде возросшей сплоченности и повышенного уровня партийной культуры.

Л. Т.

„Правда", 11 декабря, № 281.

Современные задачи нашей партии.

(Из доклада тов. Зиновьева на XIX конференции Петроградской губернской организации 1-го декабря 1923 года).

1. Партия в эпоху нэпа.

Центральный Комитет партии в настоящий момент тоже занят обсуждением тех вопросов, которые подвергаются публичной дискуссии. Центральный Комитет создал обширную комиссию по этому вопросу с участием нескольких членов политбюро Центрального Комитета. Эта комиссия начинает работать в ближайшие дни, и мы твердо рассчитываем, что уже в течение ближайших дней Центральный Комитет представит всей партии определенный и при том единогласно принятый проект в форме резолюции по всем жгучим вопросам, которые подняты в печати в последнее время.

Быть может, товарищи, я действительно допустил некоторую ошибку, когда свою статью, которая послужила предметом дискуссии, озаглавил „*Новые* задачи нашей партии". Ряд оппонентов указал, что эти задачи, в сущности говоря, старые, только еще не разрешенные, и что поэтому заглавие не совсем соответствует содержанию. Чтобы быть совершенно точным, нужно было сказать: дело идет *о современных* задачах партии—новые они или старые, пусть разберут впоследствии.

Однако, действительно, перед нами накопляется сейчас целый ряд вопросов, нуждающихся в разрешении, в авторитетном разрешении со стороны партии.

Два года партия работает в обстановке нэпа. Я уже говорил на XII с'езде партии, что следует различать две вещи: 1) новая экономическая политика и 2) то, что мы в просторечии называем „нэпом". Новая экономическая политика есть исторически необходимая, очень серьезная глава в истории нашей борьбы за мировую революцию. Между тем, когда мы говорим „нэп", мы часто имеем в виду уже нэпманство, спекулятивный момент. Я думаю, товарищи, что нам все время следует помнить об этом различии.

Мы переживаем два года новой экономической политики и в то же время и два года „нэпа", т. е. роста буржуазии, роста спекуляции, со всеми неприглядными сторонами этих явлений.

Насколько же этот нэп отразился на нашей партии? Правы ли те противники, которые каркали нам, предвещая, что нэп обязательно превратит нашу партию в мелкобуржуазную партию? Верно ли, что основная клеточка партийного организма перерождается? Верно ли, что мы перестаем быть партией мировой революции, превращаясь в партию демократического мещанства?

От этого вопроса никуда не уйдешь. Партия пристально ставит эти вопросы, и я думаю, что эти опасности следует видеть.

Мне кажется, товарищи, что лучшим ответом на эти вопросы является следующее: германская революция развивается, как оказалось, гораздо медленнее, чем мы думали. Сроки, которые мы назначили в октябре на основании тех данных, которыми мы располагали, оказались слишком короткими. Дело откладывается на некоторое количество месяцев. Но то, как наша партия реагировала на надвигавшиеся события, во всяком случае, серьезнейший факт.

Партия снизу до верху, до единого человека, в связи с надвигавшимися в Германии событиями, реагировала так, как подобает реагировать революционной партии пролетариата, а не как нэпмановской партии.

Это испытание очень важное. Это исторический экзамен.

Партия реагировала на него так: если бы в Германии события разыгрались, то наша партия сознавала бы себя основным ядром Коммунистического Интернационала и была бы готова выполнить долг революционной партии пролетариата до конца.

Независимо от того, как события развиваются сейчас, испытание, через которое прошла наша партия, должно нам послужить гарантией того, что партия в основном здорова.

Если бы в партии было много гнили, если бы произошло перерождение основной клеточки партийного организма, то наша партия, когда созревали события в Германии, стала бы реагировать по-иному она стала бы прятать голову под крыло. Ничего подобного, однако, не было. Напротив, если нас можно в чем обвинить, то разве только в некоторой переоценке темпа событий, в том, что мы ждали в октябре, ноябре, декабре 1923 г. того, что, может быть, произойдет в Германии в мае 1924 года, но ни в коем случае не в том, что мы поддались нэпу и пытались уйти от перспектив мировой революции.

2. Наши слабые стороны.

Это вовсе не значит, что у нас нет никаких слабостей внутри партии. Этих слабостей у нас много. В связи с нэпом, у нас, по-моему, намечается, в общем, два искривления, два неправильных взгляда на самую суть партии.

С одной стороны, те, которые с головой сидят в административно-хозяйственной работе, смотрят иногда на партию просто, как на подсобное учреждение для более успешного направления административной или хозяйственной работы. Другие ударяются в другую крайность, смотрят на партию, как на некий свободный дискуссионный клуб, как на „парламент мнений".

Ни то, ни другое неверно.

Мы должны отбросить и ту, и другую крайность и взять нашу партию, как подобает большевикам, как политический организм, тысячами нитей связанный с массами, ставящий себе гигантскую задачу управления всем государством.

Каков количественный состав нашей партии в данный момент? Мы имеем статистику на первое сентября 1923 года. Статистика в этой области, вообще говоря, хромает. Как вы знаете, последняя статистика выполнена силами ЦК партии наиболее внимательно и тщательно. Я думаю, что она близка к истине.

Цифры эти несколько неожиданны. Мы все считали, что у нас около полумиллиона или даже шестьсот тысяч членов партии, а оказалось на 1-е сентября по всей федерации 351 тысяча (с коммунистами в Красной армии) членов партии и 92 тысячи кандидатов. К этому следовало бы прибавить комсомол и так далее, но я беру состав партии в узком смысле этого слова.

Членов партии у станка только 54 тысячи (без кандидатов). Это мало.

Само собою понятно, совершенно неизбежно, что мы, управляя государством, должны были выкачать и выкачали с фабрик и заводов лучшие, наиболее зрелые коммунистические силы. Иначе мы не могли построить Красную армию, хозяйственные, административные и советские органы. Вполне понятно, что партия, которая управляет госу-

дарством, значительную долю своего состава должна сосредоточить именно в этих учреждениях. Все-таки, мне кажется, товарищи, что при надлежащем отношении к делу у нас есть серьезные шансы увеличить число членов партии от станка. И одна из важнейших задач в этом, мне кажется, и заключается.

Мы ставим сейчас вопрос об оживлении партийной работы, об оживлении внутри-партийной демократии. С полным правом указывают товарищи, что этот вопрос ставился на X с'езде партии, что решения X-го с'езда проведены в жизнь далеко не полностью, а в некоторых частях и вовсе не проведены.

Почему мы должны вновь поставить эти вопросы *сейчас?* Громадное большинство партии знает свой ЦК и знает, что если ЦК выдвигает те или другие вопросы, то потому, что эти вопросы назрели, и предложения его будут серьезные и искренние. Так понимает большинство партии.

3. Почему именно сейчас необходимо вновь поставить вопрос о рабочей демократии?

Почему мы должны поставить эти вопросы сейчас?

Мы ставили их в 1921 году, мы выработали недурную резолюцию по вопросу о внутрипартийной демократии. Почему эти резолюции не были проведены в жизнь? В значительной степени по об'ективным причинам.

Вспомните те времена. Чем интересовались тогда петроградские рабочие (я беру одну из важнейших организаций нашей партии) в то время? Положение было страшно трудное. О куске хлеба—вот о чем думали тогда рабочие больше всего и прежде всего. Вы помните прекрасно тогдашнее настроение в целом ряде других пролетарских центров.

При переходе на нэп мы стали тут же формулировать новые задачи. Но провести их нельзя было в то время, когда рабочий класс распылялся, деклассировался и когда основной злобой дня, тяготевшей свинцовыми гирями над каждым рабочим, был вопрос о пайке, о картошке. Мы ставим теперь эти вопросы при гораздо более благоприятных симптомах.

Основная перемена заключается в том, что процесс деклассирования пролетариата прекратился.

Пролетариат, который в течение этих нескольких лет революции таял, распылялся, деклассировался, теперь начинает вновь собираться в компактные массы. Это и есть кардинальный факт, который меняет всю обстановку.

Те самые рабочие, которые разбредались все эти годы, теперь тянутся на наши фабрики и заводы, принося с собой накопленный и умноженный годами политический опыт. Они увидели,—и мы увидели,—первые успехи на хозяйственном фронте. Эти успехи, товарищи, еще очень невелики,—не будем обманываться,—но они нам дороги именно потому, что они „первенькие".

Это настроение, что первые хозяйственные успехи мы имеем, передается широким кругам добросовестных беспартийных рабочих, создается здоровая производственная обстановка, чего нехватало раньше, без чего все разговоры о партийном строительстве были построены на песке. Худо ли, хорошо ли,—поднялась заработная плата, поднялись производительность труда, производственная дисциплина. Мы попали в обстановку, хоть сколько-нибудь напоминающую нормальную. В этой обстановке и есть то новое, что отличает нас от 1921 года и что дает сейчас гарантию того, что нынешние решения

будут проведены в жизнь в гораздо более полной степени, чем это было с решениями 1921 года.

Затем и партия очистилась, стала лучше, более пролетарской по составу, по уровню. Это тоже дает нам надежду, что теперь старые задачи легче удастся разрешить.

Я сказал, что решения 21 года не прошли в жизнь в значительной степени по об‘ективным причинам. Но были причины и суб‘ективные, зависящие от нас, от нашей организации. Эти суб‘ективные причины распадаются на две группы.

Одна—это механичность нашей организации: нам очень трудно было раскачаться, перейти на новые рельсы: от военного коммунизма к новой эпохе.

Другая группа причин об‘ясняется нашей недостаточной культурностью,—причина коренная, на которую мы наталкиваемся на каждом шагу. Есть такой минимум политической подготовки, политической грамотности, политической и общей культуры, без которого очень многие лучшие решения осуждены на то, чтобы повиснуть в воздухе.

Одним из вопросов, к которым это особенно применимо, является вопрос о рабочей демократии.

4. Большевизм и рабочая демократия.

Я уже говорил на собрании активных работников, что в вопросе о рабочей демократии большевизм далеко не всегда занимал ту позицию, которую мы занимаем сейчас. Было время, когда большевизм, считаясь с об‘ективной обстановкой в нашей стране, высказывался против широкой выборности внутри партии. Такое время было до революции 1905 года.

Первый наш раскол с меньшевиками шел частью и по этой линии. Меньшевики вели демагогическую линию „демократизма“ и „выборности“ в такой обстановке, когда об этом не могло быть и речи. Я напоминаю вам статью тов. Ленина, озаглавленную „Соловья баснями не кормят“, и поясню, почему я напоминаю именно эту статью. Дело происходило в январе 1905 года в разгар борьбы меньшевиков с большевиками. Меньшевики обвиняли большевиков и в частности тов. Ленина в том, что они против демократизма внутри партии, что они не хотят допускать рабочих управлять партией, что они якобинцы, заговорщики, чрезмерные централисты и т. д. В это время один меньшевик-рабочий, так и подписавшийся „рабочий“, выпустил брошюру „О задачах партии“. К этой брошюре Павел Аксельрод, один из старейших вождей меньшевизма, написал предисловие, тем самым придавая этой брошюре громадное значение. В этой брошюре меньшевик-рабочий говорил о том, что меньшевики нам очень много обещают насчет демократизма, а делать ничего не делают—у них тоже управляет в партии интеллигенция. Тов. Ленин на это ответил статьей „Соловья баснями не кормят“, в которой писал: вот видите, даже ваш рабочий-меньшевик говорит, что фразами вы его не накормите, что если вы за демократизм, то действительно надо переходить к выборности, систематической подотчетности и т. д., а выборность-то сейчас и невозможна. И тов. Ленин от имени большевизма заканчивал эту статью так: „Искра“ (старая) считает, что демократизм, т.-е. всеобщее применение выборного начала в русских конспиративных организациях, несовместим с самодержавным полицейским строем“.

Это была тогда основная мысль большевизма.

В те времена, при существовании царского самодержания, мы не могли итти на выборность. Мы должны были иметь строжайше

законспирированную и централизованную партийную организацию, как доказывал тов. Ленин. Он говорил, что тогда выборность пойдет на пользу жандармам. Рабочих революционеров, способных управлять партийным комитетом, мы сами будем выдвигать и выдвигаем в первую очередь, не говоря об этом громких фраз. А проповедывать последовательный демократизм внутри партии при самодержавном режиме, когда нам нужны максимальная конспирация и максимальный централизм, это значит заниматься демагогией и губить революцию.

Такова была оффициальная точка зрения большевизма. Нелегко было защищать эту позицию. Меньшевики пожинали дешевые лавры, как и сейчас пожинает лавры какой-нибудь „демократ", который расписывает блага демократии, не считаясь со всей обстановкой.

Когда мы ставим вопрос о внутрипартийной демократии, мы должны его ставить конкретно, применительно к данной исторической эпохе. Мы говорим не о демократии „вообще", а о демократии в переживаемую нами эпоху диктатуры пролетариата.

Первого января 1905 года была написана статья тов. Ленина „Соловья баснями не кормят". В январе 1905 года большевизм говорил, что широкая выборность внутри партии невозможна. А какая же демократия внутри партии без выборности? Значит и широкая демократия внутри партии была невозможна. Для нас *высший закон—польза революции,* а не буква, не догмат. Польза революции требует, чтобы наша организация была законспирированной, строжайше централизованной. Когда изменится обстановка, тогда мы и поставим вопрос о демократии внутри партии.

И, действительно, когда пал царизм, тогда мы впервые поставили вопрос о внутрипартийной демократии по-иному.

Весь период 1905—7 г.г. давал пеструю картину соединения легального с нелегальным, а, стало быть, комбинацию начатков внутрипартийного демократизма и внутрипартийной жесткой централизации и конспирации, потому что этого требовала пестрая обстановка.

Начинаются годы контр-революции. Партия попадает в подполье. Элемент легальности уменьшается—до 1911 года, когда появляются „Звезда", а потом „Правда". Элемент легальности почти уничтожается, а элемент конспирации и централизма увеличивается. В период 1907 по 1912 годы мы находимся в подпольи. О внутрипартийном демократизме мало слышно. Комитеты назначаются сверху. Выбираются 2—3 человека, которые получают право кооптации.

Затем приходит война. Партийные организации замирают, часть загнана в подполье, увеличивается еще больше элемент конспирации.

Конечно, после падения царизма в 1917 году мы начинаем партию строить по-новому. Но вот начинается гражданская война, которая требует напряжения последнего мускула и ограничения определенными рамками принципов демократии.

„Польза революции,—говорил Плеханов на II с'езде партии, когда он был большевиком,—вот высший закон". Принципы демократии важны для нас постольку, поскольку это будет полезно пролетарской революции.

Были и есть ли у нас неприглядные стороны организации? Несомненно, есть.

5. Недостатки наших организаций.

Выпускают чрезмерное количество циркуляров, заменяя ими живую работу—даже в такой прекрасной и всеми нами любимой организации, как РКСМ. Назначают сверху, из губкома, чуть ли не всех организаторов коллективов—мы знаем такие губернии. У нас было

правило — назначение организаторов коллективов, сейчас можно и должно изменить это правило: мы иногда должны дать возможность ячейкам даже ошибиться, выбрав организатором такого человека, который окажется негодным, а потом заменить его другим. Конечно, там, где ячейка больна, ее надо исправить.

Кое-что и в нашей питерской организации должно быть исправлено. Так, например, число членов партии у станка у нас непропорционально мало—всего около 8.000 (с кандидатами). Число рабочих у станка и рядовых красноармейцев в новом совете рабочих и красноармейских депутатов недостаточно велико (около 900 рабочих, но от станка лишь 167).

У нас 30.000 новых металлистов в Петрограде. Сказалось ли это в достаточной степени на партийной организации? Нет! А это величайшее событие—30.000 новых металлистов, среди которых значительное ядро старых „потомственных" пролетариев,—должно сказаться на нашей организации притоком свежей крови. Этого еще нет. И это необходимо исправить.

Почему мы не можем поставить дело так, чтобы близлежащий завод в известном смысле „обслуживал" целый ряд учреждений? Мы можем убедить служащих, чтобы они, выбирая 10 человек своих делегатов, выбрали из них пять человек рабочих тех заводов, которые лежат поблизости к этим учреждением. Почему этого нельзя?

Рабочая демократия может и должна теперь быть проведена в жизнь не на словах, а на деле. Нужно только поставить вопрос конкретно.

6. Ограничение рабочей демократии.

Нужно остановиться на тех ограничениях, которые мы сознательно должны ввести в рабочую демократию. Ряд ограничений напрашивается сам собой, и ряд ограничений мы провели. Мы провели чистку партии, которая означала, что наиболее пролетарская часть партии сочла необходимым в интересах революции пересмотреть наименее надежную часть, попутчиков, которые втерлись в наши ряды, не понимая, что такое коммунистическая партия, и исключить их. Чистка партии не вяжется с „чистыми" принципами „развернутой" рабочей демократии в подлинном смысле этого слова. Какая же это демократия, если мы назначаем сверху несколько человек и говорим им: чистите, сколько нужно. И они почистили изрядно: больше сотни тысяч членов были исключены из наших рядов. Иные говорят — не дочистили, другие говорят—перечистили. Товарищи, было то и другое в разных губерниях. В общем, операция произведена хорошо.

У нас однажды было принято постановление, что на с'езд партии, кажется, на X-й с'езд, получил право выбирать делегатов не все члены партии, а с определенным стажем (два года).

Нам могли сказать: ЦК партии перед самым с'ездом, на котором его будут критиковать, переизбирать, подбирает себе делегатов, урезывает избирательные права членов партии. С точки зрения отвлеченной рабочей демократии это издевательство над „демократией". Но нам это нужно было с точки зрения коренных интересов революции, с точки зрения *пользы революции*: дать выбирать только тем, которые являются настоящей партийной гвардией.

И при назначении секретарей губкомов, укомов, председателей губпрофсоветов и т. д. мы вводим партийный стаж. Разве это чистая демократия? При демократии я выбираю того, кого хочу. Нужно это ограничение или нет? Нужно! *Польза революции—вот высший закон.*

Третье ограничение—утверждение секретарей вышестоящей организацией. Это тоже не чистая демократия, и, однако, мы на это идем.

Четвертое ограничение—в Красной армии. Одно время больше ста тысяч членов партии было в Красной армии. Нам нужно, чтобы в Красной армии был дух товарищеской дисциплины, но чистой демократии мы не можем там провести, выборности мы не можем там провести. Политическую работу мы ведем там по линии политотделов, иначе быть не может. А, между тем, работники в Красной армии—это одно время была четвертая или третья часть всей партии. Можно ли в эпоху диктатуры от этого отказаться? Нет! Этот вопрос так стоит: *или* Красная армия, *или* развернутая рабочая демократия. И каждый революционер скажет: к чорту „священные“ принципы „чистой“ демократии, только бы была настоящая Красная армия, которая сможет действительно защищать интересы революции. Вот вам целый ряд ограничений, совершенно неизбежно вытекающих из обстановки диктатуры пролетариата. На них мы сознательно должны итти.

7. Рабочая демократия и фракционные группировки.

Еще одно из ограничений чистой рабочей демократии—это то, что мы запрещаем группировки и фракции внутри партии. Часто говорят: мы требуем свободы дискуссий, а на самом деле хотят сказать: мы требуем свободы фракций. Пишется—свобода дискуссий, читается—свобода фракций, свобода группировок.

Так вот, товарищи, разберем этот вопрос. Свобода фракций, свобода группировок—относится это к принципам рабочей демократии? Да, безусловно, относится. Чистая рабочая демократия требует свободы группировок внутри партии, потому что, если, действительно, „мы все равны“, если у нас „полная“ демократия, конечно, я имею право собирать единомышленников, сплачивать их и т. д. Эта свобода фракций была во время II Интернационала. Мы там имели такую картину, когда внутри почти каждой партии социал-демократов боролись две или три группы: Ленин и Роза Люксембург были только фракцией II Интернационала, левой его частью. Так было в международном масштабе в течение 25-ти лет. В период органического развития II-го Интернационала это было почти-что правилом. А Коминтерн, когда он стал организовываться, то сказал прежде всего: мы хотим теперь иметь не парламент мнений, не почтовый ящик, *а руководящий орган, единую руководящую всемирную компартию,* потому что иначе мы не можем победить буржуазию. А чтобы иметь единую рабочую партию, нужно отказаться от свободы фракционной борьбы. Во II Интернационале мы на Штутгартском конгрессе видели на одной стороне Розу Люксембург и Ленина, а на другой—Бернштейна, Жореса и др. Для III Интернационала это невозможно, потому что сейчас другая эпоха. В виде исключения, иногда происходит борьба групп и в Коммунистическом Интернационале, но только в виде исключения. Мы предпочитаем иногда отрезать очень значительную часть партии, как это было сделано в Норвегии, чтобы получить действительно единую монолитную коммунистическую партию, а не „парламент мнений“. И это не потому, что мы влюбились в централизм, а потому, что нынешняя историческая эпоха требует того, чтобы политическая партия была вылита из единого куска, иначе она не сможет победить буржуазию, иначе она будет обречена на гибель.

Это, товарищи, в международном масштабе. Во всероссийском масштабе это еще яснее. Можем ли мы допустить свободу фракций и групп? Нет. Я в своих тезисах сказал:—свобода фракций внутри той партии, которая управляет государством, это значит—свобода образования параллельных зародышевых правительств.

Это не преувеличение. Наша партия есть душа правительства.

Да что далеко ходить. Ведь жили же мы сами ряд лет в одной партии с меньшевиками, как две фракции.

А теперь? Теперь мы два класса, два мира.

Если мы теперь узаконим, что внутри партии могут быть отдельные группы и фракции, которые по-своему действуют, что это будет означать в зародыше параллельные правительства, ни больше ни меньше.

Она не может на это пойти.

Самое слабое раздвоение власти есть гибель пролетарской диктатуры. Если мы устояли несмотря на все беды, которые валились на нас со всех сторон, то только потому, что партия у нас была монолитной.

Вспомним дискуссию на X с'езде партии, вспомним, как потом тов. Ленин должен был помещать статьи, в которых говорил, что партия больна, что партия лихорадит,—так он выражался, и если рабочие не примут немедленных мер, чтобы понизить эту лихорадочную температуру,—горе будет нам. Мы допустили слишком большую роскошь—устроили всероссийскую дискуссию. Дискуссия была большая и драка была большая. Ведь вы знаете, что у нас если драться, то драться по настоящему.

Но этот урок должен нас чему-нибудь научить, а именно тому, что если бы мы стали теперь заводить что-нибудь подобное, то это было бы раздвоение воли нашего правительства, это было бы гибелью пролетарской диктатуры.

Иногда говорят, что все „беды" партии пошли с десятого с'езда. Как же так? Ведь именно X с'езд и признал свободу дискуссии и обсуждения в партии. Но тот же X с'езд принял *предложение тов. Ленина о запрещении фракций и группировок*. Вот это-то кое-кому и не нравится.

Политика X с'езда партии есть политика тов. Ленина. Вот почему нужно ясно сознавать, что тут есть нападение на основы большевистской политики, на основы ленинизма, на основной итог, который подвел X с'езд. И поэтому нужно строжайшим образом *различать* свободу дискуссий и обсуждений в пределах, позволенных обстановкой, и свободу фракций и группировок.

Это совершенно разное дело.

Пролетарская диктатура в том и заключается, что она есть одно целое, монолитное. Раздвоенная диктатура—это сухая вода, это уже не диктатура, это гибель диктатуры. Вот почему, товарищи, мы так настаиваем на том, что надо различать свободу обсуждений от свободы группировок и фракций.

Конечно, это вовсе не значит, что всякую критику мы должны об'являть „фракционностью". Ничуть. Тогда мы сами толкали бы товарищей на фракционность. Критика нужна, необходима, полезна.

Тех, кто вопит о „партдисциплине" при каждом слове критики, кто выступает, как Держиморда, надо высмеивать и смещать. Но фракций допускать нельзя.

8. О культурном уровне парт. и беспарт. рабочих и еще о рабочей домократии.

Я должен теперь остановиться, товарищи, на вопросе, который вызвал у нас некоторые споры: на культурности беспартийных и партийных рабочих. Но раньше, чем перейти к этому вопросу, я должен пополемизировать с тов. Саркисом, который написал две статьи: одну очень правильную, а другую столь же неправильную...

Правильна вторая и неправильна первая, по вопросу о рабочей демократии. Тов. Саркисов, которого мы знаем и ценим, как одного из лучших работников, который работает в одном из важнейших пролетарских центров, вопрос поставлен неправильно.

В общем, в статье все сводится к тому, что в партийной организации не нужны никакие поправки.

Это, конечно, неправильно, нам поправки нужны. В области рабочей демократии мы во многом отстали. В новой обстановке мы должны перейти к выборности организаций и ячеек снизу, мы должны притти к большой гласности избрания губкомов, райкомов. Нам нужны поправки в партийных организациях и в Питере, и в частности в московско-нарвском районе, хотя этот район наилучший, как наиболее пролетарский.

У тов. Саркиса несомненно чрезмерное довольство собою и своей партией.

Нужно сказать, что не только поправки, но и серьезные перемены *необходимы,* что не все благополучно, что в области рабочей демократии в Петрограде мы отстали, что налет бюрократизма есть у нас повсюду, да и было бы чудом, если бы его не было в обстановке нэпа.

Что касается вопроса о культурности, то я согласен с тов. Саркисом. Я должен несколько остановиться на этом вопросе, потому что в печати и на собраниях этот вопрос вызвал кривотолки.

Я сказал, что политически наши коллективы на местах всегда головою выше, чем беспартийные массы, уже по той причине, что они—частица всей партии, действующей организованно, имеющей программу, тактику, традиции, историю, но в области культурной, бытовой, хозяйственной мы иногда замечаем, что часть наших партийных работников отстает кое в чем от некоторых беспартийных.

Товарищи, тут нужно рассуждать трезво. Вам тов. Саркис привел убедительные цифры московко-нарвского района. Он берет *факты:* „Кр. Путиловец", домпросвет им. Самойловой, дом им. Тимирязева, он дает цифры рабочих-участников, партийных и беспартийных; оказывается, что в этих кружках числится: 133 партийных и 765 беспартийных.

А я приведу другие данные. В высшие учебные заведения в Москве, например, принято 32.004 чел., из них 13 проц. членов РКП, членов РКСМ 15,7 проц., всего 28,7 проц., беспартийных—71,3 проц. В Питере в вузы зачислено 25 проц. членов партии и РКСМ и 75 проц. беспартийных. Вот соотношение. Мне скажут, что это указывает только на количественное соотношение, но это один из таких вопросов, где количество переходит в качество.

Как поднять культурный уровень? Только чтением книжек? Нет. Эту нужную нам культуру мы можем завоевать *только через самодеятельное и активное участие членов нашей партии в общественной жизни—советской, профсоюзной и партийной, т. е. через внутрипартийную демократию.*

Для того, чтобы поднять культурный уровень членов нашей партии в том смысле, как это нам нужно, им нужны и книжки, и курсы, и совпартшкола, и рабфак, и газеты, и пособия и т. д. Но это—полдела, вторые 50 проц. задачи—это более интенсивное участие в профсоюзах, в совете и в партии.

Почему мы отстали? По очень простой причине. Партия выкачала из фабрично-заводских партийных ячеек десятки тысяч лучших сил, которые имелись там. Я читал небольшую статистику о выборах в Петроградский Совет, где на 800 с лишним человек—711 рабочих,

бывших рабочих до 1914 года; они сейчас на организационно-административной работе. Кто эти люди? Это те же, которые были бы в ячейках, а теперь они в государственном аппарате, потому что этого потребовала диктатура пролетариата. Конечно, когда десятки тысяч лучших рабочих выкачаны из ячеек, они политически стали менее зрелыми. Эта наша беда, а не вина.

Другой момент: отсутствие времени. Здесь справедливо указывают, что беспартийный рабочий часто имеет больше времени, чем наш партийный товарищ, часто обремененный свыше сил, и материальная обстановка у него иногда хуже: больше вычетов, больше материальных жертв для партии, профсоюзов и т. д. Он не может часто позволить себе то, что позволяет беспартийный, и времени у него меньше. Вот почему получается то, что кое-где, далеко не везде, мы действительно отстаем. Это надо видеть. Иначе мы были бы повинны в том презренном комчванстве, за которое нас стегал, и справедливо, тов. Ленин.

И мы делаем отсюда два вывода.

Один—тех беспартийных рабочих, которые прошли всевозможные курсы и теперь, на 7-м году революции, приблизились к нам политически, нужно взять в партию....

Это один выход. А другой заключается в следующем: всеми силами помочь партийной организации наверстать потерянное, чтобы рядовой партиец поднялся на большую высоту в смысле знаний.

Известные успехи мы все же сделали. В рабфаках, в коммунистических университетах, в совпартшколах учится значительный слой членов партии, но этого мало, это капля в море. Наляжем, усилим.

9. О хозяйственниках.

Я должен еще остановиться на двух вопросах: о хозяйственниках и о возрастном составе нашей партии.

Что касается хозяйственников, то я должен сказать, что наше направление—ленинцев пытаются поссорить со слоем хозяйственников в нашей партии. Часто представляют дело так, будто мы считаем хозяйственников чуть ли не членами партии второго разряда.

Мне лично на этот счет чрезвычайно не повезло. Пущена специальная легенда, будто бы я на каком-то собрании активных работни- сказал, что хозяйственники—это члены партии второго разряда. Не так давно на одном заседании ЦК один старый товарищ И. Н. Смирнов, который одно время был секретарем нашей петроградской организации, обращается ко мне и говорит: „Нельзя ли вас спросить частным образом, верно ли, что вы сказали это“. Я отвечаю: „Мы с вами знакомы давно, кое в чем мы с вами расходимся, вы можете со мною не соглашаться по тому или другому вопросу, но нельзя же считать меня круглым дураком. Неужели вы могли поверить, что я сказал что-либо подобное“?

Каково же наше действительное отношение к хозяйственникам? Я знаю, как знают это все, что у нас в партии каждый не сам выбирает себе работу. Смешно поэтому придраться к хозяйственникам: их поставила партия, а не сами они пошли на эту работу. Какой уважающий себя коммунист пойдет на хозяйственную работу, если он не будет уверен, что партия стоит за ним, что партия не считает его коммунистом второго разряда? На хозяйственной работе находится добрая часть старых революционеров, превосходных революционеров, превосходных работников, доказавших преданность партии на целом ряде работ. Весь слой хозяйственников мы еще не подобрали, мы подбираем, щупаем, пробуем. Это очень важное, ответственное дело.

Этот кадр хозяйственников выполнить свою задачу сможет лишь в том случае, если будет чувствовать за своей спиной поддержку всей партии.

Нельзя на хозяйственников смотреть, как на членов партии второго разряда. Эта—решающая группа, от ее успеха зависит все, по ее поведению судят беспартийные наших товарищей.

Но, товарищи, есть другая крайность. Среди малой части хозяйственников есть иногда такое настроение: зачем партия меня слишком много контролирует—тут и губком, и его орготдел, тут и коллектив,—тут самая крепкая шея, дескать, не выдержит.

Нечего греха таить: у нас иногда по мелочам дергают хозяйственников. Это недопустимо. Но руководство партии необходимо.

Что мы говорим хозяйственникам и что каждый честный хозяйственник сам понимает,—это то, что хозяйственник в условиях нэпа сам подвергается большой опасности разложения. Тут тов. Преображенский прав. В своей речи, недавно произнесенной в Москве, он сказал, что хозяйственник, поставленный в условия нэпа, вынужден через окопы брататься с врагом. Это верно сказано. Кто вынужден иметь дело с буржуазией, тот, действительно, вынужден, если не брататься, то общаться с буржуазией. Это создает свои опасности.

Каждая профессия имеет свои профессиональные опасности. Партия должна это сказать прямо и определенно и каждый уважающий себя хозяйственник не может отрицать этого,—это непреложный факт. Против этого есть лишь одно средство: партийный контроль, товарищеская спайка и дисциплина. И этого бояться нечего.

Товарищи, я сказал в самом начале, что нужно различать новую экономическую политику и „нэп“ в кавычках. Когда тов. Ленин сказал: „учитесь торговать“, то некоторые из наших товарищей-практиков поняли это так, что нэп есть нечто грязное, нечто от дьявола, неизбежная полоса, через которую нужно пройти. При „нэпе“,—думают они,—коммунистом настоящим не будешь. Приходится легче смотреть на задачи революции и т. д. А когда эта полоса пройдет и наступит новая, тогда де мы опять наденем чистые рубашки и станем настоящими коммунистами. Такое отношение не верно и не соответствует тому, о чем говорил тов. Ленин. Тов. Ленин хотел сказать своим лозунгом: не давай себя обманывать, ты должен вести дело с буржуазией так, чтобы польза была рабочему государству. Нэп—это целая глава в истории рабочей революции, это не полоса, которую мы должны пробежать, зажмурившии глаза, и только потом стать коммунистами. Нет, потрудитесь быть коммунистами именно во время нэпа.

Мы должны сказать, что в партии не может быть обособленности и деления на хозяйственников, профессионалистов, чистых партийцев и т. д. Это разделение нас погубит, если оно у нас упрочится.

Мы должны быть одной партией, где отдельные отряды выполняют свою работу на основе известного разделения труда. Однако, не следует слишком механизировать это разделение труда, чтобы люди не превратились в автоматы и мелкие винтики. Каждый делает свою работу, а партия единым узлом связывает все и распределяет все силы. Ни малейшего оттенка в нашем отношении к хозяйственникам в том смысле, что они являются как бы членами партии второго разряда, быть не может. Но вместе с тем мы должны видеть специальные профессиональные опасности, которые вытекают из обстановки нэпа.

10. Возрастный состав партии.

Теперь относительно возрастного состава нашей партии. Это тоже одна из важных и интересных проблем нашей партии. Как у нас сложилось дело? Партия имеет за собою историю, по крайней мере, 25 лет, и даже, если брать со II с'езда партии, т.-е. с основного раскола партии на меньшевиков и большевиков, то 20 лет.

Вместе с тем эта же партия имеет личный состав, который 0,9 имеет за собою не 25 лет, а только 2—3 года, т.-е. стаж с 1920 года. Такова наша основная масса. Это совершенно своеобразное явление. Другие партии, которые слагались в мирной парламентской демократической обстановке, развивались более постепенно. Там дело происходило так: образовывается партия, она работает год, два, три, пять лет и постепенно накапливает личный состав состав партии. У нас же происходило наоборот: основная масса в партии живым потоком устремилась в нее только после того, как мы скинули царизм и Керенского, и вышло так, что партия, имеющая за собой 20-летнюю историю, имеет чрезвычайно молодой личный состав. Она имеет одну группу, которая пронесла на себе работу все эти 20 лет, которая представляет 20—25-летние традиции, затем—другую группу, которая представляет 5 или 6-летние традиции гражданской войны, и, наконец, она же имеет основную массу, которая представляет традиции еще более молодые. Это создает положение в высшей степени характерное и своеобразное, и с этим тоже нельзя не считаться.

Основная наша группа, представляющая 20—25-летнее развитие партии и являющаяся цементом для партии, имеет за собою громадные заслуги, но она мала, она вымирает, а частью отстает от жизни и не находится на уровне тех задач, которые стоят перед нами. С другой стороны, подымается новый слой, который хочет скорее подойти к более широким вопросам и к более ответственной работе, и который иногда имеет на это полное право, а иногда совершенно к этому не подготовлен. Одна из самых интимных проблем партии заключается в том, чтобы найти необходимую среднюю дорогу, необходимую амальгаму между этим основным слоем, представляющим 25-летнюю историю, и новым слоем, который выковывала партия за время гражданской войны. Необходимо найти известную пропорцию, чтобы весь этот 25-летний опыт не был потерян для партии, чтобы этот гигантский накопленный политический капитал не пропал для нее даром, а с другой стороны, чтобы вместе с тем эта группа стариков не становилась поперек дороги более молодым членам, которые хотят принимать более активное участие в партии, а сумела передавать ей свой политический опыт и вести ее под своим руководством.

11. Общее положение и задачи партии.

Подведем итоги. В рабочем классе дела наши не так плохи, лучше, чем раньше. Доверие рабочих к партии возрастает. Если мы не будем делать больших хозяйственных ошибок, то мы доверие рабочих завоюем.

В общем и целом, мы имеем теперь рост доверия к партии. Те недовольства, которые были вызваны летом хозяйственным положением, оказались эпизодом. Те организации, которые прозевали летнее недовольство и стачки, мы подтянем и усилим.

Наше положение в крестьянстве тоже не так плохо, во всяком случае лучше, чем было раньше. Крестьянские ячейки также немножко самоочистились и находятся в лучшем положении, чем раньше.

Что касается других слоев населения, то мы имеем здесь нечто новое. Мы имеем массовый приток сочувствия идеям Советской власти среди интеллигенции, как низшей, так и высшей, и почти среди всей учащейся молодежи, вышедшей не только из наших рядов, но и из рядов других классов. Это то новое, что характеризует текущий момент, чего не было 2—3 года тому назад.

Но, товарищи, что тут есть известный массовый поворот к нам, это безусловно. Мы должны суметь использовать этот поворот и мы должны видеть в нем две стороны. Здесь есть громадная положительная сторона. Эти люди могут нам поставить школу, профессура поможет поставить высшие учебные заведения, поможет разрешить ту задачу, которую поставил в своем письме к ученым тов. Троцкий: войну решит химия и авиация.

Плюс в том, что мы получили поддержку культурных и полукультурных слоев, которые дадут нам то, чего у нас нет. А минус в том, что наиболее мелкобуржуазная их часть будет нас „обволакивать" своим влиянием, будет проводить в нашу партию свое влияние тысячами каналов, невидимых для невооруженного глаза.

Но, мы на то и марксисты, чтобы эти явления видеть „in statu nascendi", в момент, когда они рождаются, видеть эти явления, когда они только что вылупляются из скорлупы.

Мы говорим: вот новые явления, смотрите, как на экране, вот массовый приток сочувствия из интеллигенции, из учащейся молодежи, из учительства, свидетельствующий о нашей силе, сумейте его использовать для наших целей и задач. Но имейте в виду, что это явление несет с собою и отрицательные стороны. Смотрите в оба.

Я думаю, мы не должны допустить, чтобы начавшаяся дискуссия приняла те формы, которые были перед X с'ездом партии, когда тов. Ленин должен был писать, что партия лихорадит,—нужно понизить ее температуру.

Теперь мы этой „роскоши" себе позволить не можем. Во-первых,—это не нужно. Мы примем зрелые решения по части оживления партийной работы и внутрипартийной демократии единодушно. Мы смело проведем рабочую демократию в жизнь. Все, что можно и должно сделать, мы решим и проведем немедленно. Во-первых, мы не можем этой роскоши позволить себе потому, что международная обстановка остается в высокой степени ответственной, напряженной. Каждая неделя может принести новый сюрприз. Белогвардейские газеты, конечно, подхватывают на лету наши споры.

Международная обстановка чревата для нас сюрпризами. Это мы должны иметь в виду. Затем еще есть причины внутрипартийного характера. Мы тогда—перед X партийным с'ездом—довели дело до серьезного обострения. Но у нас тогда было одно лицо, мнение которого для всей партии было абсолютно решающим. Это был тов. Ленин. Сейчас тов. Ленин все еще настолько хворает, что не может еще принимать участия в наших спорах.

Это налагает на всех нас еще более серьезную ответственность. ЦК нашей партии, состоящему из группы учеников тов. Ленина, приходится принимать ответственнейшие решения.

ЦК может сейчас работать и выполнять ответственные функции, поворачивать руль, куда нужно, поправлять наши беды, маневрировать

на международном фронте лишь в том случае, если он чувствует атмосферу полного доверия со стороны основных решающих слоев нашей партии. Мы можем добиться и добьемся того, чтобы выборность в партии была вполне обеспечена, мы должны сделать ряд исправлений в области профсоюзной и хозяйственной, добиться целого ряда улучшений. Наш партийный центр должен остаться генеральным штабом партии. Только такой штаб и может вести партию в период пролетарской диктатуры. Мы должны 20 раз здесь обдумать и взвесить наше решение и принять его с той максимальной сплоченностью и с тем максимальным единодушием, которое характеризует нашу организацию.

Долой партийный аппарат.

Самым слабым местом Советской власти является стык рабочего класса с крестьянством. Крестьянство идет с рабочим классом до тех пор, пока это ему выгодно—отсюда основная задача партии—идти навстречу экономическим потребностям крестьянства, чтобы сохранить за собой этого союзника.

Все усиливавшееся расхождение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, в течение 8 месяцев, прошедших с 12-го с‘езда, на котором была намечена задача смыкания расходящихся лезвий—накопляло у всех членов партии естественную тревогу и опасения за нашу политику.

Каждый член партии ставил перед собой этот вопрос, а ясного ответа и перспективы не было. Естественно вставал вопрос об ошибках и виновных и, так как за все в конечном счете отвечает партия, то поиски ошибок и виновников перенеслись на партию и прежде всего на внутрипартийную политику.

Наиболее резко поставил вопрос тов. Преображенский.

Он заявил:

„По моему, вот уже два года партия ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике“.

Эта неверная линия, по мнению тов. Преображенского, состоит в том, что: „вместо курса на внутрипартийную демократию был взят курс на хороший аппарат и на хорошего партийного чиновника. Аппарат мы улучшили, это бесспорно, но достигли этого плюса ценой гораздо более об‘емистого минуса“.

Отсюда, по мнению тов. Преображенского, вся наша беда и все болезни.

Что же значит утверждение тов. Преображенского? Когда говорят об отдельных наших недочетах и недостатках—мы ищем причину в тех или иных внешних условиях, в ошибках отдельных руководителей—целых паркомов, наконец, ЦК. У т. Преображенского дело принимает совершенно иной оборот: *партия*—вся партия, по Преображенскому, ведет в основном неправильную политику.

Значит, сверху донизу вся партия в течение двух лет шла по неправильному пути.

Преображенский против XI и XII с‘ездов.

За эти два года происходило два партийных с‘езда, XI и XII, решения коих почти принимались единогласно, в том числе и по вопросам внутрипартийной жизни. За эти два года происходили сотни губернских и тысячи уездных и городских партийных конференций. Вопросы внутрипартийной жизни обсуждала вся партия до последней ячейки. Тысячи раз прожевывались резолюции XI и XII с‘ездов. Ни одна организация ни до этих с‘ездов, ни после них не поднимала вопроса о неправильности линии, и теперь перед XII с‘ездом находится решительный товарищ Преображенский и предлагает поставить над проделанной работой крест, признать свою двухгодичную ошибку и зажить новой жизнью.

Тов. Ленин иногда применял при выдвигании новых поворотных вопросов—метод оглушения, но при этом тов. Ленин всегда исходил

из правильной предпосылки и правильной перспективы. Оглушительное выступление тов. Преображенского может привести лишь к одному—к оглушению самого автора и тех, которые попытались бы за ним пойти.

В самом деле, что значит противоставление курса на хороший аппарат, на хорошего партийного чиновника—курсу на раб. демократию.

Нужно сказать, мы, вообще, легко злоупотребляем словами, потому легко бросаемся такими словами, как „партийный чиновник, и плохо именно то, что хлесткой фразой пытаются прикрыть сущность своих возражений—„хороший партийный аппарат и ставку на хорошего партруководителя". Я пока оставляю совершенно в стороне вопрос о рабочей демократии по существу, о том, как и в какой степени она проводилась в жизнь—я остановлюсь только на этом чудовищно неправильном противоставлении курса на хороший аппарат и хороших руководителей самому принципу рабочей демократии. По тов. Преображенскому получается, что рабочая демократия „и курс на хорошего секретаря" взаимно исключаются и что одно неизбежно заменяется другим.

Чтобы понять всю несостоятельность и вздорность этого утверждения, достаточно проследить, как устанавливался в партии курс на рабочую демократию и курс на хороший аппарат.

X с'езд партии, повернувший от военного коммунизма к НЭП'у, одновременно с курсом на рабочую демократию, наметил чистку партии от примазавшихся элементов. Чистка партии, проведенная, как широчайшая внутрипартийная кампания,—показала не только недостатки отдельных членов, партии - она выявила целый ряд самых больных наших мест и, естественно, что помимо вычистки из рядов партии должна была сделать ряд выводов, чтобы гарантировать себя на будущее от тех зол и бед, которые были нащупаны чисткой.

В резолюции декабрьской 21 года конференции РКП, целиком подтвержденной XI с'ездом, эти недостатки сформулированы следующим образом: „все эти недостатки, подрывающие сплоченность и единство партии, можно подразделить на три основных группы: а) недостатки, зависящие от неправильного построения партийных аппаратов или от неправильных методов работы этих аппаратов; б) недостатки, зависящие от слабости идейного воспитания и товарищеской спайки, вызываемые, главным образом, наличием значительного количества новых членов партии после революционного периода; в) недостатки, стоящие в связи с неоднородностью социального состава партии, которые в условиях новой экономической политики должны быть особенно приняты во внимание.

В виду того, что означенная линия партии в этих вопросах была разработана в решениях как предыдущих конференций, так и X с'езда, конференция считает, что задача текущего момента заключается не столько в изыскании новых мероприятий, сколько в том, чтобы обеспечить проведение в жизнь уже выработанных решений".

А чтобы обеспечить проведение этих решений, то есть в первую очередь рабочей демократии, нужно: а) построить хороший партийный аппарат, б) повысить уровень партзнаний и товарищескую спайку и в) регулировать социальный состав партии.

Так решил XI с'езд, а тов. Преображенский именно в этом вивит грехопадение.

Прошел год от XI к XII с'езду, в течение которого партия на опыте проверила постановления XI с'езда и, проверив их, снова под-

черкнула достаточно решительно и единодушно курс на хороший аппарат и парторганизаторов. Вот соответствующий пункт:

„После чистки партии важнейшим методом организационного укрепления партии была теперь уже широко развернувшаяся система мер улучшения и подбора руководящего кадра работников партии, начиная от секретаря губкома и обкома и кончая секретарем ячейки.

Это выразилось в следующем: в установлении определенного партстажа для секретарей парторганизаций, начиная от ячейки, что дает возможность сосредоточить на партработе политически более воспитанных и выдержанных партийных товарищей; в проведении замены прежних секретарей ячеек, выполнявших преимущественно технические функции, парторганизаторами, способными руководить партработой ячейки и втягивать в эту работу всех членов ячеек, и, что особенно важно,—это стало проводиться под активным руководством парткомов и в подборе этих организаторов ячеек (в первую очередь ячеек в промышленных предприятиях), в установлении инструкторского аппарата от ЦК и до укома и райкома, являющегося, с одной стороны, способом связи и поднятия партработы, а с другой, способом практической подготовки новых кадров партийных работников в выделении под особое наблюдение и оказание усиленной поддержки партийными силами, средствами, литературой, партработой в рабочих центрах (как в промышленных районах, так и на отдельных более крупных фабрично-заводских предприятиях) и ряд других мер.

С‘езд одобряет эти меры и признает необходимым дальнейшее проведение и закрепление развернувшейся в этом направлении работы парторганизаций“.

Не случайность и не ошибка эти повторные решения XI и XII с‘ездов об улучшении партаппарата.

В период военного коммунизма при механическом проведении большинства мероприятий от партийного аппарата, как и всякого другого, требовались, главным образом, нажимистость и быстрота действий.

Совсем другие задачи встали перед партийным аппаратом, когда на первое место всей внутрипартийной работы выступила работа по партвоспитанию, а в отношении всей советской и хозяйственной работы встали задачи планового руководства без мелочного вмешательства и дергания.

Руководство партии, начиная с первичной ячейки, становится более сложным и ответственным, требует большего уменья и опыта.

Совершенно недостаточно, скажем, принять хорошую резолюцию о разгрузке парторганов советскими вопросами и внесения плановости в эту работу. Нужно еще предварительно подготовить советский аппарат к тому, чтобы он мог работать без вмешательства парторганов. Нужно значительное время для установления в работе определенных навыков и традиций. Теперь то на опыте нашей семилетней работы (во всех областях) мы уже могли убедиться в том, как трудно отделаться от старых навыков, как трудно перевести работу на новые рельсы.

А в мирной обстановке, в условиях НЭП‘а положение нашей партии оказалось архи-трудным. Колоссальные противоречия, ряд новых фронтов, работа в сложнейших условиях—все это ставило перед партией задачу прежде всего создать крепкий партийный аппарат, который мог бы справиться с этой работой.

Ставка на старых партийцев.

Как же построить хороший работоспособный партийный аппарат? Для этого, прежде всего нужен дельный партийный секретарь с

должным авторитетом, выдержкой и навыком, хорошие парторганизаторы в ячейках.

XI с'езд и сказал: ставка на секретаря—старого партийца, с дооктябрьским стажем для секретарей губкомов, с минимально 3-хгодичным стажем для секретаря уездного, годичного для секретаря ячейки, с тем, чтобы сокретарь губкома утверждался ЦК. Это формальное ограничение „рабочей-демократии". Но не было в партии решительного человека и сейчас их, кажется, немного, которые предложили бы изменить в основном это постановление. Ибо курс на старого партийца в качестве секретаря паркома и в профсоюзах целиком себя оправдал и не вызывает ни малейших сомнений. Можно ли было провести этот курс без перемещений, без „назначенства", без руководства центрального комитета, на которого возложено ведь не формальное утверждение секретарей, а и ответственность за их работоспособность? Ясно, что вмешательство ЦК требовалось самой сущностью дела. К XI с'езду 27 проц. секретарей губкомов не имело дооктябрьского стажа, а сколько секретарей укомов и предов и секретарей профсоюзов не имело соответствующего стажа? Нужно их было заменять? Должны ли были партийные комитеты и центральный, и губернский заниматься подбором работников для нижестоящих комитетов? Разумеется. А это и значит применение рекомендаций. Много или мало было этих рекомендаций,—по моему, постановка вопроса неправильная. Беда не в том, что много рекомендаций. Вопрос в том, как принимались присланные работники, усилилась или уменшилась спайка в организации? Улучшилась работа или ухудшилась? Много секретарей из числа рекомендованных вышестоящими органами не принимались соответственными партийными конференциями? Я утверждаю и это знает каждый близко стоящий к партийной работе, что неудачных рекомендаций было достаточно мало. Мало потому, что, как общее правило, посылались старые партийцы, авторитетные и выдержанные работники, умевшие подходить к работе в новых условиях и создать соответствующую товарищескую обстановку.

Конечно, бывали рекомендации неудачные, создавались отдельные конфликты, но это исключение.

На практике вопрос о секретарях губкомов и окружкомов, укомов не вызывает сейчас почти никаких затруднений и, пожалуй, большинство секретарей посылается не по инициативе сверху, а по запросам снизу. Можно порекомендовать всем интересующимся пересмотреть заявки на работников, представляемые нижесостоящими парткомами вышестоящим. На каждого секретаря укома, присылаемого сверху, имеется не одна слезница снизу.

Я приведу типичный пример из текущей практики рекомендации секретарей, каких можно было бы привести сколько угодно.

Выписка из протокола Луганского окружкома (ноябрь 23 г.).

1) *Слушали:* заявление т. Мальцева.

Постановили:

„Ввиду крайне плохого состояния здоровья т. Мальцева представить ему 2-хмесячный отпуск.

Частые перебои в состоянии здоровья тов. Мальцева выдвигают вопрос о подборе нового секретаря.

Просить донецгубком поставить этот вопрос и дать соответствующего секретаря для луганской организации".

Получив такое постановление, губком пишет в ЦК.: „Тов. Мальцев, секретарь Луганска, болен. Бюро Луганского окркома просит его заменить ввиду этого другим работником. Губком не имеет кандидатов.

Просим ЦККПУ такого работника дать в самом срочном порядке. Все значение луганской организации понятно“.

Теперь ЦК должен сообразить, кого же предложить в Луганск секретарем. Вопрос не шуточный. Организация со старыми традициями. Туда нужен работник основательный, а иначе вылетит в трубу через месяц за милую душу. Вероятно, через несколько дней или недель будет постановление ЦК: рекомендовать такого то секретаря луганского укома,—т. Преображенский ниже с ним запишут в соответствующую графу „назначенный“, подсчитают итог и завопят: беда, система назначений губит партию, ее дееспособность и тому подобное.

Мы на это отвечаем: не с того конца подошли. Не тот секретарь плох, который рекомендован сверху и принят низовой организацией, а тот, который не умеет работать; не тот „чиновник“, который „назначен“, а тот, которого хоть двадцать раз выбирай, все равно останется чиновником.

Почему же, может спросить т. Преображенский, такая организация, как луганская, имеющая 2,000 пролетариев коммунистов, не может из своей среды выдвинуть кандидатов в секретари?

При большом желании, тов. Преображенский может обвинить луганчан *) (одну из лучших наших пролетарских организаций) в том, что системой „назначений“ и пр. у них выбита „способность к самостоятельности“, „утрата веры в свои силы“, может быть даже своеобразного заговора невыдвигания новых работников (говорит же он о заговоре молчания). На деле же вопрос гораздо проще и в то же время серьезней. Это показатель определенных и при том лучших традиций, установившихся, благодаря столь охаянному Преображенским курсу на хорошего секретаря.

Хороший аппарат против местничества и склок.

Это, с одной стороны, показатель того, какие высокие требования местные организации пред‘являют к кандидатам в секретари, а с другой, признак изживания местничества.

Местничество, превращавшееся в батьковщину (атаманщина), долгое время раз‘едало многие организации. Всякого свежего человека группа местных атаманов встречала, как врага и конкуррента, которого нужно выжить вне зависимости от того, хороший он работник или плохой. Сплошь и рядом под этой формой местной демократии (а атаманщина была злейшим врагом централизма) скрывалась бездарность, неумение работать, помпадурство, разгул, злоупотребление. И в этих случаях неоднократно приходилось расшивать ряд организаций, не особенно придерживаясь методов рабочей демократии. Было это нужно? Бесспорно. Но и в тех местах, где местничество базировалось не на почве спетости по части злоупотреблений и т. п. делишек, а на почве старой дружбы, знакомства и т. п., нового человека часто встречали очень настороженно.

Этот период партия, благодаря курсу на хороший аппарат и авторитетность секретаря и парторганизатора, изжила. Хорошо это или плохо? Безусловно хорошо. Это внесло новую струю во всю организацию, заставило подтянуться в работе, не разгильдяйствовать (дескать, ребята свои, прикроют).

---

*) К сведению всех: Луганск все время с X с‘езда имел только выборных секретарей—все проходили через партконференции, и если сейчас будет рекомендован новый, то он тоже приедет к очередной партконференции. А выдвинул Луганск ряд крупнейших работников союзного, украинского и губернского масштаба.

А то, что организация ищет лучшего секретаря, чем те товарищи, которые могут быть видвинуты на места? Это плохо? По опыту известно и не только вам, „верхам", но и всем, по терминологии Преображенского, „морально исключенным", что верхушка организации (уезд, губерния) работает хорошо, если в самой верхушке нет конкуррентных настроений, а эти настроения тем меньше, чем авторитетнее секретарь. Если секретарь не может об'единить на работе верхушку (актив), если он мало авторитетен—всегда есть один или несколько кандидатов на его место, и начинается всякое подсиживание и склока. Склока же всем смертельно надоела и потому то и имеет место приглашение „варягов".

И ничего плохого в этом нет. Говорят, что новый секретарь обычно тянет за собой хвост „своих" работников. Я утверждаю, что это в гораздо большей степени имеет место при назначениях по советской и хозяйственной линиям в отношении всяких третьестепенных работников и притом часто беспартийных, чем по партийной, и в последнем случае, как правило, только тогда, когда секретарь посылается для того, чтобы оздоровить атмосферу, и тогда не секретарь тянет за собой „своих", а вышестоящий комитет посылает группу новых работников.

При обычных, нормальных, передвижениях о подборе своих людей, следующих „хвостом", говорить не приходится. Как известно всем и каждому, роспуск губкомов и укомов за последние годы был редчайшим исключением. (На Украине таких случаев не было). Перемещения редко затрагивают больше 2-х—3-х членов парткомов. Лишь в самом незначительном количестве случаев рекомендация секретаря губкома и укома не согласована с соответствующим комитетом.

Предвестники и последователи Преображенского.

Что касается вопроса об ответственности этих рекомендованных секретарей прежде всего перед вышестоящими органами—то это совершенно не соответствует действительности. Лишь в единичных случаях партийные конференции выдвигают новых секретарей, если присланный не показал себя на работе. Конечно, если последовательно продолжать курс т. Преображенского, как это сделал т. Комаровский в „Коммунисте", то пришлось бы признать, что руководящие парторганы должны целомудренно молчать, когда речь идет о выборах партийных центров. Комаровский требует, чтобы на партконференциях кандидаты в уком предлагались, но в присутствии старшего товарища из губкома или ЦК, на ячейках, очевидно нужно прятать куда-нибудь за кулисы членов райкомов и т. д., чтобы обеспечить „свободу" выборов.

Это замечательное требование напоминает мне не менее замечательную платформу, с которой пытался выступить в 21 г. один член енакиевской организации (Донбасс) Кошелев. Он тоже был недоволен, как и тов. Преображенский, курсом на старого партийца и хороший аппарат и потому предлагал созвать партийный с'езд (а на местах конференции), с тем, чтобы присутствовать могли только низовые работники и притом вступившие в партию не позже не то 18, не то 19 г.г. Все зло, по Кошелеву, исходило именно от старых коммунистов, которых надо свергнуть. Кошелев тогда покаялся и состоит в партии до сих пор, а сейчас робким его учеником выступает т. Комаровский и др.

Я думаю, что учеником махновского учения Кошелева себя признать никто не хочет и никто не хочет лишать старых и автори-

тетных членов партии прав, потому что, оберегая себя от „наклеивания ярлыков“, критикам необходим более осторожный подход к вопросу. Были ошибки и перегибы. Конечно, мы были бы казенными оптимистами, если бы мы говорили—в системе подбора работников не было никаких ошибок, никакого перегиба. Ошибки были, местами перегибали палку, проводя подбор работников методами, которые совершенно не вытекают из директив XI и XII с‘ездов.

По неумению, как следует работать, иногда применялись слишком механические методы в подборе работников. Особенно это могло быть чувствительным в отношении ячеек, когда райкомы, окружкомы проявляли явное недоверие ячейкам, путем всяческого давления проводили в секретари и бюро товарищей, которые в данный момент авторитетом не пользовались, хотя может быть и были хорошими работниками. Но обобщать эти недочеты, видеть только их и по ним судить о системе было бы неправильно. Понимать демократию в том смысле, что вышестоящие парторганы и их руководители не должны принимать активного участия в выдвижении работников—это значит лишить прав ответственных партработников, ибо каждое его выступление в защиту тех или иных лиц может быть об‘яснено, как давление.

Логически это приводит к Кошелевской махновщине в партии, к тому, что старые и ответственные работники не должны пользоваться своим влиянием на массы, т. е., иначе говоря, совершеннейшая чепуха.

Конечно, в нашей партии не мало молодняка, особенно такого, который перешел к нам из других партий, начиная с 17 г., которому очень не по душе ставка на старую партийную гвардию. Это ни в какой мере не должно нас смущать. В нашей партии достаточно широкое поле деятельности для всех, в том числе и для самых одаренных и талантливых молодых большевиков. И масса, привыкшая верить партии не только с 17 г., масса, поклоняющаяся старым ленинским традициям, не откажется от курса на старую партийную гвардию.

XII с‘езд подчеркнул особенную важность того, что подбор работников проводится под руководством парткомов, и это совершенно правильно.

Плох тот партком, который полагал бы, что система рабочей демократии заключается в том, чтобы отказаться от руководства работой ячеек и в частности подбора партийных организаторов.

Нужно только, чтобы этот подбор проводился умело, с сохранением начал демократии. Практика показала, что ячейки охотно принимают работников со стороны, если они действительно являются дельными и если это нужно.

Главная ошибка тов. Преображенского заключается в том, что он противоставляет курс на хороший аппарат—курсу на рабочую демократию в то время, как первое лишь подкрепляет второе. Можно утверждать без всякого преувеличения, что развернутый курс рабочей демократии без курса на хороший аппарат превратил бы в несколько лет нашу единую, монолитную, сильную и спаянную организацию в некоторое подобие старых с.-дековских и молодых коммунистических (французская и норвежская до недавнего времени) партий Европы, являющихся федерациями отдельных течений и группировок.

Этого ли хочет тов. Преображенский?

Задним умом крепок.

На XII с‘езде тов. В. Косиор требовал отмены исключительного закона против фракций. Преображенский был на XII с‘езде много

скромнее—он лишь предостерегал от превращения в систему „рекомендации“ секретарей губкома, признавая за ЦК право на „переброски на усиление организаций“ и даже на раскассирование тех, кои теряют работоспособность.

Но ведь, если поверить т. Преображенскому, то гибельный для партии курс взят за год до XII с‘езда. Выходит, что т. Преображенский по старо-русскому обычаю крепок задним умом. И ведь, досаднее всего, что до XII с‘езда находились прозорливые люди, которые в несколько более резких и законченных (логически) формулировках говорили то, что говорит сейчас тов. Преображенский.

Если оставить в стороне В. Косиора и Лутовинова, выступивших (с совещательнымн голосами) на XII с‘езде с решительной критикой внутрипартийной политики, то не мешает т. Преображенскому и всем членам партии напомнить пресловутую анонимную платформу. Не знаю, читал ли тов. Преображенский эту платформу в последнее время,—а имеются там пункты любопытные; например: п. 8 борьба за демократию. „1) Такая борьба является непременной обязанностью всякого сознательного и преданного делу революции члена партии. Она должна вестись, путем всестороннего, формально допускаемого руководящей группой индивидуального права члена партии на критику и дискуссию. Необходимо добиться отмены постановлений, запрещающих внутрипартийные группировки и прекращения гонения на товарищей, выступающих коллективно по партийным и советским вопросам.

Необходпмо прочно внедрить в сознание партии: 1) что без критики и дискуссии нет партийной демократии; 2) что без права коллективных выступлений нет и не может быть критики и дискуссий, как это уже показывает опыт периода между X и XI с‘ездом, а также самого XI с‘езда; 3) что „поддержание единства партии“ путем механического давления означает на деле диктатуру определенной группы и образование в партии (поскольку она не может превратиться в коммунистическую казарму) ряда нелегальных группировок, т. е. глубочайший подрыв внутреннего единства, моральное разложение и идейное омертвение.

2) В целях создания общих предпосылок оздоровления партии, обеспечения в ней гегемонии передовых пролетарско-коммунистических элементов, ослабления мелко-буржуазных влияний и действительного приспособления ее к новой экономической и социальной обстановке, необходимо добиться проведении в жизнь следующих положений: а) переход от установившихся форм дисциплины к обычным формам революционной дисциплины, обеспечивающим самодеятельность членов партии (свобода выборов занятий членам партии, свобода передвижений с места на место, прекращение перебросок и мобилизаций, ликвидация контрольных комиссий и т. д.)“.

Неправда-ли, поучительно? Свобода дискуссии, оказывается, заключается вовсе не в том, что каждый член партии по особому вопросу порядка дня ячейки, общ. собраний, конференций и т. д. может свободно высказать свое мнение. Дело, видите, еще в том, что вне права „коллективных“ выступлений нет свободной критики. Опять таки московским сторонникам групповых выступлений есть у кого научиться.

Ну, а затем дальше „свобода“ уже развивается самотеком и рядом со „свободой выборов“ стоит и свобода занятий членов партии и свобода передвижений с места на место, а так как этим свободам мешают переброски и мобилизации, то долой и то, и другое, да заодно и контрольные комиссии.

Тов. Преображенский может сослаться на свою речь на XII с'езде в доказательство того, что его нельзя заподозрить в сочувствии всем указанным свободам. Охотно верю, но дело то в том, что развязывание по этому пути проявляет далеко заходящую „самодеятельность". Анонимная платформа для развязывания свобод предлагает ликвидировать контрольные комиссии, а т. Лидак в „Коммунисте" предлагает пока что обкарнать права ЦКК в пользу мест, так как ЦКК, по его мнению, защищает ответственных работников. А лозунг—„свобода от переброcок и мобилизаций"—может быть не менее популярным, чем лозунг свободы дискуссий.

У нас много недочетов, есть ошибки и перегибы, но когда тов. Преображенский, становясь в воинственную позу, кричит:

„Во всем виноват партийный чиновник, ату его"—он идет по линии наименьшего сопротивления и ведет массы по ложному пути.

Аппарат партийный все еще недостаточно хорош, его все еще нужно улучшать—вытравляя из него бюрократизм и механические методы работы. Но аппарат не противоречит рабочей демократии. Развернутая система рабочей демократии требует еще лучше подобранный партийный аппарат. Освежение нужно, но не в порядке перетряхивания. Правда, недавние „перетряхиватели", ставшие совершенно неожиданно ярыми демократами, не прочь поговорить о „перетряхивании" партийного аппарата.

Это сделают в порядке обычном очередные партийные конференции. Нужно предостеречь только против огульной травли „аппаратчиков". Впрочем, здоровое партийное чутье не допустит демократического перетряхиванья.

Э. Квиринг.

„Коммунист", 13 декабря, № 284.

Доклад т. Каменева на собрании бюро ячеек и активных работников московской организации.

Товарищи, я постараюсь быть как можно более кратким, чтобы дать возможность товарищам с мест высказаться, тем паче, что это собрание происходит уже после обсуждения этого вопроса в целом ряде ячеек и на широких собраниях в районах. И мне не хотелось бы повторяться, так как большинство аргументов товарищи слышали уже на местах. Я поэтому буду говорить только о самых важных пунктах, а также и о том, что выяснилось во время той дискуссии, которая идет сейчас по всем районам. И вот, товарищи, если серьезно отнестись к тем возражениям, сомнениям и указаниям, которые мы все слышали с вами на районных собраниях, не мало будет прямо сказать, что в результате и в итоге этого обсуждения поставлен кардинальный вопрос, который заключается вот в чем: да, рабочая демократия провозглашена ЦК; да, основные гарантии проведения рабочей демократии в самой резолюции ЦК есть. Но заслуживает ли доверия данный ЦК? Можно ли верить, что это есть со стороны ЦК действительно твердо установленная политика и можно ли верить тому, что данный ЦК эту политику проведет? Я формулирую для себя все сомнения и возражения, которые нам приходилось с вами слышать со стороны тех, кто выступает, как оппозиция против ЦК, ставлю для себя вопрос таким образом и думаю, что он должен быть поставлен таким образом и всей московской организацией. Одно из двух: или эти резолюции могут быть доверены в деле их проведения ЦК или мы имеем перед собою бумагу, о проведении которой партия, естественно, должна заботиться, ибо она исходит из ЦК, который раньше до этого не додумался, который сделал это только под давлением, имеем бумагу, относительно которой нет уверенности, что ЦК ее содержание действительно проведет. Вот кардинальный вопрос, стоящий перед вашим собранием, на который должен быть дан ясный и недвусмысленный ответ. Нельзя делать того поворота, который мы вместе с вами хотим проделать, если у нас не будет взаимного доверия. Поэтому я думаю, что мы должны от имени ЦК рассказать, как ЦК пришел к этой мысли, к тем положениям. которые сформулированы в его резолюции. Вот под каким влиянием это сделано: имеют ли какое бы то ни было основание неоднократно высказывавшиеся на собраниях предположения, что это сделано под влиянием внутрипартийной оппозиции, что существует какой-то данный документ, которым вся эта вольность была предписана, но что ЦК этому не внял и т. д. Прежде всего я вижу для себя необходимость оградить всю эту постановку вопроса от всевозможных непроверенных слухов и сплетен, создавшихся вокруг него. На одном районном собрании мне прямо пришлось заявить по поводу письменного заявления одного из товарищей, что подобные заявления представляют собою отражение в нашей среде той сплетни, которая стала уже политическим оружием против нашей партии в руках наших врагов. Ведь нет никакого сомнения ни для кого из нас, а для нас, старых большевиков, прошедших суровую школу, совершенно ясна истина, что в тот момент, когда буржуазия лишена печати и возможности открытого нападения на нас,—в этот момент мелко-буржуазная сплетня, проса-

чивающаяся в наши ряды, мало-по-малу нас разлагающая, ни перед чем не останавливающаяся, чтобы подрывать авторитет наших центральных учреждений, является политическим орудием против нас. Мы сейчас стоим перед опасностью, что мало выдержанные, недостаточно устойчивые круги нашей партии на эту сплетню могут быть очень падки. Давайте откинем в сторону эту сплетню, непроверенные слухи и факты, которые не могут быть проверены по документам, и не станем примешивать их к нашей деловой дискуссии. Обратимся к тому, что каждым из нас может быть проверено. Как было поставлено прохождение этого вопроса в ЦК? Первое и основное событие, которое заставило ЦК обратить внимание на болезненные явления, обнаружившиеся внутри нашей партии, заключалось в явлениях, происходивших вне нашей партии, но в среде рабочего класса. Мы имели с вами в июле и августе месяце явления, чрезвычайно тревожные, внутри рабочего класса, которые не могли быть оставлены без внимания со стороны центральных учреждений. Мы пережили полосу забастовок в Харькове и Сормове. Прямые причины, побудительные причины, вызвавшие эти забастовки,—во многом в отдельных случаях были различны. Мы, как партийный аппарат, как государственный аппарат, отчасти виноваты были в этом. Но это был только повод. Общие же условия, вызвавшие это движение, заставили нас обратить внимание на самое положение внутри нашей партии. Можно,--спрашивали мы себя,--представить положение, когда партийная организация оказывается не в состоянии заранее учесть приближающуюся волну рабочего недовольства; что она, как выразился представитель одной ячейки в Зам. районе тов. Архангельский, директор Цинделя, на котором в августе месяце тоже происходило движение, была для ячейки совершенной неожиданностью, и который заявил: „Мы не предполагали движения". Ячейка растерялась, когда оно началось; она не ориентировалась. Можно ли это отнести только за счет ячейки или это служило симптомом болезненных явлений, обнаружившихся внутри нашей организации? Мы были бы слепцами и близорукими людьми, если бы сказали: то, что произошло в Москве, Харькове, Сормове и в других местах, есть случайные эпизоды, которые не заслуживают нашего внимания и не должны приковывать его к внутреннему строению и внутренней жизни нашей партии. В то же время внутри нашей партии обнаружились явления, тоже симптоматичные и которые могли приковать все наше внимание. Это было появление контр-революционной группы „рабочая группа", которая несла в себе опасность и симптоматичность которой заключалась не в том, что появилась контр-революционная организация, а в том, что одна из этих организаций—рабочая группа имеет связи в рабочем классе, что появляющиеся в связи с этим слухи, правда, в очень низкой и неустойчивой, но все-таки в некоторой части нашей собственной партии, начинают функционировать. Это два основных явления, не зависящих от того, как проходят дела в ЦК, какие там есть разногласия и что об этом можно сказать, совершенно независимо от этого ставили перед нами вопрос: в партии есть болезнь, которую надо лечить, и при дальнейшем анализе и углублении этого вопроса мы должны были констатировать, что в области жизни рабочего класса есть целый ряд явлений, к которым партия приспособляется слишком медленно и на которые партия не обратила достаточного внимания. Во-первых, 2 года тому назад тов. Ленин указал на то, что у нас происходит деклассирование пролетариата, разложение пролетариата. Теперь мы с несомненностью ощущаем в воздухе, а иногда можем это подвердить и статистическими данными, что

этот процесс деклассирования пролетариата, который являлся основным процессом внутренней жизни нашей партии в 19—20 и 21 гг., что он теперь прекратился, и что мы имеем сейчас обратный процесс, - процесс консолидации, улучшения, возвращения потомственного почетного пролетария в город, оживления внутренней жизни рабочего класса, улучшения его материального положения. И на этой базе, на базе консолидации рабочего класса, на базе сравнительного улучшения материального положения, мы имеем оживление внутренней, идейной, культурной и политической жизни рабочего класса, рост его потребностей, рост культурного уровня и возросшие политические требования его к нам, к коммунистам. И теперь перед партией стоит задача не опоздать в том, чтобы перестроить свою внутреннюю жизнь, чтобы приспособиться к этим новым задачам в связи с возросшим уровнем и возросшей консолидацией рабочего класса. Если бы ЦК и все партийные организации в ответ на эти факты закрыли глаза или сказали бы, что все обстоит благополучно, то явно они были бы величайшими преступниками, они выявляли бы линию оффициального казенного благополучия, которое могло бы завести партию в трясину На деле этого не случилось, и при строении нашей партии, при наших традициях случиться этого не могло. Эти факты совершенно об'ективно ложатся в основу того движения, которое началось в ЦК, и смысл которого заключается в том, чтобы оживить и поднять на необходимый уровень политическую жизнь внутри самой нашей партии. К этому прибавляется еще одно обстоятельство, которое сказывается все резче и на которое мы должны уже сейчас обратить большее внимание, чем мы обращали до сих пор, и с которым нам придется сталкиваться и в дальнейшем. Мы находимся с вами в обстановке нэпа. Я не собираюсь на этом собрании говорить об экономической политике, но я знаю, что против новой экономической политики и против общественно-хозяйственной политики ЦК ведется также решительная атака, и я уверен, что через некоторое время на подобном же собрании нам придется разобрать, кто прав—ЦК, проводящий известную хозяйственную линию, или те нападки, которые высказываются в районах. Сейчас я хочу только остановиться на вопросе чисто партийном, на вопросе о влиянии нэпа на нашу собственную среду, на то, можем ли мы похвалиться, что в нашей партии сохранились и сохраняются та боевая спайка, та психологическая и политическая однородность, которыми характеризовалась наша партия еще несколько лет тому назад во время гражданской войны. Если не закрывать глаз, если не пытаться представить дело так, что все обстоит благополучно, если допустить, что нам небходимо критически рассматривать собственный опыт, то мы должны будем притти к следующему выводу конечно, нет. Уже по одному тому, что партия наша состоит из 3-х частей: из пролетариата, крестьянства и из служащих—интеллигенции, и нельзя себе представить, чтобы эти три отдельных группы не поддавались соответственному влиянию соответственных слоев, стоящих за пределами нашей партии.

Поэтому пролетарское крыло нашей партии, постоянно находящееся под давлением фабрично-заводских масс, имеет другое психологическое настроение, чем, скажем, интеллигентское крыло партии или крыло партии, которое состоит из служащих, которое находится в другой атмосфере, и чем крестьянское крыло партии, которое находится также в своеобразной обстановке. Не говоря уже об этом, мы ясно видим, что на два крыла нашей партии различно действует этот самый нэп, прежде всего, на первое крыло, на то крыло, которое мы с вами послали очень глубоко во враждебный нам

лагерь—в нэп. Мы их послали с вами и мы их должны всячески там поддерживать, но мы не можем закрывать глаз на то, что мы их послали на такую позицию, когда они не могут вырваться из совершенно отличной от нашей партийной обстановки атмосферы. Когда мы берем рабочего, интеллигента-коммуниста и делаем его директором банка или председателем торговой биржи или ответственным приказчиком, или ставим его во главе синдиката, то мы должны отдать себе отчет в том, что мы посылаем товарища на очннь опасное место, потому что мы его шлем не драться с буржуазией лицом к лицу, а заключать с ней договоры, подписывать соглашения, торговать и т. д. Повторяю, мы были бы слепцами, если бы забыли здесь марксизм и забыли то, что отряд, выдвинутый нами на эту позицию, больше, чем другой отряд, больше, чем рабочие у станка—коммунисты, подвергается перерождению и влиянию нэпа. И мы были бы преступниками по отношению к этим товарищам, если бы мы не приняли мер к нейтрализации этого влияния.

Обратимся теперь к другой стороне—возьмите тех т.т. рабочих, или даже, может быть, безработных, коммунистов, которых мы ставим в такое положение, что мы требуем от них, чтобы они, как коммунисты, поняли, осмыслили и увязали у себя в голове нашу конечную цель коммунизма, нашу недавнюю кровавую борьбу с белогвардейцами, с теми внешними безобразиями, противоречащими самым принципам коммунизма и социализма, которые они—безработные или городской пролетариат—встречают на каждом шагу, когда ходят по улицам, видят витрины и видят весь этот жиреющий нэп. Какую долю выдержанности, опытности, теоретического понимания требуем мы от этих т.т., чтобы они не поддались синдикалистско-анархистским и махаевским настроениям. Мы должны отдать себе отчет в том, что в той мере, в какой существует нэп, в той обстановке, в которой обостряются отношения между отдельными рабочими и безработными и этой нэпмановской буржуазией, синдикалистско-анархистско-махаевские настроения почти на рубеже нашей партии и отчасти даже внутри нашей партии неизбежно будут расти. И если „рабочая группа“, „мясниковщина“ нашла себе некоторое внимательное ухо со стороны хотя очень узких элементов нашей партии, то это внимание к мясниковским контр-революционным речам об‘ясняется теми противоречиями, которые мы уничтожить не могли, которые остаются и которые будут плодить на этом крыле нашей партии всегда некоторые сомнения, некоторые колебания, некоторую внимательность к тем настроениям, которые действуют в мясниковской среде. Что есть мясниковщина? Противопоставление рабочего класса и нашего государства. Что есть меньшевизм? Противопоставление рабочего класса и нашего государства. Понять, что наше государство, со всем тем плохим, что в нем есть, с недостаточной выплатой заработной платы,—есть все-таки рабочее государство, это требует от рабочего высокого уровня политической выдержанности... на которую мы не все с вами можем рассчитывать. Вот две опасности, которые идут с разных сторон: со стороны нэповского перерождения и со стороны махаевских и синдикалистских настроений. Как нам с ними справиться, как сделать так, чтобы повышенные запросы нашей партии получили надлежащий ответ, как сделать, чтобы не только какая-нибудь стачка, вроде цинделевской или прохоровской не прошла мимо, а была уловлена нами; как помочь хозяйственнику с одной стороны и растерявшемуся пролетарию—с другой, как внутри партии найти противоядие против этих разлагающих влияний, как найти ответ на занимающие пролетария вопросы, которые будут его трепать тем больше, чем больше будет разворачиваться противоречивая

система непа? Этот ответ—в рабочей демократии, в повышении общего тона идейной жизни нашей партии, в том, чтобы каждая ячейка превратилась в лабораторию партийной мысли, где каждый член нашей ячейки и каждый доверяющий нашей ячейке беспартийный рабочий мог бы найти ответ на волнующие его вопросы в результате свободного обсуждения; ответ в том, чтобы решения ячейки не были продиктованы сверху, а были бы результатом самостоятельного обдумывания этих коренных вопросов. Это повышение уровня политической жизни и в ячейке, и в выше стоящих органах, обсуждение всех вопросов, стоящих перед партией, там, где нет к этому непреодолимых препятствий, в настоящий момент для нас является также гарантией против разложений, идущих с разных сторон и наступающих на нашу партию, как и другие меры, меры жесточайшей дисциплины высшего военного типа были гарантией в момент ожесточенной борьбы нашей партии против разлагающих влияний другого типа.

Другое условие рабочей демократии, диктуемое общей обстановкой, без которого свободное обсуждение не гарантировано, это переход к системе выборности должностных лиц нашей партии.

Вы знаете, товарищи, что этот вопрос об обсуждении всех вопросов и привлечении к ним всех членов партии, вопрос о выборности снизу до верху всего партийного аппарата, он, как проблема, как задача, не является для нас новым. Партия не сейчас придумала эту систему. Мы давным-давно знали, что демократический централизм заключается не в том, что партия выбиралась снизу, а в том, чтобы должностные лица и учреждения неуклонно проводили директивы партии. Это мы записали несколько десятков лет тому назад; однако, нам этот демократический централизм приходилось применять в различных условиях по различному, и если бы мы теперь опоздали с переходом на широкое применение этого начала, мы совершили бы значительную ошибку. Но можно ли сказать, что действительно ЦК во-время этого не заметил? Как пришла эта рабочая демократия? Уже сентябрьский пленум ЦК, созванный специально в связи с волнениями и в связи с созданием рабочей групы, о которой я говорил, этот сентябрьский пленум, заслушав доклад тов. Дзержинского, который в своем докладе указал на то, что мертвенность партии, мертвенность внутренней ее жизни, господство назначенства вместо выборности—становятся политической опасностью и парализуют нашу партию в деле политического руководства рабочим классом. Вот, на основании анализа того движения, которое было и вне партии, и в партии в июле и августе, в докладе тов. Дзержинского на сентябрьском пленуме, последний создал для рассмотрения внутрипартийного положения широкую комиссию, которой он поручил рассмотреть здесь этот вопрос в целом. Собранный затем октябрьский пленум принял резолюцию, цитируемую в резолюции ЦК, которая говорит: „Пленумы ЦК и ЦКК одобряют полностью своевременно намеченный политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное политбюро усиление борьбы с „излишествами“ и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии“.

Так как, т.т., мне приходилось об октябрьском пленуме слышать в районных собраниях целый ряд разнородных заявлений, то я здесь должен сказать, что эта резолюция, цитированная здесь нами (она была напечатана поздно, надо было бы ее, как резолюцию октябрьского пленума, напечатать раньше; это, действительно, недостатрк нашего аппарата), эта резолюция есть единственная резолюция октябрьского пленума, говорящая о демократии. Октябрьский пленум занимался и другими вопросами, к демократии отношения не имеющими; он

занимался очень больными вопросами, однако, не в плоскости демократии. О демократии октябрьский пленум ЦК и ЦКК имели суждение в этой связи. Вот резолюция, которую он вынес: „Пленумы поручают политбюро сделать все необходимое для ускорения работ комиссий, назначенных политбюро и сентябрьским пленумом: 1) комиссии о ножницах, 2) о заработной плате и 3) о внутрипартийном положении.

Политбюро должно по разработке необходимых мер по этим вопросам начать немедленно проводить их в жизнь и сделать об этом доклад на следующем пленуме ЦК".

Таким образом октябрьский пленум дал политбюро поручение— выработать эту резолюцию; мы ее выработали, больше того: мы добились того, что эта резолюция, в которой сегодня даны все составные элементы внутрипартийной рабочей демократии, которых я здесь повторять не стану, и где указано, в чем эта рабочая демократия состоит, как она должна проводится в жизнь,—эта резолюция принята единогласно политбюро и президиумом ЦКК.

Этим партией дана гарантия того, что тот поворот, который мы делаем, может быть, и я добавлю, *должен* быть проделан действительно единодушно и с наименьшим ущербом для партии.

Каждый поворот, товарищи, труден. Мы с вами проделывали целый ряд поворотов—одни были труднее, доставались партии больнее, другие были легче. Мы знаем, что когда мы поворачивали в вопросе о профсоюзах, то этот поворот совершили во взаимной борьбе, чрезвычайно острой, когда партия вся была втянута в дискуссию этой платформы. А когда совершали более коренной, принципиальный поворот—к нэпу то мы его сделали без внутренней дискуссии, без внутренней борьбы, без фракционных группировок. На этой почве, на почве нэпа мы поворот сделали единодушно и поэтому гладко, с наименьшим ущербом.

Вопрос теперь в чем? Да, мы все за рабочую демократию. Нигде я не слышал ни одной деловой поправки по поводу этой резолюции ЦК. Никто не скажет, что рабочая демократия извращена в этой резолюции, что надо добавить такой-то пункт; практических предложений о проведении действительно рабочей демократии мы не видим. Но существует опасность, что этот поворот, может быть, нам дастся тоже очень болезненно. Мы наверху в ЦК сделали максимум того, что нужно, чтобы обеспечить ЦК легкое развитие этого поворота, мы этого достигли единогласным принятием резолюции в ЦК. Какая же может быть опасность при ее проведении? Опасность в том, что мы, поворачивая на новый путь и беря этот новый курс в целом ряде пунктов, можем перехлестнуть так, что колеса партийной машины на этом повороте партийной телеги могут завертеться в воздухе... Вы цену нашего ЦК знаете. Вы знаете, что с этим мы утрачиваем единство нашей партии. Мы становимся перед опасностью, которая угрожает на этом повороте. Это то, что если мы не имеем точных группировок, то что думаем мы о свободе обсуждений, которую мы провозглашаем. На всех районных собраниях приходится встречаться с одним вопросом: а что, эта рабочая демократия включает или исключает свободу обсуждения и группировок? Рабочая демократия, и как всякая демократия, включает в себе свободу идейных группировок. Если мы думаем о демократии, ее полной, развернутой форме, нельзя исключать право группировок. Однако, мы решительно утверждаем, что та рабочая демократия которая сейчас резолюцией ЦК сформулировала не допускает свободы группировок, не говоря уже о свободе фракций. И тут нам нужно договориться, если есть товарищи, которые полагают, что эти ограничения невозможны, которые, как т. Преображенский (кстати, он здесь),

утверждают: мы без этой свободы группировок рабочей демократии понимать не можем. Почему мы против группировок? Потому, что мы должны партию целиком оставить в том основном положении, в котором она находилась. Мы против группировок потому, что мы с вами не представляем собой одной коммунистической партии, потому что мы с вами, как коммунистическая партия, находимся в особом положении. Если даже коммунистические партии Франции или Германии имеют свободу группировок, то это только результат, скрывающий наследство организационного метода соц.-демократии. Не то наша партия, которая отличается от всех прочих коммунистических партий тем, что те партии только идут к власти, а мы управляем страной— тут не нужно иметь никаких иллюзий. Тут 400 тысяч коммунистов разного состава, разных поколений и из разных партий—вот эти-то 400 тыс. человек управляют страной, и можем ли мы допустить свободу группировок среди этих 400 тыс. человек? Мы говорим—нет. Эта свобода группировок ведет к расчленению государственной власти, и только безответственные люди, только те, которые не понимают соотношения нашей партии и государственной власти, могут играть этим и об этом говорить.

X с'езд нашей партии в момент чрезвычайно тяжелый поставил этот вопрос, и мы должны потребовать от товарищей, которые говорят: резолюции ЦК недостаточно, или резолюция ЦК может быть истолкована иначе,—мы должны спросить: что вы предложите делать с резолюцией X с'езда? (См. резолюцию X с'езда). Это для единства партии, как же вы будете толковать иначе, одно дано в резолюции X с'езда. Те результаты X с'езда (читает).... Это пишет тов. Ленин и резолюция написана его рукой и принята без всяких изменений. (Читает)..... А что такое фракции? Тов. Ленин не оставил этот вопрос без ответа. (Читает).... Тов. Ленин понимал, что могут вызвать группировки и фракции. Есть известный переход. Что фракция есть организационно-замкнутая своя группа, фракция—допустимо, но он указывал совершенно точно, что группировки, которые стремятся до известной степени и только стремятся создать—нужно выяснить вполне основательно, насколько это серьезно и насколько это допустимо. Это нужно раз'яснить, как говорит резолюция X с'езда (читает). Когда мы на одном собрании говорили, что это резолюция X с'езда, которая написана 2 года тому назад, то нам кто-то возразил, что резолюция устарела, ее нужно отменить, так как она написача 2 года назад. Эта резолюция дает такую формулировку, что устареть не может. Мы сейчас существуем окруженные мелкой буржуазией, существуем в тисках на $^3/_4$ против существующего управления и советского аппарата, окружены со всех сторон тисками неп'а. До тех пор, покуда остается эта об'ективная обстановка, остаются в полной силе те слова, которые я прочел. Тов. Ленин не остановился на этом, он пошел дальше (читает). Не на практике идеи, тут речь не в обсуждении группировок. Это точно, если та черта организации не была бы правильна, наша политика, идея организации обсуждения, которая провозглашена в основе рабочей демократии, этот вопрос был большинством завоеван. Но это было в пределах партии, в тех пределах той рабочей демократии, на которой мы остановились, но если это не идет в рабочую организацию, но идет по другому признаку (читает). Я говорю, если член партии в чем-либо сомневается — иди в свою организацию, обсуждай там, подбирай себе большинство, но делай это в пределах партии, но если он идет к другим людям или к товарищам, у которых может быть совершенно другая партия, то он делает преступление. Итак, мы знаем, есть много товарищей,

которые именно и занимаются созданием группировок, как мы знаем, перед IX с'ездом выступила группа товарищей и предложила свои реформы. Перед X с'ездом также выступила и то же явление— с такими же реформами. Перед XI—то же самое, и когда после того XIII с'ездам или за 6 месяцев до него эти товарищи организовывают группировку и просят дать свободу группировок. Мы знаем вашу политическую линию, знаем, что вы об'единились не на текущих разногласиях сегодняшнего дня. Мы допускаем разногласия у нас по поводу того или иного декрета, по поводу того или иного постановления. Товарищи собрались и обсудили. Это одно. Вот на очереди у нас стоит денежная реформа, вопрос существенный для всей Советской власти и для партии. И тут, может-быть, группа товарищей, которые скажут: мы не согласны с тем, чтобы так проводить эту реформу. Но это случайное разногласие, которое подлежит обсуждению партии. Но если эти товарищи, об'единенные на той же платформе в продолжение тех же годов, приходят и говорят, что они вообще не согласны с нами, если они составляют какую-то группировку, об'единенную внутри себя, то позвольте, таким образом, мы не младенцы в области политики, позвольте нам этому не поверить. И мы говорим: вы идете по опасному пути, вы идете по тому пути, который с'езд запретил. Мы это говорим потому, что хорошо знаем, как складываются фракции, как они идут к своей цели. Мы сами выросли, как фракция, мы 20 лет были фракцией в Р. С.-Д. Р. П., и мы вполне сознательно были фракцией, так как мы, идя таким путем, хотели завоевать власть и мы этого добились. Мы откололись от меньшевиков и взяли всю партию в целом. Чтобы решить стоящий перед нами вопрос, надо прямо сказать, к чему ведет фракция и что даст такая группировка. Мы различно понимаем строение партии с теми товарищами, которые стоят на точке зрения свободы группировок. Есть два вида партийных группировок: скажем, меньшевистская партия, в которой мы прожили очень долго в соседстве и хорошо ее изучили, и наша фракция—большевиков. Какая разница состоит в том, что у нас была централизованная, об'единенная до конца на своей идейной базе организация ударного фланга революционеров. Что было у них: у них была коалиция различных группировок и т. д. Вот что такое меньшевистская организация и вот почему она потерпела поражение во внутрипартийной борьбе. Мы стояли как единая организация, они —как коалиция различных оттенков и группировок. Недаром т. Ленин назвал меньшевиков героями оговорочки. Когда перед вами такая организация, в которой одна часть стоит против другой, то, конечно, каждой части этой группировки приходится оговариваться насчет другой группировки. Я боюсь, как бы т. Преображенскому не пришлось оговариваться насчет т. Сапронова, а т. Сапронову насчет т. Осинского. Т.т., я вас спрашиваю, что нам нужно: нужна ли нам крепко спаянная боевая организация со внутреннней демократией, которая есть в партии, или мы идем к тому, чтобы превратить нашу партию в коалицию групп, группочек, оттенков и т. д. Но, т.т., этой роскоши мы себе позволить не можем. И мы думаем, что партия прогнала бы к следующему с'езду поганой метлой тот центральный комитет, который привел бы партию к такому состоянию. Такое перерождение партии означало бы полное поражение ее на фронте действительной гос. власти. Это, т.т., первая опасность, которая угрожает нам на повороте. Надо стремиться к тому, чтобы этот поворот был единодушным и мы при этом меньше потеряли бы. Но если кто-нибудь использует этот поворот в тех целях, чтобы вливать в наши представления, то, чем жила меньшевистская партия, то позвольте, т.т., тут будет

поставлена точка. Этого мы не позволим сделать, как не позволим сделать и кое-что другое, что тоже на районных собраниях проявлялось и что приходилось ощущать. На всех этих собраниях был поставлен вопрос об аппарате. Действительно, как не воспользоваться прекрасным случаем, когда партия говорит: да, действительно были ошибки, были назначенцы, были некоторые глупости. Как в этот момент не притти т.т., которые 3 года случатся в эту дверь и сказать: „ну, тогда долой этот аппарат". Если поставить задачу использовать этот поворот для травли одной части партии против другой,—это значит перехлестнуть и сломать шею. Что такое наш партийный аппарат? По справкам, которые я собрал в Центр. Комитете, видно, что в партийном аппарате работает 20.000 т.т. Я не знаю, много ли это или нет. Но знаю, что в наших наркоматах работает гораздо большее количество аппаратчиков. Но если на 400.000 членов партии 20.000 отвлечено на то, что мы называем партийной аппаратской работой, то это вызывается необходимостью. Спрашивается, как нам обращаться с этим аппаратом, нужен он на что-нибудь, или это есть специальный подбор людей в партии, которых нужно выгнать? Я утверждаю, что аппарат этот нужно обновить, аппаратские ошибки исправить всем совместно, но если ставить такой лозунг — долой партийный аппарат, то смотрите, чтобы этим не сломать весь аппарат управления, смотрите, чтобы при этом не надломился самый костяк партии, при помощи которого партия до сих пор работала так, как она должна была работать. Можно ли без этого аппарата выполнить те государственные задачи, которые лежат на партии? Вы забыли, что мы с вами на три четверти выполняем государственную работу. Или вы поверите тем, которые говорят: пусть партия занимается своими делами, а государство—государственными делами. Есть такие, которые так говорят. Но во всяком случае, если таким образом направить внимание, это значит пойти по ложному политическому пути. В нашей аграрной стране, при нашем количестве пролетариата, при нэпе, при нашем советском аппарате, который не заслужил другого названия, какое мы имеем в статьях Ленина, не следует забывать, как т. Ленин чистил этот аппарат,—не следует забывать, что на нас с вами, на коммунистах, как партии, лежит это громаднейшее дело чисто-государственной работы. Нужен ли нам партийный аппарат, можем ли мы так швыряться?

Можно ли относительно этого аппарата произносить такие слова, которые мы слышали на собраниях, и которые мне напомнили другой лозунг, который старые большевики, которые участвовали в борьбе с ликвидаторами, прекрасно помнят. Этот лозунг: „Снимай с постов аппаратчиков" говорили мы, большевики, против меньшевиков, потому что мы хотели уничтожить эту партию. Если у нас при таком повороте, при новом курсе, при неизбежной необходимости обновить аппарат, это обновление, эти перевыборы пойдут под лозунгом: „Снимай с постов аппаратчиков",—это будет глубочайшая политическая ошибка, недопустимая для тех, кто это говорит. Она допустима только для тех, кто не чувствует ответственности ни за судьбы нашей партии, ни за судьбы дальнейшего участия партии в государственном управлении. Здесь надо поставить прежде всего и твердо помнить, что мощный центральный аппарат нам нужен, а в таком случае давайте подумаем о тех, кто неправильно ставит вопрос об аппарате—пускай они говорят правду, пускай говорят на-чистоту. Аппарат, который у нас есть, плох, он совершает ошибки, как и все наши члены партии. А разве те члены партии, которых она ставит на ответственные посты, хозяйственники, которых мы послали на эту работу,

те, кого мы поставили на кооперативную и на другую работу, разве они не ошибаются? Они тоже ошибаются. Но наши ошибки, которые ближе к нам, которые на самой партийной плоти сказываются, конечно чувствительнее для нас. Но мы должны помнить, что этот партийный аппарат, в общем и целом, проводил ту политику, которая диктовалась ему ЦК, губернским комитетом и т. д. Но делайте же так, чтобы пресечь дорогу тем, кому не нравилась политика ЦК, и кто поэтому проводил лозунг против аппарата. Говорите прямо: „мне не нравится политика ЦК, я хочу ее изменить, а для измененной политики хочу и измененного аппарата". Аппарат есть орудие, есть инструмент, и если вы хотите умолчать о том, что этот инструмент проводил свою политику, и весть подкоп под общую политику под лозунгом: „Снимай с постов старых аппаратчиков"—этого партия делать не позволит. Она будет систематически обновлять свой аппарат, лечит свои болезни. Поэтому она говорит: „На всех перевыборах обновляйте систематически партийный аппарат и ставьте на места товарищей и людей, которые действительно способны провести рабочую демократию". Это говорит ЦК, и это партия будет проводить, но она не позволит этот поворот провести под лозунгом оплевания партийного аппарата и травли одной части партии на другую часть и на этот партийный аппарат. Вот опасности, которые я подметил на многих районных собраниях, на которых я бывал. Кончая, я хочу спросить и себя, и вас: вот перед нами резолюция, перед нами трудный исторический поворот, не столь, конечно, существенный в общеполитической обстановке, как был существен поворот на нэп, но в нашей внутрипартийной жизни поворот важный и знаменательный. Мы дали гарантии, что этот поворот пройдет с наименьшим ущербом для партии, и я себе на вопрос: „Что делать во исполнение постановления ЦК?"—отвечаю совершенно ясно. „Оживить сверху донизу партийную жизнь; перенести на обсуждение широких низов партии все вопросы политического и экономического характера, определяющие нашу политику; обновить и систематически обновлять при перевыборах наш аппарат, выбирая на ответственные посты товарищей, которые смогут провести рабочую демократию; отказаться от практики назначенства, чтобы провести резолюцию ЦК",—вот что нам надо делать. А чего не надо делать: „не создавать при этом повороте группировок фракционных или не-фракционных; не натравливать одну часть на другую; не обращать партийный поворот в прикрытую борьбу за власть в партии" Если мы сделаем то, что действительно вытекает из постановления ЦК, и вместе с тем охраним партию на этом повороте от безответственной критики, от стремления натравить одну часть партии на другую, от стремления превратить старую боевую большевистскую организацию в организацию различных оттенков и мнений, тогда мы выполним свою задачу. Если же мы окажемся слабы, чтобы дать отпор тем, кто пытается сейчас использовать этот партийный поворот, чтобы добиться свободы фракционности и группировок, чтобы поднять одну часть партии против другой, если мы в этом отношении окажемся недостаточно твердыми, мы явимся преступниками перед всем партийным мнением и будущим партийным с'ездом. Я глубоко уверен, что московская организация этой ошибки не сделает, что она все взвесит, всю критику внимательно обсудит в своих ячейках и в конце концов сделает этот поворот дружно, осторожно, сохраняя старую большевистскую дисциплину и старую большевистскую идеологию, и не позволит никому помешать ей в этом повороте.

„Правда", 13 декабря, № 283.

Заключительное слово тов. Каменева.

— Я поставил в своем докладе существеннейший и важнейший вопрос сегодняшнего момента партийной жизни. Я думаю, что вы должны принять сегодня решение, что это решение будет законным не только для московской организации, но что оно определит и общее мнение партии в провинции. Поэтому я прошу вас сбросить то нервное настроение, которое есть сейчас, и приступить к итогам сегодняшнего дискуссионного собрания. Товарищи, все то, что здесь сказано, не совсем так, как этого требовал или хотел Зиновьев. Здесь говорилось о монополии. Это неверно. Неверно потому, что никакой монополии против дискуссии не было. Сколько времени уже идет дискуссия в Москве, и ни одного факта, когда эти пресловутые аппараты какой-либо партийной ячейке мешали эту дискуссию вести, и нет такой силы, которая теперь, при существующем решении ЦК, могла бы помешать кому-либо обсуждать какой-либо вопрос. Если не положительно говорить об этом вопросе, то это значит нечего и говорить. Мы должны притти к какому-нибудь заключению, чтобы наша дискуссия не была похожа на анекдот. Вопрос идет не о том, удовлетворяет ли ЦК тех или других товарищей, вопрос идет о тезисах, вопрос идет о том, что если руководители этого ЦК приведут при повороте, к которому они призывают, к расколу, то это будет очень скверно. И второй вопрос: включает ли та демократия, к которой мы призываем, свободу группировок,—вот сознательно-основной вопрос, на который нужно ответить, а не та монополия, о которой говорил тов. Сапронов. Сапронов указывал на то, зачем Каменев цитирует так много Ленина, в то же время, как сам Сапронов четверть своего доклада посвятил на то, чтобы прочесть статью тов. Троцкого. Тов. Преображенский сказал: „Товарищ Каменев и другие товарищи вместе с ним борются за монополию комментирования Ленина. Нет, т.т., за комментарии к Ленину мы не боремся. Может быть, какая-нибудь монополия тут и существует, это есть монополия, которую партия дала выполнить группе лиц, и эту монополию мы должны выполнить и не выпустить ее из рук до тех пор, пока существует партия, иначе это будет плохо, это будет преступление, и тогда нужно будет выдвинуть других людей, других руководителей ЦК. Это монополия, которую мы обязаны защищать, иначе вы бы нас считали только старыми бабами, а не руководителями ЦК. Вот вопрос, на который московская организация должна получить ответ, это — представляет ли из себя ЦК групповую фракцию, о чем говорят шепотком в московской организации. Вопрос о том, что на этом собрании мобилизовали аппаратчиков, это вздор. Если в своем докладе тов. Зиновьев сказал, что мы, члены ЦК, стараемся вопросов о разногласиях не подымать,—это значит, что их у нас нет. Нельзя сказать, что большинство ЦК превратилось во фракцию, в группу. По мнению Преображенского, мы на 99 проц. превратились во фракцию. Мы этого не замечали, помимо своей воли, этого я не знал, но тов. Преображенский тоже не решался сказать до конца. Товарищ Преображенский, если вы считаете, что у нас не Центральный Комитет, а фракционная группировка, не говорите, что мы люди, которые делают это против своей воли. Говорите, что большинство членов политбюро образовало фракцию и руководит не от имени ЦК, а от имени своей фракции. Тогда мы разберем это обвинение. Имеете ли вы, т.т., во главе своей партии Центральный Комитет, выбранный с‘ездом и сложившийся не случайно, ибо выборы на с‘езде не производятся случайным большинством голосов? ЦК и его личный состав, который имеет партия, скла-

дывался десятками лет, путем отбора одного за другим. Сколько людей мы привлекали? Не были ли членами ЦК т.т. *Преображенский, Смирнов И., Сапронов?* Я утверждаю: нет ни одного выдающегося члена нашей партии, который мало-мальски выдвигался вперед, начиная с т. Сапронова и продолжая т.т. Преображенским, Смирновым, Осинским, Шляпниковым и т. д., которых бы партия не пробовала и не выбирала членами Центрального Комитета. Не говорите же, что это случайная группировка по личной дружбе собравшихся вместе и узурпирующих власть. Это то, что партия выдвинула путем длительного подбора, путем подбора тех, которых она считала нужным выдвинуть с низов, и не говорите, что она фракционная. Что значит фракционная? Тов. Преображенский указал, что мы слышали о какой-то тройке. (Преображенский: „Тов. Сталин говорил!“). Я не знаю, что сказал тов. Сталин, я знаю, что вы сказали здесь. Я хотел бы спросить т. Преображенского, знает ли он хотя бы один политический документ, хотя бы одно постановление, одно распоряжение, которое исходило бы от тройки? Знает ли он какой-нибудь документ, где бы политика ЦК не проводилась от имени ЦК? Значит ли это, что в ЦК нет никаких разногласий? Отнюдь нет. Нас выбирали не потому, что мы во всем согласны друг с другом. Мы спорим в ЦК, у нас бывает большинство и меньшинство, как и во всякой ячейке. Фракция была бы тогда, если бы какие-нибудь решения проводились за спиной ЦК; если бы члены ЦК, несогласные с линией, проводимой ЦК, лишены были возможности обсудить совместно принятое решение. Пока это есть, и вы отрицать этого не можете, вы не имеете права говорить, что Центральный Комитет является фракционным центром. Но когда, с одной стороны, И. Смирнов рассказывает, как было вынесено решение на с‘езде секретарей, а с другой стороны, т. Преображенский говорит о том, что Центральный Комитет превращается во фракционную группировку, мы должны спросить вас: вы верите им или ЦК, ибо иначе ЦК работать не может. И вы этот ответ должны будете дать, несмотря на то, что т.т. Преображенский и Сапронов рассказывают о том, что в общем и целом линия ЦК правильна. Центральная партийная организация должна иметь ясный и точный ответ. Ибо если этого нет и если хотя бы одна десятая партии поверила в то, что Центральный Комитет руководит партией как держиморда, этот Центральный Комитет ничего не стоит. Если вы сами не поставите так вопроса, то мы потребуем созыва экстренного с‘езда.

Теперь о партийном аппарате. Надо взять политический вопрос. Что нам рассказывать то, что здесь рассказывали об аппаратчиках. Конечно, всем известно, какой я партийный аппаратчик и какой аппаратчик тов. Калинин. Тов. Сапронов сказал, что партаппарат превратился в аппарат фракционный. Вы говорили об узкой фракционности. Так вы и говорите, а не то, что аппарат гнилой, что его можно как-то сравнивать с аппаратом германской социал-демократии. Что за ерунда и что вы этим хотите сказать: у нас аппарат и там аппарат. Там аппарат мешает развитию революции, следовательно, что следует? Решительно ничего не следует. Ясно одно, что германские с.-д. имеют аппарат, достойный ее. Вопрос, имеем ли мы аппарат, который служит нашей партии? Мы говорим, что этот аппарат нужно освежить, что нужно сделать перевыборы, что в нашем аппарате есть ошибки. Спрашивается, за что нападают на этот аппарат? Что он плох? Мало гибок? Что зажимает рот рабочим? Тогда тащите за ушко на солнышко того человека, который не дает рабочим говорить, запрещает дискуссии, заменяет руководство держимордовскими приемами. Вы сказали больше: вы сказали, что партаппарат превратился во фракционный, что это

значит то, что вам на 9/10 не нравится политика ЦК. Эта политика ЦК не будет нравиться вам и тогда, когда Центральный Комитет будет состоять из Сапронова, Преображенского и т. д. и будет проводить через центральный аппарат те решения, которые вам почему-либо не нравятся. Что говорить о фракционности? Разве мы не разрушили меньшевистскую партию? Разве мы не разрушили работу с.-д. в Германии? Но мы знаем политическую подоплеку наших действий. Там мы разрушали аппарат враждебной нам фракции, так как там проводилась вредная для нас политика. А если вы говорите о фракционном аппарате здесь, вы тем самым косвенно говорите, что вам не нравится политика этого аппарата, потому что этот аппарат не в ваших руках, что он проводит политику, против которой вы поднимаете бучу. Так вы и говорите, а не скрывайте настоящего дела. Разговора нет, что аппарат нужен, что его надо обновить, но его не нужно разваливать. Если тов. Смирнов не говорил о том, что его нужно разбивать, то тов. Стуков разве этого не говорил? Я прочитал стенограмму и проверил, точно ли имеется это там. Да, имеется. Т. Стуков сказал: „Аппарат состоит из людского материала, из людей, которые органически не могут провести новый курс. Это тип людей, который вырос, сложился за эти годы, который исторически подготовлен“...

Но позвольте, товарищи. Если сложился тип партийного аппаратчика, если этот человек неспособен провести нового курса, если ответственный аппаратчик, член ЦК, говорит, что этот кадр лиц сделал свое дело и должен теперь уйти, то какой же ответственный политик, который отвечает за свои слова, не сделает вывода, что этот аппарат надо скорее сломать, что он грузом лежит на нас, что он отстал и является препятствием к развитию революционных действий рабочего класса. Так вот, прежде чем говорить об обновлении аппарата, посчитайтесь со Стуковым и другими лицами, которые видят свою очередную задачу в том, чтобы этот аппарат разбить, а мы говорим: осторожнее. Аппарат обновлять надо и все возможности в ваших руках. Перевыборы в ваших руках. Единственная гарантия рабочего класса, что партия выбирает и никто мешать этим выборам не может, но осторожнее с партийным аппаратом, потому что это инструмент, который ковался годами, в котором очень много недостатков, но на смену которому вы ничего еще не подготовили. На вопросе о фракционности я останавливаться не буду, так как здесь об этом говорилось достаточно. Мне одно только не ясно: если Преображенский говорит и действительно хочет итти с неизменной резолюцией X с‘езда, запрещающей фракционные группировки, то ведь я его не раз спрашивал, почему, что изменилось в нашей обстановке, что дало бы нам право так далеко отойти от демократии, чтобы допустить фракционные группировки. Разве у нас не остался нэп? Разве облегчилось международное положение? Разве мы хоть на минуту можем подумать о том, чтобы ослабить обручи, которыми сковывают нашу партию не в партию только, а в военную колонну. Когда вы нам докажете, что группировки более не опасны, что не опасно влияние нэпа, что в международном положении мы завоевали такое место, которое дает нам силу и устойчивость, когда скажете, что положение демократии у нас изменилось и положение нашего аппарата настолько окрепло, что группировки партии не скажутся на этом аппарате, тогда мы скажем: „да, уже настало время для свободы дискуссий“. Но пока этого нам не докажут, мы говорим: „дискуссируйте, обсуждайте, ходите из ячейки в ячейку, но не создавайте фракций, которые ведут к подрыву единства партии и единства Советской власти“.

Наконец, остановлюсь на том, что сказал здесь Радек. Он гово-

рил о расколе и произнес здесь горячую речь против раскола. Я не знаю, откуда взял он эти слова о расколе? Если он хотел повторить то, что говорил Ленин, когда предупреждал нас: „опасайтесь и бойтесь раскола, принимайте меры к тому, чтобы его не было“, то тогда надо было просто достать статью Ленина и прочесть эти строки. Почему Радек об этом заговорил: если есть факты, свидетельствующие о расколе, то он обязан был о них сказать. Ведь говорить таким образом, это значит ронять сомнения и тревогу. Нельзя спокойно относиться к словам, когда ответственный член ЦК приходит и говорит о расколе. Раскола в партии нет, нет его признаков и не будет. Радек говорил: обе стороны—какие обе стороны? обе спорящие стороны,—но он забыл, что мы не сторона. Мы не имеем такого положения, когда ЦК является одной стороной, а какая-нибудь другая фракционная группировка является другой стороной. В партии есть ЦК, который не считает себя стороной, он руководит, проводит политику, выслушивает критику, за которую он вполне ответствен. Если у нас не будет такого мужественного органа, который будет брать на себя ответственность в такие роковые моменты, как германская революция, то вы не будете иметь и партии. Двух сторон нет, есть одно целое—ЦК, критику деятельности которого мы оцениваем по существу и говорим: если критика правильна, мы из нее многое возьмем. Это не значит, что все, что идет не из нашего лагеря, должно быть нами отвергнуто, но все, что мы слышим, должно быть критически оценено, так как в минуты всех исторических поворотов эти товарищи предлагали нам такие вещи, которые вовлекли бы нашу партийную колесницу в трясину, и недаром Ленин, выступая по оценке ошибок ЦК, говорил: „Да, ЦК в этом виноват, да, он этого не предусмотрел, да, надо его полечить“,—но всегда прибавлял: „Не лечите ошибок ЦК теми снадобьями, которые приготовляются в аптеке Сапронова, Преображенского, Осинского и других“. Сапронов по этому кардинальному вопросу демонстрировал свое единство с Троцким. Я вполне его понимаю. Как же было ему не попытаться опереться здесь в этой критике на Троцкого. По-человечески можно его понять. Хорошо звучит: „А я согласен с Троцким“. Вы цитировали эту статью и говорили, что вы с ней согласны. Что Сапронов согласен взять формулировку Троцкого, чтобы бить ЦК, в этом я не сомневаюсь, а вот согласен ли Троцкий с Сапроновым, этого я не знаю. Радек выразил сожаление и сказал: „Я жалею, что Троцкий в этой статье употребил сравнение „верхушки нашей партии“ с перерождением Бернштейна и т. д., учеников Маркса. Радек если не вполне, то по крайней мере на $^{9}/_{10}$ подтверждает линию Сапронова, у меня по крайней мере создалось такое впечатление, и однако, и он нашел нужным сказать, что он жалеет, что напрасно Троцкий употребил такое сравнение. Я в данном случае вместе с Радеком сожалею, что Троцки употребил такую формулировку, которая позволила Сапронову за нее взяться и направить ее против ЦК. Это доказывает, что с такими формулировками надо быть осторожнее. Вот записка, поданная мне и написанная рабочей рукой: „Ведь снимать аппаратчиков призывает Троцкий. Как тут разобраться“? Очевидно, эта формулировка у автора этой записки вызывает такой сложный вопрос. Я говорю не о статье Троцкого, а об использовании его формулировок.

Какие выводы я делаю для себя? Видимо, статья Троцкого нуждается в дополнении и раз'яснении, чтобы в низах у рабочих не возникало таких сомнений, что тов. Троцкий призывает снимать аппаратчиков. Следовательно, мы должны этот поворот совершить и видеть те опасности, которые нам угрожают. Эти опасности я формулировал

в своем докладе определенным образом. Если этот поворот используют таким образом, что создадутся группировки и фракции, то какое спасение? Спасение в строгом сохранении и проведении в жизнь резолюции X с'езда о недопущении таких группировок. Вторая опасность заключается в том, что если этот поворот произойдет под лозунгом „снимай“, „гони“, „ату его“, то в этом есть опасность, что здоровая необходимость может зайти слишком далеко и может захлестнуть и отразиться на самом существе нашего аппарата. Можем ли мы этих опасностей избежать? Об этом будет свидетельствовать ваше отношение к таким речам, как речь Сапронова и др. Если вы скажете, что мы, московская организация, берем эту резолюцию, выработанную ЦК, и обязуемся провести ее в жизнь под руководством ЦК, однако охраняя нашу партию от всякой фракционности и не допуская никакого натравливания одной части партии против другой, тогда мы этот поворот сделаем легко. Если же мы на этом повороте распустим вожжи, то через месяц после поворота у нас будут фракции и будут части, натравленные друг против друга. ЦК, провозгласив лозунг рабочей демократии, должен, прежде всего, охранять партию от внутреннего раскола. Московскую организацию теперь принято хвалить. Мы читаем в газетах и слышим от т. Преображенского, что московская организация является живой организацией, хотя и в ней есть некоторый бюрократизм. Я боюсь, что эти товарищи хвалили московскую организацию потому, что по ее первым шагам они надеялись, что эта московская организация поддержит эту группу. Я бы хотел, чтобы они хвалили эту московскую организацию, когда она целиком поддержит ЦК и отвергнет эту группу.

Содоклад тов. Сапронова.

— Товарищи, мы сегодня прослушали доклад тов. Каменева представителя ЦК, который вместо того, чтобы обсуждать поставленный вопрос о „внутрипартийной демократии“, всю свою речь посвятил защите партаппарата, утверждая, что нападки на партийный аппарат это нападки на старую гвардию, а, следовательно, и на ЦК. Отсюда ясно — дело идет о свержении ЦК, о государственном перевороте, контр-революции.

В действительности, дело обстоит далеко не так. Пора бы тов. Каменеву, после того как политбюро и президиум ЦКК приняли резолюцию о демократии, перестать пугать партию несуществующими призраками, хотя, может быть, некоторым аппаратчикам во сне и снящимися; партия этих призраков раскола и государственного переворота не видит. Она впервые, после трехлетней спячки, вздумала пошевелить мозгами, и тут же наши аппаратчики, которые создали или, по крайней мере, покровительствовали этой долговременной спячке партии, от одного только шевеления мозгами пришли в ужас и им начали чудиться всякие перевороты. В выступлениях против аппарата они видят выступление против партии, против диктатуры пролетариата. И вот начинаются длиннейшие раз'яснения что нельзя партии управлять без аппарата, нельзя государством управлять без аппарата и т. д.

Одним из моих товарищей по работе в губернском совете был тов. Полидоров, который доказывал, что придет момент, когда не только не надо будет никаких комитетов и советов, что не нужно будет даже живых людей: для статистики у нас будут машинные статистики, которые будут подводить итоги распределения рабочей силы, производства и т. д. Это его фантазия, и, конечно, сейчас никто

тов. Каменеву не предлагает полидоровской фантазией заменить аппарат. Не об этом идет речь, речь идет о том, что есть аппарат и „аппарат“. Речь идет не о разрушении аппарата, а об оздоровлении аппарата. После долгого хозяйственного застоя мы говорим о том, чтобы починить машины, поставить в них новые части и т. д.; почему же партии после 3-летнего застоя не подумать о том, чтобы перестроить отдельные части своего аппарата. Тов. Каменев полагает, что только при помощи этого аппарата может держаться диктатура пролетариата, может жить партия и т. д. Он все время упирает на то, что резолюция принята в политбюро единогласно. Но члены политбюро расходятся в проведении этих тезисов и в оценке самого аппарата. Сегодня в помещенном письме тов. Троцкого вот как оценивается этот вопрос. Он говорит: „Некоторые консервативно настроенные т.т., склонные переоценивать роль аппарата и не дооценивать самодеятельность партии, критически отзываются о резолюции политбюро“. Эта цитата целиком относится к тов. Каменеву, это ясно для всех, кто слушал его доклад. Тов. Каменев голосовал за резолюцию политбюро, но вся его речь построена в противоположность этой розолюции на переоценке аппарата и на недооценке партии. Дальше из письма тов. Троцкого: „Новый курс, провозглашенный в резолюции ЦК, в тома и состоит, что центр тяжести, неправильно передвинутый при старом курсе в сторону аппарата, ныне при новом курсе должен быть цередвинут в сторону активности, практической самодеятельности, самоуправления партии, как организованного авангарда пролетариата. Новый курс вовсе не значит, что на партийный аппарат возлагается задача в такой-то срок декретировать, создать или установить режим демократии. Нет. Осуществить этот режим может сама партия. Кратко задачу можно формулировать так: партия должна подчинить себе свой аппарат, ни на минуту не переставая быть пентрализованной организацией“. Вот как т. Троцкий, который вместе с Каменевым голосовал и принял единогласно резолюцию политбюро, смотрит на этот вопрос. Очевидно, члены политбюро смотрят на эту резолюцию по разному, ибо оценки тов. Камевевым и тов. Троцким аппарата совершенно противоположны, и прав здесь в оценке не Каменев. Неправильно ставить вопрос так, что аппарат нас спасет. Только „аппаратчики“ могут видеть спасение в аппарате, а не в самодеятельности партии. Мы знаем аппараты Западной Европы, мы знаем немецкую социал-демократию. Каждому из нас и тов. Каменеву известно, что немецкая социал-демократия до сих пор спасалась только благодаря тому, что от развала ее задерживает аппарат (Голос: Правильно). Тов. Емельян Яроелавский, насколько мне известно, является секретарем ЦКК. И вот он говорит: „Правильно“. Правильно, что аппарат спасет социал-демократию, но правильно ли, что немецкая социал-демократия защищает интересы рабочего класса. От кого партия спасается своим аппаратом? Не от буржуазии, не от Стиннеса, не от Круппа,—она спасается от революционного немецкого рабочего класса. Тов. Каменев предлагает нам спасаться аппаратом от партии. Нужно делать как раз наоборот. Партия достаточно сильна, чтобы во-время свой аппарат перестраивать чтобы во-время его исправлять, что и надо делать: не партия для аппарата, а аппарат для партии. Вот как стоит вопрос. И нечего нас пугать, что остаться без аппарата это значит разрушить партию. Это та же переоценка аппарата, о которой я говорил раньше. (Шум, голоса: мы все читали). Я знаю, что вы читали, но считаю полезным напомнить в моей речи и потому прошу меня не перебивать. Партия с успехом может справиться с фракционной опасностью. Правильно

говорит т. Троцкий. *Бюрократизм аппарата,*—говорит т. Троцкий,—является одним из важнейших источников фракционности. Т. Каменев, член политбюро, дает совершенно другую оценку аппарата. Спрашивается, кому же верить из членов политбюро, которые единогласно голосовали за резолюцию. Теперь мы везде и всюду встречаем и к делу и не к делу, как это делает тов. Каменев, упоминание имени тов. Ленина: такую-то резолюцию писал т. Ленин, такую-то резолюцию писал тоже он. Если бы он был с нами, он непременно сказал бы то-то и то-то. И на этот вопрос я нахожу в письме тов. Троцкого следующую цитату:

„Перерождение старой гвардии наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии 2 Интернационала. Ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Но многие из этих друзей Маркса и Энгельса после смерти Маркса и Энгельса, с развитием рабочего движения, сделались предателями рабочего класса". Ссылаться на то, что мы были друзьями Ленина и потому останемся ленинцами на всю жизнь и постоянно прятаться за спину Ленина—это есть неприкрытая демагогия. Хотят спасаться и прятаться за чужой спиной. К сожалению, у нас сейчас идет обсуждение вопроса без тов. Ленина. Так давайте же не прятаться за его спиной, а давайте выявлять свое разумение. Нужно ли перестроить аппарат? При любых условиях найдутся большие или меньшие недостатки того или другого аппарата, и всегда партия должна понемногу исправлять и перестраивать свой аппарат. Сколько же недостатков накопилось за пройденный период, когда аппарат работал совсем в другом направлении, чем говорит последняя резолюция политбюро. Заглянем несколько назад, посмотрим на всю работу аппарата, посмотрим, что она дала для нашей партии и для Советской власти.

Тов. Каменев усиленно цитировал резолюцию об единстве партии. Эту резолюцию все три года усиленно проводили в жизнь. Но есть и другая резолюция о внутрипартийной демократии. Против этой второй резолюции резолюция о единстве была использована целиком и полностью. Это и послужило к парализованию мысли не только коллективной, но и индивидуальной.

Какая система проводилась уже несколько месяцев спустя после X с'езда? Под термином так называемого „подбора" мы видим усиленный подбор губернских секретарей, членов губернского комитета, уездных секретарей и т. д. По какой линии они проходят? Прежде, еще в период военного коммунизма, у нас практиковалось довольно широкое назначение членов губернского комитета и секретарей; после споров на одном из с'ездов пришли к заключению, что ЦК должен не назначать секретарей, а посылать их с рекомендацией организации на тот или другой пост. Этот термин был принят. Товарищи, в нем внешне ничего предосудительного нет. Что же, рекомендовать—это не опасно. Рекомендовали. Есть хорошие рекомендации. Но есть еще партийная организация, которая обсудит, оценит не только рекомендацию, но и рекомендуемого, посмотрит на него, и у этой организации сохраняется полное право выбрать или не выбрать рекомендованное лицо. На деле получилось другое. С рекомендацией отправляется секретарь в ту или другую организацию, отправляется с бумажкой—„рекомендуется". Организация обсуждает рекомендацию, рекомендуемого и приходит к заключению, что этот товарищ новый, мы его не знаем и на пост секретаря не выбираем. Тогда получается вторая бу-

мажка с усиленной рекомендацией. Затем получается третья бумага— с назначением. И получается—полнейшее назначение секретарей и др. должностных лиц на партийные должности. Секретари назначаются то по случаю слабости организации, то по случаю склоки,— в склоке обычно одна сторона „склочная“, другая—„несклочная“. Секретарь приезжает, опирается на несклочную, а со „склочной“ начинается борьба, причем и одну, и другую надо понимать в кавычках.

В результате начинается борьба. Вопрос в организации не дискуссируется, а механически приказывается сверху провести тот или другой вопрос без всякого обсуждения. Значит, борьба короткая,— чтобы ликвидировать склоку, он начинает „склочную“ группу распределять по другим губерниям. Остается вторая группа. Какая в ней складывается психология? Приехал секретарь. Приехавший не отвечает перед общественным мнением, не отвечает пред партийной организацией. Если эта группа выступит против секретаря, она рискует быть высланной. Многие, конечно, не боятся. Но вышлют раз, второй, третий раз, а затем охота быть высланным притупляется. И получается психология не коллективного творчества, а механического подчинения. Так происходит и в губернии, так происходит и в уездах—с уездным секретарем, так происходит и в ячейках. До самой глубины партии создается психология—внутри партии не обсуждай, не рассуждай, а проводи механически то, что решат вышестоящие органы. Коллективного творчества нет. В ячейках не обсуждаются ни тарифные, ни хозяйственные, ни общепринципиальные, ни даже местные вопросы. Рабочие совершенно оторваны от вопросов, хозяйственные органы дают распоряжения, а ячейки не в курсе их. Рабочие не получают раз‘яснений, так как ячейки сами об этом ничего не знают. Создается полный отрыв не только нашей организации от нашего партаппарата, но и всей партии от рабочего класса. Партия сама по себе, а рабочий класс—сам по себе.

И вот мы тут переходим к группировкам. Когда в партии такая обстановка создается, когда партия не обсуждает вопросов, когда ячейка не знает своих заводских дел, не говоря уже об общеполитических, то члены партии ищут выхода где-то вне партии. В подтверждение этого можно привести сколько угодно фактов. Я приведу один. В воскресенье на собрании Рогожского района выступила работница-женщина из партийных и рассказывала, что она заметила целый ряд непорядков и решила с ними бороться. Это дело было еще в 1921 г. Походила по районным комитетам, ничего абсолютно не добилась и отправилась в Московский Комитет, где тоже ничего не добилась. Идя оттуда, видит на Кузнецком мосту собрание, отправилась на это собрание, сказала несколько слов и попала на 8 месяцев в тюрьму. Оказалось, что она попала на собрание в группу Панюшкина и за это попала на 8 месяцев в тюрьму. Вот, т. т., (в зале сильный шум), это не анекдот, это—факт, а сколько этих фактов? Рабочие не добивались в своих организациях ничего и попадали в группировки только из-за того, что хотят выяснить несколько свои мысли, а внутри партии этого сделать негде. Такая обстановка и создает группировки внепартийные, „рабочие группы“ и т. п. Конечно, тут многое зависит от об‘ективных условий—от того нэпа, через который мы вынуждены пройти, но состояние нашего аппарата усиливает ту почву, ту базу, которая создает антипартийные группировки.

Теперь относительно тезисов ЦК. По словам тов. Каменева, ЦК во-время спохватился, во-время написал тезисы. Если поверить ему, то никакого давления на ЦК не было. Это неправда, для этого потре-

бовалось, чтобы многие из членов нашей партии ушли в антипартийные группировки. Русская пословица здесь может быть вполне применена: „Гром не грянет, мужик не перекрестится". Нужно было, чтобы разразилась гроза, нужен был целый подземный толчок не только внутри партийной массы, но и внутри ЦК; но о том, как ЦК сам запутался в группировках,—этого тов. Каменев не говорит.

Приемлемы ли для партии эти тезисы ЦК? Т. т., я думаю, что с такой постановкой вопроса к тезисам подходить нельзя. Дело не только в том, что написано в этих тезисах. Это чисто формальная постановка дела. Нужно посмотреть, в какой обстановке они создались и выражением чего они являются. Цель их не в том, чтобы дать целый ряд зацепок, которые выгоднее партийному аппарату, и дать возможность их истолковывать и перетолковывать. Возьмем вопрос о группировках—вопрос о единстве парти, принятый на X с'езде. Во что он превращен? Все подводится под слово „фракция". Тов. Каменев толкует так: если я, Сапронов, на одной ячейке делал доклад, завтра на другой, послезавтра на третьей, выходит, что Сапронов формально, мол, образует фракцию. Т. т., если сегодня меня вызывает секретарь ячейки и просит выступить у них на ячейке, то, значит, я, по мнению тов. Каменева, образую группу. Нет. По мнению Хамовнического района, член Хамовнической организации может обсуждать любой вопрос только в Хамовниках, а в другой организации уже нельзя. Мы знаем и такие факты: рабочего брали с фабричной ячейки и посылали в уезд. Этот рабочий прикреплялся к уездной организации. И вот, после полутора месяцев пребывания там, он зашел в свою фабричную ячейку на собрание и просит слова. Секретарь уездкома здесь и говорит: я тебе запрещаю говорить,—ты не из этой ячейки. Вопрос,—что же такое своя организация? Возьмем Москву. Сидоров и Иванов прикреплены к ячейке Пресненского райкома,—спрашивается, что называется своей организацией у Иванова и Сидорова? Они прикреплены к ячейке, они могут завоевывать только свою ячейку, или их организацией является и райком, московская организация и вся наша партия,—скажите точно, что вы разрешаете и что подразумеваете под словом „наша". Все, ответьте. (Каменев: все, все). Значит, не ропщите, тов. Каменев, если иной товарищ побывает и в районе, и на московском собрании, и на всероссийском собрании и везде будет формировать мнение, которого держится он, Иванов, но которое не нравится тов. Каменеву. Есть ли это фракция? Нет, это не фракция, это формирование вокруг своих идей членов партии. Идти же по тов. Каменеву—это, значит, можно рассуждать только в своей ячейке. Пришел в чужую ячейку, рассуждать не смей. Но бывают такие случаи, когда этот товарищ в ячейке завоевал мнение, когда его идея восторжествовала в ячейке, но мысль этой ячейки не нравится нашему партийному аппарату, что тогда? Тогда этого товарища берут за шиворот и выбрасывают, перебрасывают в другую ячейку. Что он тут делает? Он год—два завоевывает здесь мнение. Если этот товарищ завоевывает мнение, тогда его переводят в третью ячейку. Что же это получается? Получается то, что никогда своей мысли не защитишь. Тов. Каменев, как же тогда работать при таком условии.

Есло брать такой подход, т. т., то прав Троцкий, который в своем письме говорит: партийный аппарат—это злая карикатура фракционности. Мне сегодня один товарищь подал записку: прошу, тов. Сапронов, раз'яснить, есть ли это проведение тезисов о внутрипартийной демократии: приходит инструктор в ячейку и по сообщению секретаря записывает, кто демагог и кто нет, Что это пролетарская внут-

рипартийная демократия или фракционность—только с другой стороны? Мне сейчас тов. Беленький сказал: вы все дергаете наш район, подождите, мы вытащим против вас материал. Я не знаю, какой материал вытащит тов. Беленький, но что делается в Пресненском районе,—это хорошо известно, стоит прочесть заметку тов. Шумской. Хорошо известно, как тов. Беленький формирует таким образом там рабочих: вы проведите ту мысль, которая мне, Беленькому, угодна. Что это—это есть злая карикатура фракционности. Т. т., зачем это запугивание партии; здесь и всюду. Выходят, потрясают руками и говорят: хотите развала партии. Надо прекратить эти запугивания.

Нас обвиняют в оппозиции. Это неверно. Не я оппозиционер. В оппозиции к тезисам политбюро находится тов. Каменев. Я это утверждаю и я это докажу. Тов. Каменев, когда подписал эти тезисы, он думал не так, как в них написано. Сейчас тов. Каменев говорил: не троньте аппарат. Это есть оппозиция. В тезизах этого не написано. Тезисы представляют первый шаг к разрешению того вопроса, о котором мы говорим. Нужно самым решительным образом бороться с аппаратчиками, с теми, которые боятся всякого прикосновения к аппарату.

Теперь я отвечу на вопрос—что такое чистая развернутая демократия: очевидно, это свобода слова, печати, выборов и т. д. Никто не выдвигает чистой развернутой неприкосновенной демократии. Речь идет о внутрипартийной рабочей демократии, речь идет о демократии, права которой обеспечены за каждым членом партии: каждый может высказать свою плохую или хорошую мысль, и воля партии принять ее или отвергнуть. При такой демократии мыслимо ли смещение за пьянство, воровство и т. д., здесь нужно не перемещать, не политические ссылки применять и т. д., это слишком много чести для проворовавшихся, а нужно в народный или верховный суд обратиться и выбрасывать тех, кто не достоин быть в партии. Далее, что делать, если вся организация мелко-буржуазна? ЦК может распустить в любой момент любую организацию, которая отступила от программы, от устава, у которой есть загнивание. Партия должна назначать комиссию, перерегистрировать членов партии, комиссия может созвать конференцию, организовать выборный орган и затем убраться во-свояси. А как у нас обстоит дело? Назначен секретарь, который сидит год—два. На третий—тов. Каменев говорит: не трогай аппарат, разрушишь партию. Этот секретарь обжился на месте, может быть, козу купил, переезжать ему не хочется. А тут говорят—аппарат не тронь. Так подходить к вопросу нельзя. Дальше, стараются доказать, что чистка партии есть тоже ограничение демократии. Товарищи, что же в мелкобуржузной стране, где наша партия далеко не рабочая, где рабочих в партии меньше, мы применяем чистку партии не демократическими методами, а бюрократическими—чистку сверху. Верно, это чистка, но уже совсем другой коленкор. Это есть чистка элементов непартийных из нашей партии, проворовавшихся, карьеристов, мелко-буржуазных элементов,—чтобы их чистить, нам не нужны демократические методы. Здесь надо бить с обоих сторон и демократичностью и бюрократичностью, и выборностью и аппаратом. У нас есть еще элементы, которые не должны быть в партии и которых мы еще можем почистить. Но чистка должна быть и в нашем аппарате, и тов. Каменев и его хочет чистить бюрократическим путем. Но скажите, пожалуйста, кто же сам себя вычистил? (Голос: что же вы прикажете?). И вот что я предлагаю,—не приказываю,—приказывать я не могу, а предлагаю: прочистить партийный аппарат не бюрократически сверху, а демократически снизу. Выбирать надо без „рекомендаций“, без „усиленных

рекомендаций", без предварительных „согласований", а выбирать ячейке свое бюро без всякого давления, без пресса, без нажима—вот что надо сделать. Неоднократно Зеленский мне на собраниях заявлял: „У нас, в Москве, все секретари выборные, не выбранных мало". А я знаю в Москве такие вещи, когда бюро обсуждает вопрос о своем, так сказать, заместителе, и этот вопрос переносится на обсуждение ячейки, там собираются, является секретарь, начинает читать список от имени бюро, а члены бюро широко открывают глаза и говорят: „Позвольте, какой список бюро, мы не этот обсуждали, а совершенно другой список". И секретарь отвечает: „Этот список согласован с райкомом".

Тогда ячейка спрашивает или член ячейки спрашивает: „Позвольте, зачем же мы собирались, раз это согласовано с райкомом?„ Секретарь отвечает: „Можно делать отводы". Начинаются выборы, начинают делать отводы, а секретарь заявляет: „Позвольте, как же делать отвод, когда в райкоме согласовано". Это, товарищи, не демократический метод, а это есть бюрократический пресс нашего партаппарата. У нас секретари ячейки утверждаются райкомом, но не все. Часть из них утверждается МК. Ячейка должна выбрать секретаря, потом повезти его завернутого в бумажку в райком, там его утвердят, потом в той же бумажке отнесут его в МК, чтобы окончательно утвердить, и потом говорят: „У нас режим и пресс для мелкобуржуазных организаций". А в Москве, чем больше ячейка, там нужно больше утверждений для секретаря. Значит, пресс в рабочей организации. Основная ячейка выберет секретаря, снесет его в РК для утверждения, а оттуда для окончательного утверждения в МК, чтобы раз навсегда утвердить. Такова демократия, полная выборность. Но если мы будем такую демократию называть демократией, то мы, в конце-концов, не будем знать, когда же мы в действительности будем демократами. Крики наших партийных аппаратчиков, доходящих чуть ли не до истерики и пугающих нас расколом партии, надо отбросить. Никакого раскола, даже признака его нет, а есть только шевелящиеся мозги членов партии. Ни на одном собрании, а мне на многих приходилось присутствовать, мы не видим ничего угрожающего, а мы видим единодушные протесты против существующего режима, и неправ тов. Каменев, который старался дискредитировать того или другого товарища, что они выступали тогда то и тогда-то, там-то и там-то. С одной стороны, по их выражению, „пресловутый демократический централизм", а с другой стороны, не „пресловутый"..., а действительный бюрократический централизм. Все обвинения в фракционности не обоснованы. Фракционности у нас нет, а есть движение партии снизу, изнутри, и Каменев в этом уже мог убедиться на собраниях и должен был притти к заключению, что эти аргументы не годятся. Зиновьев в Рогожско-Симоновском районе заявил, что это не движение, а это только маленькая прослойка в Москве зашевелилась, а у них в Питере и по всей России все спокойно. Вы слишком большие дипломаты, чтобы просто не выполнять постановления. Но у вас, в Питере, есть аппаратчики, которые ходят по РК и говорят: „Губерния уже обсудила этот вопрос". Аппарат подавляет всякую мысль под видом фракционности, начинает душить всякое пробуждение мысли и выбрасывает из аппарата неугодных ему. А Каменев говорит: „Если ты пошел дальше ячейки, то это фракционность, а против фракционности у нас есть резолюция", а поэтому все должно оставаться по старому. Мы заявляем, что по старому ничего не должно быть. Мы видим поворот партии, которая самым решительным образом решила сойти с точки замерзания и

всеми силами оживить себя. Мы видим движение всей партии, движение всех организаций, которые хотят осуществить свои права внутри. Вот почему было бы смешно требовать гарантий. Партия не должна требовать никаких гарантий, а должна указать на ошибки, сделанные ЦК, заключавшиеся в том, что он до сих пор старался задерживать развитие партии и не дать простора развитию коллективного творчества и коллективной мысли, самой взять и осуществить эти гарантии самым демократическим путем, путем внутрипартийной рабочей демократии. Нам нужно освежить наш партийный аппарат путем выборов, сверху и донизу.

Заключительное слово тов. Сапронова.

— Товарищи, сегодняшний день закончилось оформление организации фракции, вчера и позавчера эта организация только началась. В Рогожском районе Бухарин заявил, что существует фракция во главе с Сапроновым. Сегодня заявил тов. Зиновьев, что существует фракция с демократическим централизмом во главе, и приписал к этой фракции т.т. Радека и Троцкого, которые потянулись за демократическим централизмом, и целый ряд других товарищей. Сегодня же было завлено, что резолюция в политбюро принята единогласно. Каким же путем один член политбюро приписывает другого члена политбюро в члены фракции демократического централизма, другой говорит, что в политбюро все единодушны. Где же логика у членов политбюро ЦК? Тов. Каменев в своем докладе доказывал, что тезисы приняты единогласно, а с другой стороны, тов. Зиновьев, член политбюро, доказывает, что Троцкий вошел во фракцию демократического централизма. Кто говорит правду, где она? (Шум). Зиновьев заявил, как это все слышали, что Радек стал на точку зрения Сапронова, что группа демократического централизма во главе фракции, вокруг которой организуются более высоко сознательные товарищи, и, если вы дальше припомните слова тов. Зиновьева, что не всякое единогласие хорошо, связывая это с Радеком и письмом Троцкого, то что это значит, то что это за намек и почему так ставится вопрос? Вопрос так ставится потому, что члены политбюро по разному понимают эти тезисы. Тов. Калинин с этой кафедры об'яснялся мне в любви и сказал, что он пугается этих тезисов, они страшны, они его пугают. Я должен сказать и по выступлении тов. Каменева и тов. Зиновьева, что тов. Калинин выразил не только свою точку зрения, а выразил испуг большинства политбюро. Большинство политбюро принятые тезисы толкует совершенно не так, как понимает Троцкий в своем письме (Шум). Вопрос поставлен о проведении внутрипартийной демократии. Как поставил этот вопрос тов. Зиновьев? Он говорил, что если вы хотите внутрипартийной демократии, то извольте молчать до с'езда. Если вы дисциплинированный член партии, то вы имеете право рассуждать только на с'езде. Что это означает? Это означает, что рассуждать имеют право только на с'езде. Но присутствовать на с'езде 400 тыс. членов партии не могут, на с'езд партии попадут только несколько сот человек, остальная часть партии, т.-е. вся партия, не должна рассуждать. Значит, вопрос нужно поставить о том, кто на с'езд посылает и кого посылают. Но для того, чтобы разрешить вопрос,—кто и кого посылают, для этого ставится целый ряд вопросов на обсуждение не только с'езда, а на обсуждение всей партии. У нас сейчас обсуждается вопрос о внутрипартийной демократии. Я спрашиваю, имеет ли право каждый член партии иметь свое собственное мнение на этот вопрос, или только это право имеют,

кроме ЦК, члены с‘езда? На этот вопрос я отвечаю, что каждый член партии имеет право иметь свое мнение. Тов. Зиновьев говорит, что только с‘езд имеет право обсуждать этот вопрос. Значит, только члены с‘езда имеют право иметь свое мнение на этот счет. (Шум). Нужно логически рассуждать. Но если рассуждать логически, то по-зиновьевски значит—дожидаться с‘езда и до него не сметь разинуть рта. Что это значит? А это значит, что можно рассуждать только на ес‘езде, который будет подбирать аппарат по рецепту Зиновьева. (Шум). Товарищи аппаратчики, не мешайте говорить. Мы видим, как здесь выполняется демократия путем обструкции.

Теперь я перехожу к тезисам. Мы имем тезисы, и нас усиленно допрашивают, согласны ли мы с этими тезизами или несогласны— с тезисами, которые приняты в политбюро. Мы видим толкование этих тезисов со стороны членов политбюро двоякое. С одной стороны, говорится о преувеличении роли аппарата, с одной стороны, говорится, что нужно аппарат до известной степени прочистить, а с другой стороны, говорится: не трогайте аппарата, потому что, если вы, мол, разрушите аппарат, то без аппарата партия не может управляться. Тов. Зиновьев нам предлагает демократию, которая проводилась в Петрограде; что же мы видим в Петрограде? Появилась статья Зиновьева. Немедленно организуется петроградская конференция. Когда по ячейкам ставят вопрос на обсуждение о внутрипартийной демократии, то групповые организаторы заявляют, что этот вопрос обсуждается на конференции, а потому на ячейках ставить этого вопроса нельзя. (Голос: „Ложь!“). А когда ставится вопрос на обсуждение после конференции, тогда говорится, что конференция этот вопрос решила, а посему не обсуждайте. Логически Зиновьев и здесь рассуждает совершенно таким же путем. Он нам говорит: воздержитесь до с‘езда обсуждать. С‘езд придет, тогда и обсудите, а когда с‘езд решит, тогда вполне понятно для каждого члена партии, что решение с‘езда не обсуждается, а проводится в жизнь без рассуждений. Он ставит вопрос о борьбе с якобы существующими группировками и затушевывает основной—о внутрипартийной демократии. Я в целом ряде вопросов о внутрипартийной демократии согласен со многими товарищами из аппарата, которые не на словах, а на деле за внутрипартийную демократию. Я согласен с тов. Троцким, когда он говорит за рабочую демократию. Я согласен с тов. Преображенским и другими. Но делать отсюда выводы, что это фракция, это значит— бороться против всякой демократии. Из того, что целый ряд товарищей согласен со мною по вопросу о рабочей демократии, но расходится по целому ряду других вопросов, фракцию никак не создать; например, по вопросу о концентрации промышленности я с тов. Троцким не согласен. По одному вопросу я с ним согласен, по другому не согласен. По одному вопросу я с тов. Преображенским согласен, по другому не согласен. Спрашивается, каким образом вы подведете базу под эту фракцию? Где вы произвели регистрацию этих фракций? Ставить так вопросы, значит направить острие борьбы в настоящий момент против дискуссии; по вашему, никто не имеет права высказаться кроме аппарата. Если один высказался за демократию, другой за демократию,—значит это уже составляет фракцию. Против такой квалификации нужно протестовать самым решительным образом. Тов. Зиновьев приписывает мне, что я сказал, что меня критикуют на собрании рабочие; я перед ними отчитываюсь, а посему позвольте Сапронову притти на партийное собрание поругать Центральный Комитет. В какой связи это было сказано? Я сказал, что партия проглядела движение рабочего класса в июне и в августе, что создались

взаимоотношения внутри партии такие, что проглядели рабочее движение, партия оторвалась от партийной массы, а партийная масса оторвалась от рабочей массы. Чем откровеннее партия выступает перед рабочим классом, тем больше ее понимает рабочий класс. И в любых тяжелых условиях, когда приходилось говорить о хлебе и о целом ряде других вещей, были моменты, к гда представителей Советской власти стаскивали иногда с трибуны, и после длинных бурных собраний рабочие говорили, что власть советов есть их собственная власть, они никогда после этого не говорили, что будут бороться против Советской власти.

Конечно, для стачек есть социальные причины: низкая заработная плата, плохие условия работы и т. д. Мы не пытаемся рабочему классу раз'яснить необходимость этих тяжелых условий, необходимость нэпа, через который мы вынуждены пройти известный период. Тов. Радек поставил вопрос относительно ЦК о том, что якобы где-то выносятся резолюции недоверия. Тов. Зиновьев говорил, что Сапронов на ячейках предлагал резолюции недоверия. Я утверждаю, что нигде я таких резолюций не предлагал. Я не предлагал резолюций, выражающих недоверие. Я вчера предложил, и она была принята, резолюцию, в которой указывается на ошибки ЦК, в которой указывается на то, на что указывается в тезисах ЦК. В тезисах ЦК им самим признаются ошибки. На эти ошибки указано в моей резолюции. Никакого недоверия не предлагалось. Но дело не в этом. ЦК не икона. А если тот или другой член партии считает, что он не доверяет ЦК, имеет ли он право думать, что он доверяет или не доверяет, имеет ли он право предлагать резолюции, что он доверяет ЦК или не доверяет ему. Имеет право и, поскольку он имеет право, то нечего так ставить вопросы—молитесь, мол, на ЦК и к нему нельзя притронуться, благодаря ему только существует партия. Тов. Калинин договорился даже до того, что пролетарская диктатура победила только потому, что у нас силен аппарат. Это—абсурд. Т. Калинин забыл про рабочий класс, про крестьянство. Если, по мнению Калинина, мы победили только потому, что мы имеем аппарат, то тогда вы не верите в партию рабочего класса. Тов. Ярославский ставил вопрос так: Сапронов проводит параллель между немецкой социал-демократией и нашей коммунистической партией, но проводит ее неумело и неудачно. Нет, т. Ярославский, удачно. У немецкой социал-демократии крепкий аппарат и при помощи его она все время держала партию в своих руках и сейчас держит. Но разве сейчас немецкая социал-демократия дает возможность проявления революционной воли немецких рабочих? Немецкая социал-демократия им мешает, она не дает возможности проявления революционной воли. Это выгодно для немецкой социал-демократии! Почему? Потому, что от нее уходит рабочий класс, потому, что она может удержаться только при помощи аппарата. Это партия прошлого. На развалинах этой партии создается новая коммунистическая партия. Наша партия не прошлого, а настоящего и будущего. Вот почему наша партия не может опираться на аппарат, а должна опираться на рабочий класс. Вот почему нашу партию нельзя держать аппаратом, нельзя говорить, что мы будем аппаратом держать нашу партию. Я кончаю. И кто запугивает нас расколом, превозносит аппарат, говорит, что к аппарату нельзя притронуться, а товарищи поткровеннее, как тов. Калинин, говорят, что только благодаря аппарату победили. Такая постановка угрожает большой опасностью, порождается психология закоренелых аппаратчиков. Люди будут воспитывать психологию, что без них партия не может существовать, и эта психология будет укрепляться. Против этой психологии надо бороться. В защиту

этой психологии мы сегодня видели мобилизацию стольких ораторов, защищающих аппарат. (Апплодисменты). Разве они здесь говорили, как проводить тезисы ЦК, разве они говорили о реализации тех тезисов? Здесь только указывали на опасность демократии, говорили о достоинствах аппарата и унимали партию и т. д. Только опасения за аппарат высказывались, а не опасения за партию. Эта боязнь партии заставляет произносить здесь раскольнические речи, демагогические речи, которые совершенно недопустимы в нашей партии, которые отвергает партия, но она заставит именно снизу, от самой ячейки (не страшитесь, тов. Ярославский) и до самого верху прочистить, выбрать без утверждения, без „рекомендации“ свой партийный аппарат. Это не значит, что всех вон. Это значит: „за ушко, да на солнышко“— потрясут немного, переставят с одного места на другое, заставят каждого аппаратчика отвечать не только перед вышестоящим органом, но и перед общественным мнением своей организации. И тогда будут созданы такие условия внутри партии, которые будут давать каждому члену партии возможность без боязни выйти на трибуну, чтобы каждый член партии безбоязненно приходил в ячейку и мог высказать свои сомнения, не боясь, что его обвинят в группировстве. Возможность предохранения аппарата от загноения может быть обеспечена тогда, когда коммунистическая партия со всем рабочим классом, который стоит во главе мировой революции, не будет бояться самой себя, не будет лишь надеяться на аппарат, а приступит к самодеятельной творческой работе, и тогда мы победим.

Речь тов. Радека.

— Я еще не успел познакомиться со всей нашей полемической литературой, не знаю даже целого ряда пресловутых документов. Слышал только несколько дискуссий, и из того, что я слышал, меня более всего удивил тот факт, что все докладчики должны были начинать с исторических исследований о том, как случилось, что в один прекрасный день все проснулись и прочли о необходимости демократии. Из того же, как это историческое исследование целый ряд товарищей в очень короткое время проводили, мне видно, что в нем есть очень существенный недостаток. Тов. Каменев здесь в своей речи цитировал целый ряд важных документов, которые доказывают, что с лета этого года, с доклада Дзержинского, ЦК партии стал перед целым рядом больных вопросов и должен был сказать себе, что эти больные вопросы надо лечить расширением рамок внутрипартийной демократии. В своем докладе тов. Сталин сказал, что августовские события, забастовки, вопрос о группе „Рабочей Правды“ бросили большой луч света на положение вещей и поразили ЦК партии. Сейчас уже ставится вопрос о том, что история теперешнего поворота партии не начинается с августа месяца, ибо в августе месяце события, которые поразили товарищей, были порождены предыдущими событиями. Мы с момента окончания гражданской войны понимали, что на смену режиму военному должна притти рабочая демократия, и основной вопрос, который стоит перед нами, есть вопрос о том, почему мы не смогли осуществить решения X с‘езда партии, почему мы с марта 21 года по лето и осень 23 года, несмотря на отсутствие гражданской войны, не имели той рабочей демократии, о которой теперь говорят все товарищи. Я думаю, что ответ на этот вопрос имеет громадное практическое значение. Вы помните, товарищи, что после войны с Польшей, еще до ликвидации Врангеля, у нас началась широчайшая партийная дискуссия о профсоюзах, X с‘езд партии

ликвидировал эту дискуссию, запретил фракции, и после этого больше широких дискуссий не было. На это были очень важные об'ективные причины: неслыханная нужда в период перехода к нэпу не допускала роскоши таких дискуссий. Все они упирались в сапоги, которых у нас не было, все они говорили о хлебе, которого тоже не было. Потом пришли голод и болезнь Ильича, это, в свою очередь, не позволяло нам вести этих дискуссий. Мы решили все эти вопросы отложить, чтобы решать их потом под его руководством, и эти обстоятельства, об'ективно обусловленные—об этом докладчики часто забывали—эти обстоятельства не допускали демократизации и явились об'ективной причиной, создавшей опасные навыки. Тов. Сталин говорит: „Линия партией была принята хорошая, но места плохо ее проводили“, а почему же ЦК допустил, чтобы на местах ее неверно проводили? Это обвинение неверно. Неверно, что на местах линия проводилась не так, как требовал ЦК. Места проводили ее глубже, чем дальше от центра, но проводили то, чего требовал центр. Но эти дискуссии казались центру невыгодными, и он старался их избежать и, избегая, доигрался до того, что внутри партии создалась нелегальная по отношению к партии и Советской власти группировка. И только когда мы схватились за голову, мы уже опоздали, и это есть упущение нас всех. Надо сказать, что если сейчас товарищи от оппозиции выступают таким образом, что большинство политбюро одно виновато, то я могу заявить, что никогда не слыхал о разногласии между большинством политбюро и другими товарищами, которые были такими же демократами и ждали, пока их огорошат. Когда теперь говорят о том, откуда взялась эта демократия, то я вижу здесь следующее: во-первых, экономическое положение пролетариата немного улучшилось. Мы не боимся того, что когда начнем говорить о демократии партии, пред'явят требования и беспартийные, которых мы не можем осуществить, и будем иметь новые Кронштадты. И если бюрократическое извращение аппарата доводит до того, что из-за пустяков, которые можно легко ликвидировать, мы имеем забастовки, то все-таки в общем положение настолько улучшилось, что мы можем изворачиваться. Это один факт. Второй: рост потребностей рабочего класса пред'являет нам известные требования. Он сказал ЦК: „Без помощи партии ты этих задач не решишь“. Дальше, эти нелегальные течения, которые появились в партии. Мы сказали, что наживем себе болезнь, если не откроем вентиляторов и если партия не сможет широко продискуссировать и открыто продискуссировать то, что в ней плохо, ибо и хорошие партийные элементы мы загоним в подполье. И, наконец, третья причина: будущее ставит перед нами тяжелые испытания. Реферат тов. Зиновьева на последнем с'езде неслыханно оптимистичен,—это реферат относительно общего хода событий,—и сегодня этот оптимизм т. Зиновьева повторяли в дискуссии. Когда на с'езде я говорил т. Зиновьеву: „Боюсь я этого казенного оптимизма“,—он ответил: „Вы не чувствуете России“. Осенний кризис доказал, что не все обстояло ладно. Вопрос о „ножницах“ сулит потрясение в крестьянстве; партия это чувствует, и теперешняя дискуссия имеет только тогда смысл, если после 2-х недель разговора о происхождении и роли демократии мы поставим на очереди все насущные экономические вопросы и совместно с партией ЦК их обсудит и подготовит решение с'езда. Насколько у нас ухудшилось внутрипартийное положение, доказывается тем фактом, что идут разговоры о том, должны ли быть доверие или недоверие к тому совместному документу политбюро и президиума ЦКК. Некоторые здесь сравнивали этот документ с октябрьским манифестом. Когда т.т. говорят об октябрьском манифесте, то они не знают, что они этим

много сказали. Октябрьский манифест, по изречению либеральной прессы, был потерянной бумагой, а исторически это было то, что царизм должен был пойти навстречу назревшим потребностям буржуазии. ЦК партии пошел на этот поворот потому, что необходимость этого поворота назрела. Может быть, в продолжение известного времени, когда к этому толкала необходимость, можно было дальше нужного заглянуть в военный коммунизм внутри партии. Но пролетариат, который проделал гражданскую войну, а теперь 3 года учится марксизму, хочет сам рассуждать о делах партии. И в этом состоит гарантия, что демократия будет проведена. Партия выросла, и если только обстановка нас не принудит отказаться от демократии, партия от демократии не откажется. Но если бы германская революция пошла тем темпом, как мы все ожидали, как мы того жаждали, если бы в Германии была революция, и нам нужно было бы готовить Красную армию, и вы не кричали бы о демократии, а примирились бы с военным режимом в партии. У нас этот поворот есть, так как этот поворот назрел, и вот в чем его гарантия. Товарищи ищут других гарантий. Тов. Стуков говорит, что нужна коренная смена системы и что для этого нужны новые люди. Я думаю, что этот лозунг смены снизу—это есть самый опасный лозунг. Где у нас готовая вторая смена лучших т.т.? Их нет, и мало того, разве это правда, что те т.т., которые, будучи убеждены в правильности нового курса, который наметился новыми потребностями, разве правда, что эти т.т. после этой дискуссии будут такими держимордами, которые не изменят своей политики. Такое утверждение было бы смешным и наверху, и внизу. Понятно, что многие зарвались, что многих надо будет крепко подтянуть, многих надо будет снять с постов, но это еще не есть ломка нашего партийного аппарата. Мы знаем, что между созданием нового и ломкой старого лежит промежуток, когда мы можем очутиться без органа, без которого Советская республика и мы не можем существовать. Когда т.т. говорят, а такие резолюции были даже в печати, о недоверии к ЦК, то я должен сказать, что только в пылу страсти и подражании парламенту можно забывать такую маленькую вещь, что ЦК это есть советское правительство, что недоверие к Центральному Комитету партии означает недоверие к советскому правительству, а недоверие к советскому правительству — это тот путь, на который не только не станет большинство партии, но и не станет та малая часть партии, которая договаривается до таких лозунгов. В дальнейшем ходе дискуссии будут разобраны по существу существенные разногласия, а главный вопрос, который придется решать и по которому в ЦК существуют разногласия—это есть вопрос о том, как после 2-х лет нэпа надо бороться с опасностью утечки народного достояния и нашей промышленности в руки нэпманов. Об этих вопросах мы будем говорить деловым образом и, может быть, нам придется в существенном итти на изменения, но от этого до недоверия к ЦК еще далеко. Поэтому я очень сожалею о том сравнении, которое т. Троцкий сделал в своем письме и из которого т. Сапронов пытался делать окончательные выводы. Тов. Троцкий вполне исторически прав, когда он говорит, что хотя бы ты был не только учеником, но даже сыном Маркса или Ленина, то это тебя не гарантирует от перерождения, которое привело Геда от борца за рабочий класс к борцу за французский империализм. Мы не должны забывать того, что мы имели несколько недель тому назад, а мы имели проверку верхушки нашей партии. Эта проверка состоялась тогда, когда ЦК совместно с ЦКК решал вопрос об отношении в германской революции, и т. Зиновьев в своих работах тоже сто раз это сказал. Но здесь такое положение

опасно, ибо сеет недоверие к революционному существу партии, доверие к которому мы все должны иметь, если не хотим остаться без руля и ветрил.

Еще несколько слов о фракциях. В постановке этого вопроса есть много не отвечающего фактическому положению дел. ЦК партии абсолютно прав, когда говорит, что X с'езд запретил фракции. Но я думаю, что если не преувеличивать, если не абсолютизировать, то надо посмотреть, что за это время случилось. X с'езд запретил фракции, когда он ликвидировал разногласия о профсоюзах. X с'езд единогласно ликвидировал разногласия по вопросу рабочей оппозиции. Настало время, когда у нас новые разногласия, связанные с двумя годами нэп'а. Как с этими разногласиями бороться? Мы должны будем решать это. Чего следует избегать при этом решении, чтобы не создать фракции с фракционными центрами, которые имеют тенденцию преувеличивать разногласия? Но устранить разногласия мы не в состоянии. А раз они есть, то от совместных действий отдельных товарищей, отдельных групп до создания фракций недалек путь. Тогда не надо ставить вопрос формально, не угрожать товарищам, что еще больше обостряет положение, а надо стремиться изжить разногласия. Как об'яснить тот факт, что Преображенский, Смирнов и др — единомышленники Троцкого по вопросам о Госплане? Как вы можете устранить этот факт? Нет сомнения, что они будут говорить о том, как повести в партии агитацию за эту идею. Правы товарищи, когда они говорят: пусть не идут на ячейки, не создают фракционных собраний. Но беспрерывно кричать: „фракции", „фракции" и не видеть, что они пытаются совместно проводить линию в партии, и что это устранимо не только тогда, когда с'езд решит этот вопрос — это самое опасное.

Товарищи, я кончаю. Я должен сказать, что по существу нам придется говорить, когда перед партией станет вопрос, а он должен скоро встать, не о задачах партийного строительства, а о задачах наших по отношению к классовым врагам российского пролетариата. Чтобы мы могли эти разногласия изжить, а они существуют в ЦК, и чтобы мы на этом не нажили беды, нужно сделать следующий вывод. Во-первых, нужно, чтобы фактически, я даже не скажу так, так сказал тов. Каменев (Каменев с места: „Это не я говорил"), чтобы, засучив рукава, мы начали чистку партийного аппарата, а чтобы мы к этому вопросу отнеслись добросовестно, чтобы не было так, как друг наш Беленький, великолепный товарищ, демократ по существу, смотрит на „демократию", как на ругательное слово. Это — чесотка. Фракционная чесотка — фракция большинства. И когда т. Стуков грозно размахивает мечом и кричит, что он всем головы отрежет, то это чепуха, товарищи. Партия не позволит разбить аппарата. Не надо столько кричать об этом. Надо взяться за это дело. Если вы хотите изжить разногласия, то не обостряйте с обоих сторон. А я утверждаю, что обе стороны обостряют вопрос. И когда меня спрашивают: ты за 46 или против 46, и когда я говорю, что в одном я согласен с 46, а в другом я согласен с другими товарищами, то это считают эклектизмом. У нас сложились философские мировоззрения. Товарищ Сапронов говорит: разве в тройке цекистской есть полное единогласие? Разве нет существенных оттенков между Каменевым, Зиновьевым и Сталиным в национальном вопросе? Есть, и это есть комбинация товарищей, которые в главном сошлись. Затем выступает т. Каменев и говорит, что Троцкий с Сапроновым очень плохое совместительство. Товарищи, я прошу вас прочесть статью Владимира Ильича о рабкрине. В ней Владимир Ильич, о чем никто не напомнил, сказал об опасности раскола, которая нам угрожает. Мы все были ошарашены. Владимир Ильич видно лучше знает и

прошлое партии, и тенденции в ней. И я говорю: партия не допустит до раскола. Ни одна сторона не думает о расколе. Но многие в этой борьбе делают шаги, которые обостряют ситуацию и могут привести к очень серьезным вещам. Поэтому, кончая, я должен сказать только одно: вы будете по совести решать назревающие экономические вопросы, решайте каждый из этих вопросов, но не позволяйте говорить о том, что это есть борьба между ленинизмом и троцкизмом, между большевиками и чуждыми большевизму и нашей партии элементами. Таких элементов в нашей партии нет. Разными путями шли разные части нашей партии к ленинизму, разными путями отдельные члены партии. Мы впитали в себя из десятка партий элементы и об'единили их в одну партию. И кто к вам приходит и выкапывает из истории партии отрывки мыслей и пытается создать у вас впечатление, что здесь борьба между ленинизмом и антиленинизмом, тот раскольник, сколько бы он ни присягал на единство партии. Товарищи, ленинизм не родился в один день. Когда я просматривал сочинения Владимира Ильича в 1910 г. и зачеркивал некоторые вещи, он говорил: глупости зачеркивайте.

Ленинизм проделал громаднейшую эволюцию. Не все партийные товарищи одновременно проделывали ее. Но партия в продолжение пяти лет применяла линию тов. Ленина и никаких принципиальных разногласий в этом применении не было. А когда речь шла о том, как применить, то сколько было дней, когда Владимир Ильич утром решал так, а вечером—иначе. При деле о концессии Уркарта Владимир Ильич три раза менял мнение. При продналоге вопрос ставился раньше, чем он был решен, когда он не назрел еще. Поэтому не позволяйте, чтобы разногласия по вопросу о применении пролетарской линии во всякой обстановке были подменены разногласием двух партий. А такие тенденции существуют, и когда дискуссия развернется, не допускайте, чтобы она пошла по этой линии. Вы, товарищи, не спрашивайте о гарантиях демократии в партии, вы держите в руках эти гарантии и будьте сами гарантией того, что существующие разногласия не приведут к тому, о чем предостерегал Владимир Ильич. Он сказал также, что партия разными путями шла к власти, к тому, что она есть теперь. Он знал, что многие товарищи ломали с ним копья. А ведь почему он не сказал, смотрите, чтобы ленинизм не был подменен другим „измом", а сказал, смотрите, чтобы партия не была расколота. Нельзя ставить вопрос так, что раскол в партии невозможен. Чтобы не позволить другим опасным группировкам взять власть, мы ЦК должны поддержать. Если мы будем говорить между собой, как говорили когда-то „большевики" и „меньшевики", это будет вопрос не одной партии—разногласия вскрыть, перейти к делу и изжить в обсуждениях предстоящего партийного с'езда.

Резолюция собрания бюро ячеек и активных работников московской организации, вынесенная по докладу тов. Каменева „Об очередных задачах партии" и содокладу тов. Сапронова и принятая подавляющим большинством при пяти воздержавшихся и восьмидесяти против из числа свыше тысячи присутствующих.

„Общее собрание активных работников ячеек московской организации, заслушав доклад тов. Каменева и содоклад тов. Сапронова о внутрипартийном положении, одобряет политическую и организационную линию ЦК.

Общее собрание считает, что работа партстроительства должна

вестись в соответствии с резолюцией ЦК, который намечает действительный путь для сплочения партии.

Общее собрание призывает всех членов партии к наибольшему единству действия и высказывает свое твердое доверие ЦК, считает необходимым перейти к практическому осуществлению внутрипартийной демократии под руководством ЦК.

Общее собрание считает необходимым единодушное проведение единогласно принятого постановления политбюро ЦК".

Резолюция, предложенная тов. Преображенским и отвергнутая подавляющим большинством собрания.

„Общее собрание секретарей бюро ячеек и ответственных работников московской организации, заслушав доклады и прения по вопросу о внутрипартийном положении, постановляет:

Принятая политбюро от 5 декабря резолюция о партстроительстве („Правда", № 288), провозглашающая необходимость серьезного изменения партийного курса, проведение системы выборности должностных лиц и исполнительных органов партии и общий переход к режиму внутрипартийной демократии, а также необходимость усиления плановости в руководстве хозяйством, представляет из себя первый серьезный шаг на пути к проведению в жизнь давно назревших для партии мероприятий. Только быстрое, дружное и искреннее проведение резолюции политбюро, в частности обновление путем перевыборов внутрипартийного аппарата, может гаратировать нашей партии переход к новому курсу без потрясения и внутренней борьбы и усилит действительную сплоченность и единство ее рядов.

Собрание верит в дисциплинированность и сознательность членов партии в условиях нового курса партийной политики. Собрание, констатируя отсутствие серьезных принципиальных разногласий внутри партии, считает совершенно недопустимым выдвигать в настоящий момент на первый план вопрос о фракционных группировках, что в настоящий момент об'ективно означает борьбу против свободы дискуссий, возвещенной резолюцией политбюро. Собрание считает настоятельно необходимым после обсуждения вопроса о внутрипартийном положении возможно скорее перейти к обсуждению экономического положения страны и, в частности, тех проблем, которые стоят перед партией в деле борьбы с экономическим кризисом".

Рабочая демократия и проблема партийного аппарата.

Одна из первых задач, которую поставили себе большевистские литераторы в 1914—17 г.г., когда полностью выяснился крах II Интернационала, заключалась в том, чтобы об'яснить русским рабочим причины банкротства германской социал-демократии. Теперь мы все знаем, что германская социал-демократия превратилась в контр-революционную желтую партию. Но было время, когда в течение десятилетий германская с.-д. являлась в глазах русских рабочих недосягаемым идеалом. Было время, когда все мы считали германских социал-демократов своими учителями.

В частности пишущему эти строки довелось заняться вопросом о причинах краха германской социал-демократии довольно подробно. В нашей книге „Война и кризис социализма", в брошюре „Корни оборончества", мы еще 7 лет тому назад поставили вопрос об основных причинах этого краха. Изучая социальные корни оппортунизма, мы пришли к тому выводу, что главнейшую роль в перерождении германской социал-демократии из революционной партии в мелкобуржуазную сыграли три факта:

1) преобладающая роль в ней рабочей аристократии;

2) мелкобуржуазные попутчики, в погоне за голосами которых на выборах германская социал-демократия все больше и больше принципиально мельчала, и

3) роль рабочей бюрократии в пролетарском движении вообще, в партии—в частности.

Широко используя известное исследование Роберта Михельса, мы изобразили внутреннюю эволюцию германской социал-демократии и засилье бюрократической верхушки над всей массой членов и сторонников германской социал-демократии графически в следующем виде *):

президиумы комитетов
комитеты
чиновники
посетители общих собраний
члены партии
избиратели

„Фундамент пирамиды, —писали мы,—составляется из 4-миллионной массы с.-д. избирателей. Затем следует тоже еще очень многочисленный слой—члены партии, составляющие около миллиона. Далее идут посетители общих собраний, которые уже гораздо менее многочисленны. Над ними стоит уже совсем небольшая правящая группа партийных чиновников и, наконец, верхушку пирамиды занимает маленькая каста главнейших партийных чиновников—комитеты и их президиумы" **).

Рабочая бюрократия, это—социальная категория, несравненно более широкая, нежели та категория, которая обнимает непосредственно работников партийного аппарата. Но, разумеется, и эти по-

*) В первоначальном тексте президиумы опущены.
**) См. мою книгу „Война и кризис социализма", 2-е издание, том II, стр. 318.

следние при известных условиях могут страдать всеми недугами, свойственными рабочей бюрократии вообще.

Одной из причин неслыханного краха германской с.-д., некогда могущественной пролетарской партии, несомненно, явилось засилье рабочей бюрократии и в частности окостенение партийного аппарата. Партийная машина, партийный аппарат все больше сводили на-нет самодеятельность членов партии. Партийный аппарат постепенно перерождался и превратился в замкнутую касту, враждебную основным интересам пролетариата.

Отпугивающий пример германской с.-д. постоянно должен стоять перед глазами любой массовой пролетарской партии. Пожалуй, для такой партии, как наша, которая является единственной легальной партией в стране и которая управляет государством, отпугивающий пример германской с.-д. особенно поучителен. Когда XII с'езд нашей партии принял (правда, наспех, без серьезного обсуждения, в значительной мере случайно) решение о том, что губернские конференции могут созываться не два раза, а раз в год, это была ошибка, чреватая серьезными опасностями. Мы указывали на это уже тогда. Если бы эта ошибка была не случайная, если бы руководящие круги партии настаивали бы на этом и на подобных решениях, пришлось бы сказать, что опасности, изображенные выше в графической форме, стоят и перед нами. Но конечно, в действительности ничего этого нет и быть в РКП не может.

Каждый большой партийный аппарат, разветвляясь и разрастаясь, несомненно, несет в себе самом внутренне-присущие ему опасности. Видеть это необходимо. Но это, разумеется, не значит, что мы можем отказаться от разветвленного и могучего партийного аппарата.

Уже в связи с анализом причин краха германнской с.-д. мы писали в „Войне и кризисе социализма“:

„Нарождение целого многочисленного слоя рабочей бюрократии— так же, как массовый приток избирателей-попутчиков,—является в одно и то же время симптомом и силы, и слабости рабочего движения. Силы—потому, что оно свидетельствует о громадном *количественном* росте движения. Когда организация насчитывает только тысячи членов, она может обойтись без оплачиваемых чиновников. Когда же она насчитывает сотни тысяч и миллионы членов, она неизбежно нуждается в большом и сложном организационном аппарате. Но оно (нарождение слоя рабочей бюрократии) становится признаком слабости движения—поскольку эти вожаки рабочих организаций вырождаются в чиновников в худом смысле этого слова, поскольку оно свидетельствует об измельчании самого движения, о том, что само движение лишено в данную стадию широкого пролетарского размаха. Каждый народ, говорят, имеет такое правительство, какого он заслуживает. В конце-концов, приходится сказать, что и каждое рабочее движение имеет таких вождей, каких оно заслуживает (стр. 319—320).

И мы прибавляли:

„Рабочая бюрократия сыграла роль реакционного фактора в кризисе 1914—1916 г.г. Это бесспорно. Но это не значит, что рабочее движение впредь сможет обходиться без большого организационного аппарата, без целого слоя людей, специально обслуживающих пролетарскую организацию. Не назад, к тому времени, когда рабочее движение было так слабо, что могло обходиться без штаба своих служащих и чиновников, а вперед, к тому времени, когда переродится само рабочее движение, когда бурное массовое движение пролетариата *подчинит* себе этот штаб, разрушит рутину, сотрет бюрократическую

плесень, выдвинет новых людей, вдохнет в них боевую отвагу, заразит их новым духом" (стр. 320).

* * *

За самое последнее время у нас начинает становиться модой походя поносить партийный аппарат. Слово „аппаратчик" в устах некоторых наших „критиков" становится почти таким же ругательным словом, как „чекист" в устах меньшевиков и эсеров.

Что в нашем партийном аппарате многое нуждается в исправлении и обновлении, это совершенно бесспорно. Что бюрократизм проникает и в наш партийный аппарат, что часть работников аппарата силою вещей отрывается от массовой работы, что партийный аппарат нуждается в постоянном обновлении снизу, в притоке свежих сил, что часть работников партийного аппарата должна систематически направляться назад на масоовую работу,—всего этого, разумеется, не станет отрицать ни один серьезный работник нашей партии. Но отсюда до огульных криков против партийного аппарата вообще весьма далеко.

Прежде всего, как велик наш партийный аппарат в смысле количественном?

По проверенным данным (штаты финотдела ЦК), состав платных работников партаппаратов выражается в следующих цифрах:

а) в обкомах, губкомах и пр. комитетах 3600 раб.;
из них ответственных . . . . 2500 р.
технических . . . . 1100 „
б) в укомах и райкомах 8321 раб.;
из них ответственных . . . . 5160 р.
технических . . . . 3121 „
в) платных секретарей волкомов и ячеек . . . 6900 „
Итого . . . 18781 р.

Более детальную картину на 1-е сентября 1921 года дает следующая таблица:

№№ по пор.	НАЗВАНИЕ РАЙОНА	На какой месяц	Число платн. сотр. в губком и обком	На 1-го плат. сотр. член. и канд. РКП	Число плат. сотр. в уком. и райкомах	На 1 плат. сотр. чл. и канд. РКП	Общ. чис. плат. сотр. в ком. РКП	На 1 плат. сотр. чл. и канд. РКП
1	Промышленный	март	734	163	3165	38	3899	31
		сент.	909	142	3289	39	4198	31
2	Земледельческий	март	1148	80	3504	26	4652	20
		сент.	1076	84	4098	22	5174	17
3	Украина	март	511	107	1346	41	1857	29
		сент.	557	100	1889	30	2446	23
4	Кавказ	март	237	153	932	39	1169	31
		сент.	247	99	1000	25	1247	20
5	Юго-Восток	март	310	71	627	34	937	24
		сент.	371	52	683	34	1054	22
6	Сиббюро	март	400	108	978	44	1378	31
		сент.	406	98	1098	36	1504	27
7	Дальбюро	март	144	64	283	32	427	22
		сент.	95	79	222	34	317	24
8	Авт. респ. и обл.	март	447	52	1045	22	1494	15
		сент.	419	57	1094	22	1513	16
9	Кирреспубл.	март	229	74	446	38	675	25
		сент.	226	69	440	35	666	23
10	Туркестан	март	220	76	465	35	685	25
		сент.	187	89	321	52	508	33
	Всего по СССР	март	4370	99	12791	34	17171	25
		сент.	4493	95	14134	30	18627	23

Ответственных работников в партаппарате, таким образом, получается только $7^1/_2$ тысяч человек. При этом надо еще иметь в виду, что значительная их часть является *одновременно* ответственными работниками советского аппарата: председатели губисполкомов почти всегда являются *одновременно* членами губкомов и т. д.

К „бюрократическому аппарату" мы вовсе не относим здесь организаторов низовых первичных ячеек на предприятиях. Этого едва ли потребуют и самые суровые „критики" аппарата. Но и среди тех категорий „аппаратных" работников, о которых мы говорили выше, тоже громадная часть добросовестнейших скромных революционных работников, которые вовсе не заслуживают хулы.

Что работники партийного аппарата (в том числе и ответственные) не слишком долго засиживаются на аппаратской работе, видно из целого ряда дополнительных данных, которые указывают на то, что даже среди работников аппарата ЦК партии больше половины (из 146 ответственных работников—99) работают на этой работе *меньше* одного года, т.-е. они не „засиделись" чрезмерно.

Итак, весь партийный аппарат на весь Союз ССР, обнимающий, как известно, $^1/_6$ часть всего земного шара, состоит из 18.000 „аппаратчиков". Мы будем последними из тех, кто станет возражать против новых и новых пересмотров штатов и против сокращения их, если это окажется возможным. Но все же, думается, с полным правом можно сказать, что 18.000 человек (в том числе и технические работники) на наш партийный аппарат это не чрезмерно большая цифра.

Нельзя забывать ни на одну минуту, что наш партийный аппарат в значительной степени обслуживает и государственную машину. Ни одно крупное дело, начиная с собирания единого с.-х. налога и кончая ликвидацией неграмотности или помощью воздушному флоту, не проходит без деятельнейшего участия партийных организаций, т.-е. и партийного аппарата. Пред нами список кампаний, преведенных ЦК РКП с 1 января 1923 г. Список этот обнимает 30 групп крупнейших вопросов. Среди них такие, как сбор единого сельско-хозяйственного налога, кампания о кооперации, обслуживание сбора милиционных дивизий, экспорт хлеба, страховая кампания, кампания о местном бюджете, сельско-хозяйственная выставка, комитеты крестьянской взаимопомощи и т. д., и т. п. Участие партийного аппарата во всех этих кампаниях, имеющих заведомо общегосударственное значение, огромно. Партийная статистика отмечает, что из числа проверенных за 1923 г. 15 крупнейших кампаний—из них основные: денежный налог, заем и др., связанные с хозяйственной политикой Советской власти—как правило, кампании проходили наиболее успешно там, где налицо был крепкий работоспособный партийный аппарат. При таком размахе работ 18.000 работников в аппарате партии, повторяем, цифра не чрезмерная.

Но, разумеется, вопрос о количестве работников аппарата не исчерпывает дела. Решающим является вопрос о качестве. Относительно качественно состава нашего партийного аппарата кое-какое представление дают следующие цифровые данные.

К настоящему моменту мы имеем (не по всем губерниям):

1. Секретари гк-ов: а) по стажу—с дооктябрьским стажем 85 проц.; б) по социальному положению—рабочих до 50 проц.

2. Зав. орги гк: а) по стажу—с дооктябрьским стажем 58 проц.; б) по социальному положению—рабочих 36 проц.

3. Зав. агитпроп. гк: а) по стажу—с дооктябрьским стажем 41 проц.; по социальному положению—рабочих 20 проц. Состав партаппарата неуклонно улучшается. Например, выборка на апрель о зав.

оргах давала с доктябрьским стажем только 34 проц., когда сейчас —58 проц.

О составе секретарей ячеек (городских и сельских) можно судить по данным в первой половине 1923 г. (выборка). Данные 1.040 ячеек. По стажу—с доктябрьским стажем 3 проц., с 1917 г.—12 проц., с 1918 г.—23 проц., с 1919 г.—41 проц., с 1920 г.—23 проц., с 1921 г.—9 проц., с 1922 г.—1 проц. Как видно, неимеющих стажа (1 год) нет, или если 1922 в. отнести к этой группе, то всего 1 проц., секретарей ячеек, не имеющих установленного стажа; 80 проц. всех секретарей ячеек имеют 4-летний и выше партийный стаж. По социальному положению—рабочих 44 проц. Улучшить можно и должно еще многое. Но картина все же не так плоха. Растет участие в работе молодых членов партии, растет процент рабочих и т. д.

Мы спрашиваем, однако, столь щедрых на критику нашей партии товарищей, где же хоть тень доказательства того, что качественная сторона нашего партийного аппарата так уж безнадежно плоха? Когда тов. Ленин накануне XII с'езда РКП выступил со своими известными статьями, которые так сурово бичевали бюрократизм нашего *государственного* аппарата, он апеллировал от этого последнего *к партии и стало быть, к партийному аппарату*. Он не ограничивался критикой, а предложил *определенный план исправления дела* через реорганизованную ЦКК, т.-е. через партийный аппарат, а также через реорганизованную РКП. И все мы, останавливаясь на слабых сторонах государственного аппарата в течение всех годов революции, апеллировали, разумеется, прежде всего к партийному аппарату, через который партия, при активном участии всех членов ее, одна только и способна вытравить бюрократизм из государственных учреждений.

Замечательное явление. Именно наиболее „аппаратные“ люди теперь принадлежат иногда к числу тех, которые на все корки разносят партийный аппарат. Это бывает. Аппарат не оправдал „наших“ надежд—тем хуже-де для аппарата. „Зелен виноград“... Таким критикам и невдомек, что бывают такие задачи, которых никакой аппарат не разрешит (ибо они связаны с вопросом о взаимоотношении пролетариата и крестьянства с крупнейшими проблемами, которые разрешаются отношением к нам *миллионов и миллионов людей).* И в то же время эти „критики“ не понимают того, что ни одна из элементарнейших задач государственной власти и нашей партии в нынешнюю эпоху не может быть разрешена без крепкого партийного аппарата. Пенять в таких случаях приходится на себя, а не на аппарат. Если „очки“ не действуют никак“, то делу, во всяком случае, не пособишь тем, что хватишь их о камень...

Вопрос о централизме, о роли ЦК, о характере партийного аппарата имеет свою историю знае. Кто истторию борьбы большевизма с меньшевизмом, кто вообще знаком с историей нашей партии, тот не забудет жарких схваток между большевиками и меньшевиками, в частности и по этому вопросу. Уже 20 лет тому назад тов. Ленин при первых шагах деятельности большевиков говорил о том, что партия наша должна быть построена так, чтобы ЦК партии мог „дойти до последнего человека в партии“. Другими словами, т. Ленин говорил, что ЦК должен быть генеральным штабом партии, что для правильного распределения сил партии каждый член партии должен быть на учете у своего ЦК. С тех пор прошло много лет. То, что было верно тогда, когда мы являлись только партией подготовки революции, партией, деятельность которой на девять десятых исчерпывалась пропагандой и агитацией, во много раз вернее теперь,

когда мы стали партией, управляющей громадным государством. Когда тов. Ленин употребил приведенные слога, у нас не было еще ни учраспреда, ни орготдела, ни прочих кое-кому ненавистных атрибутов партийного аппарата. Но формула, брошенная тогда т. Лениным, остается правильной и в новой обстановке. Тогда меньшевики ругали нас „комитетчиками". И это звучало почти так же, как теперь „аппаратчики".

Всякий, кто помнит первые жаркие схватки между большевизмом и меньшевизмом, тот не забудет, сколько нападок делалось на т. Ленина за указанную фразу. Его обвиняли тогда не только в „секретарском бюрократизме", не только в защите „аппаратчины", но и в якобинстве, в желании личной диктатуры и других смертных грехах. Кое-кому из нынешних хулителей нашего партийного аппарата не мешало бы освежить в своей памяти тогдашние писания меньшевиков. Это показало бы им, как нехорошо в большевистской партии говорить полуменьшевистской прозой.

Давайте критиковать и исправлять наш партийный аппарат. Никакой самовлюбленности, никакого казенного оптимизма, никакого рутинерства. То, что подлежит исправлению, должно быть исправлено без дальних слов. Но что недопустимо,—так это вместе с водой выплескивать из ванны и ребенка. Гибкий, связанный с широкими массами членов партии, отзывчивый, культурный, *постоянно обновляемый снизу* партийный аппарат есть единственная серьезная гарантия того, что мы сумеем бороться с бюрократизмом государственных учреждний, с тем самым бюрократизмом, о котором в прошлом году тов. Ленин писал, что он во многом напоминает бюрократизм старого царского государственного аппарата.

Об'ективная обстановка переменилась к лучшему, создалось положение, при котором есть серьезные шансы на то, что рабочая демократия будет проведена на деле. Под руководством своего ЦК партия должна теперь смело приступить к проведению в жизнь тех мер, которые намечены в единогласной резолюции ЦК от 7 декабря 1923 г. В числе этих мер одной из важных является исправление и обновление снизу нашего партийного аппарата. Но наши основные взгляды на великую роль централизованного партийного аппарата, творящего волю пролетарского авангарда, остаются старыми, как их формулировал тов. Ленин 20 лет тому назад и как их защищал большевизм в трех революциях.

Г. Зиновьев.

„Правда", 13 декабря, № 283.

О дискуссии, о тов. Рафаиле, о статьях т.т. Преображенского и Сапронова и о письме тов. Троцкого.

Дискуссия о внутрипартийном положении, открывшаяся несколько недель тому назад, видимо, подходит к концу, если иметь в виду Москву и Петроград. Петроград, как известно, высказался за основную линию партии. Основные районы Москвы тоже высказались за линию ЦК. Общегородское собрание активных работников московской организации от 11 декабря вынесло полное одобрение организационной и политической линии ЦК партии. Нет оснований сомневаться в том, что предстоящая общепартийная конференция московской организации пойдет по стопам своих районов. Оппозиция, представляющая блок части левых коммунистов (Преображенский, Стуков, Пятаков и проч.) с так называемыми демократическими централистами (Рафаил, Сапронов и проч.), оказалась смятой.

Интересен ход дискуссии и те превращения, которые потерпела оппозиция за период дискуссии.

Оппозиция начала с того, что высказалась не более, не менее, как за пересмотр основной линии партии во внутрипартийном строительстве и внутрипартийной политике за последние два года, за весь период нэпа. Требуя полного проведения резолюции X-го с'езда о внутрипартийной демократии, оппозиция вместе с тем настаивала на отмене тех ограничений (запрещение группировок, партстаж и проч.), которые были приняты X, XI и XII-м с'ездами партии. Но оппозиция на этом не остановилась. Утверждая, что партия превратилась по сути дела в организацию армейского типа, а партийная дисциплина— в дисциплину военную, оппозиция требовала перетряхивания всего состава партийного аппарата сверху донизу, снятия с постов основных работников и проч. (см. статьи т.т. Преображенского и Сапронова в „Правде"). В крепких словах и в ругани по адресу ЦК не было, конечно, недостатка. „Правда" была переполнена статьями и статейками, обвинявшими ЦК во всех смертных грехах. Нехватало того, чтобы обвинить его еще в японском землетрясении.

ЦК в целом на этот период не вмешивался в дискуссию на страницах „Правды", предоставляя членам партии полную свободу критики. Он не находил даже нужным опровергнуть нелепые обвинения, нередко выдвигавшиеся критиками, считая, что члены партии достаточно сознательны для того, чтобы самостоятельно разрешить обсуждавшиеся вопросы.

Это был, так сказать, первый период дискуссии.

В дальнейшем, когда крепкие слова приелись, ругань перестала действовать и члены партии потребовали делового обсуждения вопроса,—наступил второй период дискуссии. Открылся он опубликованием резолюции ЦК и ЦКК по партстроительству. Исходя из постановления октябрьского пленума ЦК, одобрившего курс на внутрипартийную демократию, политбюро ЦК и президиум ЦКК выработали известную резолюцию, наметившую условия проведения внутрипартийной демократии. Этим актом был создан поворот в ходе дискуссии. Теперь уже нельзя было ограничиться критикой вообще. Конкретный план, представленный ЦК и ЦКК, требовал от оппозиции либо принятия этого плана, либо пред'явления другого, параллельного, столь

же конкретного плана проведения внутрипартийной демократии. И тут-то оказалось, что оппозиция не в силах противопоставить плану ЦК свой собственный конкретный план, могущий удовлетворить требованиям партийных организаций. Началось отступление оппозиции. Исчезло в арсенале оппозиции требование отмены основной линии партии во внутрипартийном строительстве за последние два года. Поблекло и вылиняло требование оппозиции об отмене ограничений демократии, принятых X, XI и XII-м с'ездами партии. Отодвинули на задний план и смягчили требование о перетряхивании аппарата сверху донизу. Все эти требования оппозиция сочла необходимым заменить предложениями о необходимости „точно формулировать вопрос о фракциях“, „провести перевыборы всех тех парторганов, которые раньше были назначены“, „упразднить назначенство, как систему“ и проч. (см. резолюции т. Преображенского и других в „Правде“ от 12 декабря). Характерно, что даже эти, смягченные в несколько раз, предложения оппозиции были провалены организациями Красной Пресни и Замоскворечья, приветствовавшими резолюцию ЦК и ЦКК подавляющим большинством голосов.

Это был, так сказать, второй период дискуссии.

Ныне мы вступили в третий период. Характерной чертой этого периода является дальнейшее отступление, я бы сказал—беспорядочное отступление оппозиции. Даже полинявшие и смягченные в несколько раз требования оппозиции выпали на этот раз из ее резолюции. Последняя резолюция т. Преображенского (кажется, третья по счету), предложенная собранию активных работников московской организации (свыше 1.000 человек), гласит:

„Только быстрое, дружное и искреннее проведение резолюций политбюро, в частности обновление путем перевыборов внутрипартийного аппарата, может гарантировать нашей партии переход к новому курсу без потрясений и внутренней борьбы и усилит действительную сплоченность и единство ее рядов“.

Нельзя считать случайностью тот факт, что собрание отвергло даже это совершенно безвредное предложение оппозиции. Не случайно и то, что собрание приняло подавляющим большинством голосов резолюцию об „одобрении политической и организационной линии ЦК“.

О тов. Рафаиле.

Я думаю, что тов. Рафаил является самым последовательным и самым законченным представителем нынешней оппозиции или, говоря точнее, нынешнего блока оппозиции. На одном из дискуссионных собраний т. Рафаил заявил, что наша партия по сути дела превратилась в армейскую организацию, что дисциплина в ней армейская и что в виду этого весь аппарат партии необходимо перетряхнуть сверху донизу, как негодный и чуждый духу действительной партийности. Мне кажется, что эти, или подобные им, мысли бродят в голове нынешних оппозиционеров, но они не решаются их высказать по различным соображениям. Надо признать, что тов. Рафаил оказался в этом отношении более смелым, чем его коллеги по оппозиции.

И все-таки тов. Рафаил в корне не прав. Не прав он не только формально, но, прежде всего, по существу. Ибо если бы наша партия в самом деле превратилась или даже начала превращаться в армейскую организацию, то разве не ясно, что у нас не было бы тогда ни партии в собственном смысле этого слова, ни диктатуры пролетариата, ни революции?

Что такое армия?

Армия есть замкнутая организация, строящаяся сверху. Существо армии предполагает, что во главе армии стоит штаб, назначенный сверху и формирующий армию на началах принудительности. Штаб не только формирует армию,—он еще снабжает ее, одевает, обувает и проч. Материальная зависимость всего состава армии от штаба полная. На этом, между прочим, зиждется та армейская дисциплина, нарушение которой влечет за собой специфическую форму высшей меры наказания — расстрел. Этим же нужно об'яснить тот факт, что штаб может двигать армию, куда угодно и когда угодно, сообразуясь лишь со своими собственными стратегическими планами.

Что такое партия?

Партия есть передовой отряд пролетариата, строящийся снизу на началах добровольности. У партии тоже имеется свой штаб, но он не назначается сверху, а избирается снизу всей партией. Не штаб формирует партию, а, наоборот, партия формирует штаб. Партия формируется сама на началах добровольности. Здесь нет также материальной зависимости между штабом партии и партией в целом, о которой говорилось выше в отношении армии. Штаб партии не снабжает партию, не кормит и не одевает ее. Этим, между прочим, об'ясняется тот факт, что штаб партии не может двигать ряды партии произвольно, куда угодно и когда угодно, что штаб партии может руководить партией в целом лишь по линии экономических и политических интересов того класса, частицей которого является сама партия. Отсюда особый характер партийной дисциплины, строящейся в основном по линии метода убеждения, в отличие от дисциплины армейской, строящейся в основном по линии метода принуждения. Отсюда основная разница между высшей мерой наказания в партии (исключение из партии) и высшей мерой наказания в армии (расстрел).

Достаточно сравнить эти два определения, чтобы понять всю чудовищность ошибки тов. Рафаила.

— Партия превратилась,—говорит он,—в армейскую организацию. Но как можно превратить партию в армейскую организацию, если она не зависит материально от своего штаба, если она строится снизу на началах добровольности, если она сама формирует свой штаб? Чем об'яснить в таком случае приток рабочих в партию, рост ее влияния среди беспартийных масс, ее популярность среди трудящихся слоев всего мира?

Одно из двух:

Либо партия до последней степени пассивна и безгласна, — но тогда чем об'яснить тот факт, что такая пассивная и безгласная партия ведет за собой самый революционный в мире пролетариат и управляет вот уже несколько лет самой революционной в мире страной?

Либо партия активна и самодеятельна, — но тогда непонятно, почему такая активная и самодеятельная партия не свергла за это время военный режим в партии, если он действительно существует в недрах самой партии?

Разве не ясно, что наша партия, проделавшая три революции, разбившая Колчака и Деникина и потрясающая ныне основы мирового империализма,—что эта партия не вытерпела бы и одной недели того военного режима и приказного строя, о которых так легко и бесшабашно говорит тов. Рафаил, что она мигом разбила бы их и поставила бы новый режим, не дожидаясь призыва тов. Рафаила?

Но страшен сон, да милостив бог. Дело в том, во-первых, что тов. Рафаил спутал партию с армией и армию с партией, ибо он, очевидно, не знает толком ни партии, ни армии. Дело в том, во-вторых, что тов. Рафаил, видимо, сам не верит в свое открытие, — ему

нужны „страшные слова" о приказном строе в партии для того, чтобы обосновать основные лозунги нынешней оппозиции: а) о свободе фракционных группировок и б) о снятии с постов руководящих элементов партии сверху донизу.

Тов. Рафаил, видимо, чувствует, что без „страшных" слов не протащить этих лозунгов.

В этом вся суть.

О статье тов. Преображенского.

(См. „Правду", № 270).

Основную причину недочетов внутрипартийной жизни тов. Преображенский усматривает в неправильности основной линии партии в партийном строительстве. Тов. Преображенский утверждает, что:

„партия вот уже два года ведет в основном неверную линию в своей внутрипартийной политике", что „основная линия партии во внутрипартийном строительстве и внутрипартийной политике за период нэпа" оказалась неправильной.

В чем состоит основная линия партии за период нэпа? Партия на своем X-м с'езде приняла резолюцию о рабочей демократии. Правильно ли поступила партия, приняв такую резолюцию? Тов. Преображенский думает, что она поступила правильно. Партия на том же X с'езде приняла серьезнейшее ограничение демократии в виде запрещения группировок. Правильно ли поступила партия, приняв такое ограничение? Тов. Преображенский думает, что партия поступила неправильно, ибо такое ограничение стесняет, по его мнению, самостоятельную партийную мысль. Партия на XI-м с'езде приняла новые ограничения демократии в виде определенного партийного стажа и проч. XII-й с'езд партии только подтвердил эти ограничения. Правильно ли поступила партия, приняв эти ограничения, как гарантию против мелко-буржуазных тенденций в условиях нэпа? Тов. Преображенский думает, что партия поступила неправильно, ибо эти ограничения стеснили, по его мнению, самодеятельность партийных организаций. Вывод ясен: тов. Преображенский предлагает отменить основную линию партии в этой области, принятую X и XI с'ездами партии в обстановке нэпа.

Но X-й и XI-й с'езды партии прошли под непосредственным руководством тов. Ленина. Резолюция о запрещении группировок (резолюция об единстве) внесена и проведена на X-м с'езде тов. Лениным. Дальнейшие ограничения демократии, в виде определенного партстажа и т. д., приняты XI-м с'ездом при ближайшем участии тов. Ленина. Не догадывается ли т. Преображенский, что он по сути дела предлагает отмену линии в условиях нэпа, связанной с ленинизмом? Но начинает ли понимать тов. Преображенский, что его предложение об отмене основной линии партии по партстроительству в условиях нэпа является по существу дела повторением некоторых предложений не безызвестной „анонимной платформы", требовавшей ревизии ленинизма?

Стоит поставить эти вопросы, чтобы понять, что партия не пойдет по стопам тов. Преображенского.

Что же предлагает тов. Преображенский? Он предлагает не более, не менее, как восстановление партийной жизни „по типу 1917—1918 г.г.". Чем отличаются в этом отношении 1917—1918 годы? Тем, что тогда существовали в нашей партии группировки и фракции, что существовала тогда открытая борьба группировок, что партия переживала тогда критическую минуту, связанную с вопросом ее

жизни и смерти. Тов. Преображенский требует, чтобы такой порядок в партии, отмененный Х-м с'ездом, был восстановлен, по крайней мере, „отчасти“. Может ли стать партия на этот путь? Нет, не может. Во-первых, потому, что восстановление партийной жизни на началах 1917—1918 г.г., когда не было нэпа, не отвечает и не может отвечать потребностям партии в условиях 1923 г., когда есть нэп. Во-вторых, потому, что восстановление минувших порядков фракционной борьбы привело бы к неминуемому подрыву единства партии, особенно теперь, в отсутствие тов. Ленина.

Тов. Преображенский имеет склонность изобразить условия внутрипартийной жизни в 1917—1918 г.г., как нечто желательное и идеальное. Но мы знаем массу черных сторон этого периода внутрипартийной жизни, стоивших партии глубочайших потрясений. Никогда, кажется, внутрипартийная борьба среди большевиков не доходила до такого ожесточения, как в этот период, в период Брестского мира. Известно, например, что левые коммунисты, составлявшие тогда отдельную фракцию, дошли до такого ожесточения, что серьезно поговаривали о смене существовавшего тогда Совнаркома новым Совнаркомом из новых людей, входивших в состав фракции левых коммунистов. Часть нынешних оппозиционеров, т.т. Преображенский, Пятаков, Стуков и другие, входили тогда в состав фракции левых коммунистов.

Думает ли тов. Преображенский „восстановить“ в нашей партии эти старые идеальные порядки?

Ясно во всяком случае, что партия не согласится с этим „восстановлением“.

О статье тов. Сапронова.

(См. „Правду“, № 279).

Основную причину недочетов внутрипартийной жизни тов. Сапронов усматривает в наличии в аппаратах партии „партийных педантов“, „классных дам“, занятых „воспитанием членов партии“ по „школьному методу“ и тормозящих, таким образом, действительное воспитание членов партии в ходе борьбы. Превратив, таким образом, работников нашего партийного аппарата в „классных дам“, тов. Сапронов и не думает спросить: откуда появились эти люди, и как могло случиться, что „партийные педанты“ возобладали в работе нашей партии. Выдвигая это более чем рискованное и демагогическое положение, как доказанное, тов. Сапронов забыл, что марксист не может удовлетвориться простыми изречениями, что он, прежде всего, должен понять явление, если оно в самом деле существует в природе, и об'яснить его, для того, чтобы наметить потом действительные меры улучшения. Но тов. Сапронову, видимо, нет дела до марксизма. Ему нужно во что бы то ни стало обругать партийный аппарат,—все остальное приложится. Злая воля „партийных педантов“—такова, по мнению тов. Сапронова, причина недочетов нашей внутрипартийной жизни. Правильное об'яснение—нечего говорить.

Непонятно только:

1) Как могли эти „кассные дамы“ и „партийные педанты“ удержать за собой руководство самым революционным в мире пролетариатом?

2) Как могли наши „партийные школьники“, отданные на воспитание „классных дам“, удержать за собой руководство самой революционной в мире страной?

Ясно во всяком случае, что болтать о „партийных педантах“ легче, чем понять и оценить величайшие достоинства нашего партийного аппарата.

Как думает лечить тов. Сапронов недочеты нашей внутрипартийной жизни? Его ликарство такое же простое, как и диагноз. „Пересмотреть наш офицерский состав“, снять с постов нынешних работников—таково средство тов. Сапронова. В этом он видит основную гарантия проведения внутрипартийной демократии. Я далек от того, чтобы отрицать значение перевыборов под углом зрения демократизма в деле улучшения нашей внутрипартийной жизни. Но видеть в этом основную гарантию—значит не понимать ни внутрипартийной жизни, ни ее недочетов. В рядах оппозиции имеются такие товарищи, как *Белобородов*, „демократизм“ которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; *Розенгольц*, от „демократизма“ которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; *Пятаков*, от „демократизма“ которого не кричал, а выл весь Донбасс; *Альский*, „демократизм“ которого всем известен; *Бык*, от „демократизма“ которого до сих пор воет Хорезм. Думает ли тов. Сапронов, что если нынешних „партийных педантов“ сменят поименованные выше уважаемые товарищи, демократия внутри партии восторжествует? Да будет мне позволено несколько усомниться в этом.

Видимо, существует два рода демократизма: демократизм партийных масс, рвущихся к самодеятельности и к активному участию в деле партийного руководства, и „демократизм“ недовольных партийных вельмож, видящих существо демократизма в смене одних лиц другими. Партия будет стоять за демократизм первого рода, и она проведет его железной рукой. Но партия отбросит прочь „демократизм“ недовольных партийных вельмож, ничего общего не имеющий с действительной внутрипартийной рабочей демократией.

Чтобы обеспечить внутрипартийную демократию, необходимо, прежде всего, преодолеть те пережитки и навыки военного периода в головах некоторых наших работников, в силу которых партия расценивается не как самостоятельный организм, а как система учреждений. Но преодолеть эти пережитки нельзя в кратчайший срок.

Чтобы обеспечить внутрипартийную демократию, необходимо, во-вторых, преодолеть давление нашего бюрократического государственного аппарата, имеющего около миллиона служащих, на партийный аппарат, представляющий не более 20—30 тысяч работников. Но преодолеть давление этой громоздкой машины и подчинить ее себе немыслимо в кратчайший срок.

Чтобы обеспечить внутрипартийную демократию, необходимо, в-третьих, добиться под'ема культурного уровня целого ряда наших отсталых ячеек и правильного распределения активных работников по всей территории Союза, чего опять-таки нельзя добиться в кротчайший срок.

Как видите, обеспечить полную демократию не так-то просто, как это представляется тов. Сапронову, если, конечно, под демократизмом понимать не пустопорожний формальный демократизм т. Сапронова а настоящий, рабочий, неподдельный демократизм.

Очевидно, необходимо напряжение воли всей партии снизу доверху для того, чтобы обеспечить и провести в жизнь действительную внутрипартийную демократию.

О письме тов. Троцкого.

(См. „Правду“, № 281.)

Резолюция ЦК и ЦКК о внутрипартийной демократии, опубликованная 6 декабря, принята единогласно. Тов. Троцкий голосовал за эту резолюцию. Можно было предположить поэтому, что члены ЦК, в

том числе и тов. Троцкий, выступят единым фронтом с призывом к членам партии о дружной поддержке ЦК и его резолюции. Это предположение, однако, не оправдалось на деле. Тов. Троцкий выступил на-днях с письмом к партийным совещаниям, которое не может быть истолковано иначе, как попытка ослабить волю членов партии к единству в деле поддержки ЦК и его позиции.

Судите сами.

Упомянув о бюрократизме партийного аппарата и опасности перерождения старой гвардии, т.-е. ленинцев, основного ядра нашей партии, тов. Троцкий пишет:

„Перерождение „старой гвардии" наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы, ведь, знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем однако, что все эти вожди,—одни отчасти, другие целиком,—переродились в сторону оппортунизма"... „Мы должны сказать, — именно мы, „старики", — что наше поколение, естественно играющее руководящую роль в партии, не заключает в себе однако никакой самодовлеющей гарантии против постепенного и незаметного ослабления пролетарского и революционного духа, если допустить, что партия потерпела бы дальнейший рост и упрочение аппаратно-бюрократических методов политики, превращающих молодое поколение в пассивный материал для воспитания и поселяющих неизбежно отчужденность между аппаратом и массой, между стариками и молодыми"... „Молодежь,—вернейший барометр партии,—резче всего реагирует на партийный бюрократизм"... „Нужно, чтобы молодежь брала революционные формулы с боем"...

Во-первых, я должен рассеять одно возможное недоразумение. Тов. Троцкий, как видно из его письма, причисляет себя к старой гвардии большевиков, проявляя тем самым готовность принять на себя те возможные обвинения, которые могут пасть на голову старой гвардии, если она, в самом деле, станет на путь перерождения. Нужно признать, что эта готовность жертвовать собой, несомненно, является чертой благородства. Но я должен защитить тов. Троцкого от тов. Троцкого, ибо он, по понятным причинам, не может и не должен нести ответственность за возможное перерождение основных кадров старой большевистской гвардии. Жертва, конечно, дело хорошее, но нужна ли она старым большевикам? Я думаю, что она не нужна.

Во-вторых, непонятно, как можно ставить на одну доску таких оппортунистов и меньшевиков, как Бернштейн, Адлер, Каутский, Гед и др., и старую гвардию большевиков, которая все время боролась и, надеюсь, будет с честью бороться против оппортунизма, против меньшевиков, против II Интернационала? Чем вызваны эта путаница и это смешение, кому они нужны, если иметь в виду интересы партии, а не какие-либо побочные соображения, имеющие целью отнюдь не защиту старой гвардии? Как понять эти намеки об оппортунизме в отношении старых большевиков, выросших в борьбе с оппортунизмом?

В-третьих, я отнюдь не думаю, что старые большевики абсолютно гарантированы от опасности перерождения, так же, как не имею основания утверждать, что мы абсолютно гарантированы, скажем, от землетрясения. Опасность такую, как *возможную*, можно и нужно допустить. Но значит ли это, что опасность эта является *реальной*, наличной? Я думаю, что не значит. Да и сам тов. Троцкий не привел никаких данных, говорящих об опасности перерождения, как о реальной опасности. А между тем, внутри партии имеется у нас ряд

элементов, могущих породить действительную опасность перерождения некоторых рядов нашей партии. Я имею в виду одну часть меньшевиков, вошедших в нашу партию *поневоле* и не изживших еще старых оппортунистических навыков. Вот что писал об этих меньшевиках и об этой опасности тов. Ленин в период чистки нашей партии:

„Всякий оппортунист отличается приспособляемостью, и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, из принципа к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой. Эту особенность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее—это значит очистить партию, примерно, от 99 проц. всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 года, т.-е. тогда, когда победа большевиков стала становиться сначала вероятной, потом несомненной". (См. ст. Ленина в „Правде" от 21 сентября 1921 года).

Как могло случиться, что тов. Троцкий, упустив из виду эту и подобные им опасности, существующие реально, выпятил на первый план опасность возможную, опасность перерождения старой гвардии большевиков? Как можно закрывать глаза на реальную опасность, выдвигая на первый план опасность, собственно говоря, нереальную, возможную, если иметь в виду интересы партии, а не соображения подрыва авторитета большинства ЦК, представляющего руководящее ядро старой гвардии большевиков? Разве не ясно, что такие „подходы" могут лить воду лишь на мельницу оппозиции?

В-четвертых, откуда взялось у тов. Троцкого это *противопоставление* „стариков", которые могут переродиться", „молодежи", являющейся „вернейшим барометром" партии, и „старой гвардии", которая может бюрократизироваться, „молодой гвардии", которая должна „брать революционные формулы с боем"? Откуда взялось это противопоставление, для чего оно понадобилось? Разве молодежь и старая гвардия не шли всегда единым фронтом против врагов внутренних и врагов внешних? Разве единство „стариков" и „молодых" не представляет основной силы нашей революции? Откуда взялась эта попытка развенчать старую гвардию и демагогически пощекотать молодежь для того, чтобы открыть и расширить щелочку между этими основными отрядами нашей партии? Кому все это нужно, если иметь в виду интересы партии, ее единство, ее сплоченность, а не попытку поколебать это единство в угоду оппозиции?

Разве так защищают ЦК и его резолюцию о внутрипартийной демократии, принятую к тому же единогласно?

Впрочем, тов. Троцкий, очевидно, и не ставил себе такой задачи, выступая с письмом к партийным совещаниям. Видимо, умысел тут другой был, а именно: дипломатически поддержать оппозицию в ее борьбе с ЦК партии, под видом защиты резолюции ЦК.

Этим, собственно, и об'ясняется печать двойственности, лежащая на письме тов. Троцкого.

Тов. Троцкий состоит в блоке с демократическими централистами и частью левых коммунистов,—в этом политический смысл выступления тов. Троцкого.

И. Сталин.

„Правда", 15 декабря, № 285.

Резолюция ЦК и ЦКК о партстроительстве.

(Принята ЕДИНОГЛАСНО на совместном засед. ПОЛИТБЮРО ЦК и ПРЕЗИДИУМА ЦКК 5 декабря во исполнение решения октябрьских ПЛЕНУМОВ ЦК и ЦКК).

1. Партия в условиях нэпа.

а) Новая экономическая политика, развязавшая рост производительных сил, оправдала себя, как необходимый этап на пути длительного перехода от капитализма к социализму. Она способствовала под'ему народного хозяйства вообще, крестьянского хозяйства, государственной промышленности, государственной торговли и кооперации. Мы имеем постепенный под'ем заработной платы, процесс обратного возвращения квалифицированных пролетариев в города, под'ем уровня культуры в широких пролетарских массах и в частности образование новых кадров пролетарско-крестьянской интеллигенции, благодаря систематическому обучению рабочих и крестьян в высших учебных заведениях.

б) Уже XII с'езд партии, констатировавший значительное оживление хозяйственной жизни страны, вместе с этим указал на необходимость производить на каждом этапе хозяйственного развития оценку его с точки зрения *социалистического* строительства. Диктатура пролетариата, которая не может упрочиться и развернуться без роста материального благосостояния страны, не могла бы также удержаться, если бы этот рост благосостояния создавал перевес частного капитала над государственным.

Чрезвычайные затруднения, переживаемые сейчас хозяйством страны, выражаются прежде всего в том, что продукты нашей государственной промышленности не находят достаточного сбыта. Если сбыт встречал за последний год все большие и большие затруднения, то это об'ясняется в огромной степени чрезвычайно высокой *производственной* себестоимостью продуктов, чрезвычайно высокими накладными *торговыми* расходами в сочетании с недопустимыми методами *преувеличенного исчисления цен* за счет потребителя. В основе этих затруднений лежат непропорциональность и несогласованность различных элементов государственного хозяйства между собою и с рынком и нерациональная или недостаточно рациональная постановка промышленных и торговых предприятий и их операций, в частности неуменье наших все еще бюрократических торговых и кооперативных организаций проложить себе дорогу к крестьянскому рынку.

Центральной задачей попрежнему является смычка государственной промышленности с крестьянским сельским хозяйством, т.-е. в первую очередь установление правильного соотношения между продукцией нашей государственной промышленности, с одной стороны, и потребностями и емкостью нашего преимущественно-крестьянского рынка—с другой. Но задача эта может разрешиться в меру того, как правильно и систематически обеспечивается смычка разных факторов и элементов государственного хозяйства друг с другом.

Из всего этого партия сверху донизу должна сделать для себя тот вывод, что дальнейшее хозяйственное оживление, которое в более или менее близком будущем преодолеет нынешний кризис, лишь постольку послужит делу *социалистического* строительства, поскольку мы действительно научимся согласовывать элементы государственного хозяйства в их постоянном взаимодействии как между собою, так и с рынком.

Отсюда исключительная важность Госплана—хозяйственного штаба социалистического государства и всех хозяйственно-плановых организаций на местах. Необходимо обеспечить им на деле то место, какое указано в резолюции XII с'езда.

Принятые в последнее время меры по снижению цен на фабрикаты и по экспорту хлеба привели уже в настоящее время к некоторому оживлению торгового оборота и к повышению цен на хлеб. Однако, борьба с основными причинами кризиса сбыта требует от партии сложной и систематической работы над проведением указанных XII с'ездом мероприятий по концентрации промышленности, правильной организации промышленного и торгового аппарата, по под'ему сельского хозяйства, повышению его технического уровня и приспособлению его к борьбе на мировом рынке путем, между прочим, увеличения сельско-хозяйственного кредита и т. п. Эти задачи становятся теперь уже в самом неотложном порядке перед партией во весь рост. Не подлежит сомнению, что партия единодушно приложит силы для их действительного разрешения.

в) Об'ективные противоречия данной стадии переходного периода, вытекающие из одновременного существования самых различных хозяйственных форм, из наличности рыночных отношений, из необходимости для государственных учреждений применять капиталистические формы и методы практической работы, из необходимости опираться в этой работе на еще чуждый пролетариату персональный состав работников и т. д.—эти об'ективные противоречия сказываются в целом ряде отрицательных тенденций, борьба с которыми должна быть поставлена в порядок дня. К числу таких тенденций относятся: резкое расхождение в материальном положении членов партии в связи с разницей их функций и так называемые „излишества"; рост связи с буржуазными элементами и идеологическое влияние этих последних; ведомственное сужение кругозора, которое следует отличать от необходимой специализации, и возникающее на этой почве ослабление связи между коммунистами различных отраслей работы; опасность утери перспектив социалистического строительства в целом и мировой революции; отмеченная уже с'ездом опасность „нэповского" перерождения части работников, по роду своей деятельности наиболее близко соприкасающихся с буржуазной средой; наблюдающаяся бюрократизация партийных аппаратов и возникающая отсюда угроза отрыва партии от масс.

2. Партия и трудящиеся массы.

Доверие *пролетарских масс* к партии возросло. Это находит свое выражение в выборах в советы, в развале меньшевистской и эсеровской партий, в образовании кадра беспартийных рабочих, активно поддерживающих партию. В то же время активные рабочие-коммунисты, которые, естественно, должны быть связью партии с беспартийной массой, почти целиком поглощаются административной и хозяйственной работой и тем самым неизбежно отрываются от производства. Поэтому основной задачей в данной области является вербовка новых членов партии из рабочих от станка. Задача партийных организаций заключается в том, чтобы именно этой категории работников уделить особое внимание, сделать все возможное, чтобы не оторвать их от производственной работы, помочь им поднять культурный уровень и всемерно облегчить им возможность действительного участия во всех делах партии. Работа по увеличению пролетарского ядра партии должна являться на ближайшие месяцы одной из самых важных задач всех партийных организаций. Инициатива отдельных

организаций, уже развернувших свою работу в этом направлении, должна быть поддержана всеми промышленными органами нашей партии. Партия должна облегчить приток новых кадров промышленных рабочих в парторганизации и переход их из кандидатов в члены партии. Равным образом необходимо обратить усиленное внимание на работу среди подрастающей пролетарской молодежи.

Среди *крестьянства*, где вновь растут батрацкие и полубатрацкие слои, необходимо всемерно улучшать качественный состав деревенских ячеек, направлять их по руслу культурной и политической деятельности, в частности усиливать их работу в области содействия распространению агрономических знаний, в области кооперации, организации сельско-хозяйственного кредита и т. п. При этом необходима всемерная поддержка деревенской бедноты (в частности укрепление комнезамов на Украине) и вовлечение батрацких элементов как в нашу парторганизацию, так и во Всеработземлес.

Среди *интеллигенции*, в связи как с общими причинами, так и с улучшением ее положения у нас, при одновременном обнищании средних слоев в Германии, замечается общий поворот в сторону Советской власти. Особенно важен перелом в настроении сельского учительства и агрономического персонала, которые могут стать одним из основных соединительных звеньев между городом и деревней. Однако, поворот в сторону Советской власти широких слоев интеллигенции, будучи в своей основе глубоко положительным явлением, может иметь и отрицательные последствия, ибо увеличивает опасность идеологического окружения коммунистов. Борьба за идеологическую чистоту партии против мелко-буржуазного и сменовеховского обволакивания является поэтому точно так же одной из очередных задач партии.

3. Партия и рабочая демократия.

Отрицательные явления последних месяцев как в жизни рабочего класса в целом, так и внутри партии делают обязательным тот вывод, что интересы партии как в смысле успешной борьбы ее с нэповскими влияниями, так и в смысле повышения ее боеспособности во всех областях работы требуют серьезного изменения партийного курса в смысле действительного и систематического проведения принципов рабочей демократии. Исходя из этого, октябрьский совместный пленум ЦК и ЦКК постановил:

„Пленумы ЦК и ЦКК одобряют полностью своевременно намеченный политбюро курс на внутрипартийную демократию, а также предложенное политбюро усиление борьбы с „излишествами“ и разлагающим влиянием нэпа на отдельные элементы партии“.

Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни, свободу дискуссии по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху. Однако, она вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом.

Само собой разумеется, что внутри партии, которая представляет собою добровольное об'единение людей на определенной идейной и практической базе, не могут быть терпимы группировки, идейное содержание которых направлено против партии в целом и против диктатуры пролетариата (как, например, „Рабочая правда“ и „Рабочая группа“).

Только постоянная, живая, идейная жизнь может сохранить партию такой, какой она сложилась до и во время революции, с постоянным критическим изучением своего прошлого, исправлением своих ошибок и коллективным обсуждением важнейших вопросов. Только эти методы работы способны дать действительные гарантии против того, чтобы эпизодические разногласия превращались во фракционные группировки со всеми указанными выше последствиями.

Для предотвращения этого требуется, чтобы руководящие партийные органы прислушивались к голосу широких партийных масс, не считали всякую критику проявлением фракционности и не толкали этим добросовестных и дисциплинированных партийцев на путь замкнутости и фракционности.

Партия ни в коем случае не может быть рассматриваема, как учреждение или ведомство; но она также не может быть рассматриваема, как дискуссионный клуб для всех и всяческих направлений. X с'езд установил принципы рабочей демократии, но тот же X с'езд, а затем и XI и XII с'езды установили ряд ограничений в деле применения начал рабочей демократии: запрещение фракций (см. резолюцию X с'езда „О единстве партии“ и соответствующую резолюцию XI с'езда); чистка партии; ограничение приема в члены партии для непролетарских элементов; установление партстажа для известных категорий должностных лиц партии; утверждение секретарей вышестоящей партинстанцией (см. устав партии). Считая неизбежным в условиях нэпа сохранение и впредь известных ограничений, вместе с тем необходимо, на основании уже имеющегося опыта, особенно низовых организаций, проверить целесообразность некоторых из этих ограничений, например, права утверждения секретарей вышестоящими инстанциями. Во всяком случае, нельзя допускать превращения права утверждения секретарей в фактическое их назначение.

4. Ближайшие мероприятия по проведению рабочей демократии.

В целях борьбы с извращением партийной линии, для действительного проведения рабочей демократии и обеспечения за всей массой членов партии возможности систематически влиять на направление всей партийной политики, необходимо провести в жизнь в первую голову следующие мероприятия:

а) следить за строгим проведением выборности должностных лиц с теми ограничениями, которые указаны выше; считать недопустимым навязывание этих лиц вопреки воли организации; в частности внимательно следить за проведением выборности секретарей ячеек;

б) обязательно ставить все существенные вопросы партийной политики, поскольку этому не препятствуют какие-либо исключительные обстоятельства, на обсуждение ячеек и партийной массы в целом; расширить сеть партийных дискуссионных клубов; не прибегать к неправильным ссылкам на „партийную дисциплину“, когда дело идет о праве и обязанности членов партии на обсуждение интересующих их вопросов и вынесение решений;

в) обратить внимание на задачу выдвигания новых работников снизу, в первую очередь из рабочих;

г) особое внимание обратить на усвоение правильной партийной политики кадром товарищей, непосредственно соприкасающихся с партийной массой;

д) ввести в практику обязательную отчетность парторганов перед выбирающими их коллективами и перед широкой партийной массой;

е) усилить партийно-воспитательную работу, всячески избегая ее казенной постановки как среди всей партийной массы, так в особенности среди комсомольцев и женщин;

ж) обратить внимание на обмен опыта работников разных отраслей работы между собою; обязательно устраивать как при ЦК, так и при обкомах, губкомах и укомах периодические совещания ответственных работников всех отраслей работы;

з) усилить информацию членов партии путем печати и об'ездов мест со стороны членов ЦК, ЦКК, областных и губкомитетов и членов коллегий комиссариатов и т. д.;

и) усилить отделы партийной жизни в периодической печати;

к) войти с предложением на ближайший партс'езд о созыве конференций губернских и общепартийных два раза в год.

Для того, чтобы обеспечить действительное проведение всех вышеуказанных мероприятий по осуществлению рабочей демократии, необходимо перейти от слов к делу, предложив низовым ячейкам, уездным, районным и губернским партконференциям при очередных выборах систематически обновлять партийный аппарат снизу, выдвигая на ответственные посты таких работников, которые способны обеспечить на деле внутрипартийную демократию.

5. О контрольных комиссиях.

а) Перед партией уже поставлена важнейшая задача по улучшению нашего государственного аппарата. Эта работа требует большого времени для того, чтобы она могла дать действительные и ощутительные результаты. Основным условием успешности работ контрольных комиссий и РКИ в деле улучшения и чистки государственного аппарата является содействие им всей партии и ее организаций и вовлечение в эту работу самих трудящихся масс. Необходимо более активное вынесение деятельности контрольных комиссий и РКИ на арену общественного мнения партии и трудящихся масс.

б) Опыт последних месяцев показал, что помимо Центральной Контрольной Комиссии вопросами государственного аппарата должны заняться и контрольные комиссии на местах, в губерниях и областях, что таким образом вопрос о расширении функций местных контрольных комиссий должен быть поставлен на очередь дня.

в) Формами привлечения трудящихся к делу изучения и улучшения государственного аппарата могут быть ячейки содействия на предприятиях и в государственных учреждениях, формируемые контрольной комиссией и Рабоче-Крестьянской Инспекцией совместно с профсоюзами. Партийные ячейки на предприятиях должны быть тесно связаны с ячейками содействия РКИ и руководить их работой через фабзавкомы.

г) Особенно важной задачей контрольных комиссий в настоящий момент является борьба с бюрократическими извращениями партийного аппарата и партийной практики и привлечение к ответственности должностных лиц партии, препятствующих проведению в жизнь принципа рабочей демократии в практике партийных организаций (стеснение свободы высказывания на собраниях, не предусмотренные уставом ограничения выборности и т. д.).

д) Особое значение в настоящих условиях имеет борьба контрольных комиссий с так называемыми „излишествами" в государственном аппарате и со стороны отдельных руководителей его. Деморализующее влияние отрицательных сторон нэпа на членов нашей партии и в частности на отдельных ответственных работников должно встретить со стороны всей партии решительный отпор.

е) Необходимо проверить политику применения крайних партийных репрессий (исключение из партии). По отношению к промышленным рабочим от станка должна быть проявлена максимальная внимательность и крайние меры (исключение из партии) должны здесь применяться только в действительно необходимых случаях, т.-е, когда исчерпаны другие меры партийного воздействия.

Наконец, необходимо, чтобы исключенные раньше из партии, особенно промышленные рабочие, встречали действительно товарищеское отношение, когда они обращаются с заявлениями об обратном приеме в партию и когда при этом есть основание рассчитывать на правильное выполнение ими партийных требований.

6. Парторганизация и хозработа.

Величайшим и неоценимым нашим преимуществом является тот факт, что мы в рядах нашей партии имеем участников всех видов хозяйственной работы, начиная от пролетариев у станка и кончая наиболее ответственными ее руководителями. Все эти работники должны и при правильной постановке дела могут вносить свой чрезвычайно разносторонний коллективный хозяйственный опыт в деле выработки действительного партийного руководства хозяйственной работой. Необходимо обеспечить хозяйственникам в кругу их работы достаточную самостоятельность и полную поддержку партии. Систематическое партийное руководство отнюдь не должно допускать дергания по случайным и второстепенным поводам.

В этих целях необходимо приближение комячеек к производству; отчеты и информация со стороны хозяйственников-коммунистов должны стать регулярными; доклады должны обсуждаться по существу; необходимо устройство систематических совещаний коммунистов из ячеек предприятий, входящих в хозяйственное об'единение (например, трест), и партийно-хозяйственных конференций; представители ячеек обязаны делать доклады о таких конференциях на своих ячейках. Необходимо гораздо более систематически обобщать опыт и указания низовых ячеек.

7. Работа в массах и вовлечение масс в практическое строительство.

Работа по вовлечению масс в практическое строительство должна быть усилена именно в виду опасности отрыва госаппарата от масс. Поэтому отчетность и информация со стороны хозяйственников должны быть проведены и по отношению к массам (делегатские и общие собрания рабочих, фабзавкомы, беспартийные рабочие и крестьянские конференции и т. д.).

Особое внимание должно быть обращено также и на приближение профсоюзов к производству. Необходимо усилить влияние профсоюзов в деле подбора и выдвигания новых людей на хозяйственные посты, в деле контроля над работой хозорганов (громадное значение имеет и контроль за своевременной выплатой зарплаты, ее подходящей формой и т. д.); профсоюзы должны созывать производственные конференции по об'единениям (трестам), с участием представителей фабзавкомов и руководителей предприятий; профсоюзы должны давать отражение своей работы в профессиональной прессе, которую необходимо улучшить и подкрепить.

Всемерно должен быть подкрепляем институт рабочих корреспондентов, которых необходимо тщательно оберегать от какой бы то ни было казенщины и бюрократизации. Партийной и советской пе-

риодической печати поставить в обязанность максимально-чутко прислушиваться к требованиям и предложениям, идущим со стороны масс.

При выборах в Советы Рабочих и Крестьянских Депутатов обращать внимание на выдвигание новых людей, проводить, на-ряду с партийными, деловых беспартийных рабочих, втягивать этих последних в активную работу (работа секций горсовета, совещание отделов и исполкомов с представителями рабочих и крестьян, ячеек содействия РКИ и т. д.).

Усилить практику беспартийных широких конференций; способствовать росту всевозможных добровольных самодеятельных об'единений: культурно-просветительных, спортивных и т. д., в особенности таких, которые непосредственно затрагивают семейно-общественный быт рабочей массы (Нарпит и т. п.), обеспечивая им возможность правильного развития.

Необходимо шире развернуть практику открытых собраний в ячейках и на основании опыта этих открытых собраний подбирать кадры беспартийных активных помощников нашей партии.

Оглавление.

Типо-Фото-Цинкография Коопер. Изд. „Пролетарий". Зак. № 398 тираж 5000.

[329.14 к (47) (08)=91.71]